КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ

1903 г.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

Дозволено цензурою. Кiевъ, 12 марта 1903 года.

Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія [1].

Экономическія отношенія.

Въ 1888—89 г.г. я помѣщалъ въ «Кіевской Старинѣ» мои письма объ украинскомъ народномъ міровоззрѣніи. Я говорилъ о религіозномъ міровоззрѣніи и о семейныхъ отношеніяхъ. Теперь я хочу поговорить о народномъ взглядѣ на правовыя нормы экономической жизни. Такъ какъ мои письма печатались довольно давно, то мнѣ приходится здѣсь повторить, что я далекъ отъ притязанія на исчерпывающее освѣщеніе предмета. Это не болѣе, какъ попутныя наблюденія человѣка, поставленнаго условіями личной жизни въ довольно близкое соприкосновеніе съ сельскимъ людомъ. Къ тому же и районъ наблюденій довольно ограниченъ: въ молодости я жилъ въ кіевскомъ уѣздѣ, потомъ поселился въ сквирскомъ (кіевской губ.) и дѣлалъ иногда болѣе или менѣе от-

[1]) Настоящая статья, служащая продолженіемъ печатавшихся въ «Кіев. Старинѣ» (1888 г. № 11; 1889 г. № 9—11) очерковъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ, найдена была между бумагами Ѳ. Р. Рыльскаго послѣ его смерти. Нашъ дорогой сотрудникъ готовилъ эту часть статьи тоже для нашего журнала, но продолжительная болѣзнь не позволила ему окончательно обработать ее до конца. такъ что только начало статьи помѣщается теперь въ окончательной отдѣлкѣ, а остальная часть, тоже почти совсѣмъ выправленная, печатается по черновымъ листамъ. *Ред.*

даленныя экскурсіи по Украинѣ. Этимъ матеріаломъ личныхъ наблюденій я и хочу главнымъ образомъ воспользоваться въ настоящемъ письмѣ.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ ко мнѣ обращался за разными совѣтами одинъ зажиточный крестьянинъ сквирскаго у., имѣвшій въ виду купить у сосѣдняго помѣщика около 30 десятинъ земли. Онъ ее и купилъ, но во время разныхъ совѣщаній о цѣнѣ, условіяхъ продажи и т. п. онъ мнѣ сказалъ, что, можетъ быть, стремясь къ покупкѣ даннаго куска земли, онъ поступаетъ неблагоразумно, такъ какъ говорятъ, что всѣ земли будутъ надѣлять на души и что въ такомъ случаѣ данная покупка будетъ для него безполезною (ему придется получить и такъ достаточное количество земли). Этотъ крестьянинъ принадлежалъ къ числу зажиточныхъ, что видно уже и изъ размѣровъ покупаемаго (безъ содѣйствія какого-нибудь кредитнаго учрежденія) участка. Въ виду этого его взглядъ на данный вопросъ былъ результатомъ спокойнаго размышленія, выросшаго на общемъ фонѣ крестьянскаго міровоззрѣнія, а не продуктомъ страстной мечтательности. «Тымъ часомъ докы що буде, треба купыть».

Глухіе, неопредѣленные толки о вѣроятныхъ болѣе или менѣе радикальныхъ аграрныхъ преобразованіяхъ, зарождаются, какъ извѣстно, отъ времени до времени среди селянъ той или иной мѣстности. Вѣсти о подобныхъ толкахъ вызываютъ часто преувеличенную тревогу и служатъ матеріаломъ для обличенія крестьянъ въ грубой жадности, невѣжествѣ и т. п., и благо еще, если этимъ только и ограничивается обличительное направленіе. Необходимо, однако, констатировать, что бо́льшее оживленіе подобныхъ толковъ въ извѣстные моменты не вызываетъ обыкновенно насильственныхъ дѣйствій со стороны крестьянъ. Причину этого я постараюсь объяснить дальше, теперь же хочу указать на одно явленіе, довольно часто повторяющееся и находящееся въ связи съ даннымъ общимъ направленіемъ народной мысли.

Когда случается, что какой-нибудь болѣе значительный участокъ земли или все помѣщичье имѣніе продается, и имѣніе это

покупаетъ другой помѣщикъ или вообще чужой человѣкъ, то крестьяне даннаго села обыкновенно говорятъ: «мы жъ блыжнійши», особенно если имѣніе торговали и они. На основаніи этого аргумента («мы жъ блыжнійши») они довольно часто обращаются къ властямъ съ просьбой уничтожить данную сдѣлку и предоставить мѣстнымъ крестьянамъ преимущественное право купить землю за цѣну, условленную покупателемъ. Надежды и оживленіе въ подобныхъ случаяхъ бываютъ обыкновенно довольно значительны. Случается, разумѣется, что нечистые дѣльцы своекорыстно возбуждаютъ эти надежды обѣщаніями цѣлесообразной юридической акціи, тѣмъ не менѣе, когда хлопоты въ данномъ направленіи оказываются тщетными, населеніе, не безъ чувства горечи, конечно, примиряется съ фактомъ, вытекающимъ изъ положительнаго закона. Отмѣченное въ указанныхъ случаяхъ отсутствіе склонности къ насильственнымъ дѣйствіямъ, наряду со смѣлостью теоретическихъ предположеній, неправильно было бы объяснить пассивностью народнаго темперамента и тому подобными соображеніями.

Какъ извѣстно бываютъ у насъ случаи такъ-называемыхъ аграрныхъ столкновеній, сопряженные съ дѣяніями, которыя юридическая терминологія подводитъ подъ понятіе самоуправства, насилія и т. п., но эти столкновенія имѣютъ мѣсто тогда только, когда (основательно или ошибочно) крестьяне предполагаютъ, что положительный законъ на ихъ сторонѣ, и что онъ самоуправно нарушается другими лицами во вредъ имъ, и потому считаютъ дозволенной бо́льшую рѣшительность дѣйствія при осуществленіи своего права.

Въ случаѣ, когда крестьяне разсчитываютъ на преобразованіе въ желательномъ для нихъ направленіи положительнаго закона, они не оставляютъ легальной почвы, обращаются къ офиціальнымъ лицамъ и учрежденіямъ, компетентнымъ по ихъ мнѣнію въ данномъ отношеніи, не предпринимая отдѣльныхъ дѣяній, запрещаемыхъ существующимъ положительнымъ закономъ.

Если мы захотимъ разобраться въ основахъ народнаго міровоззрѣнія по данному вопросу, то, отвлекаясь отъ своеобразныхъ формулъ народной стилизаціи, мы можемъ, мнѣ кажется, такъ ихъ формулировать: данный аграрный строй не есть окончательное звено сюда относящейся эволюціи общественныхъ явленій; будущее развитіе расширитъ земельныя права лицъ, обрабатывающихъ своимъ непосредственнымъ трудомъ землю, при чемъ безвозмездность этого преобразованія не есть необходимое его условіе («теперъ нема безплатнои земли»), законодатель имѣетъ очень широкія полномочія по данному вопросу и потому съ положительными его требованіями въ каждый отдѣльный моментъ нужно серіозно считаться.

Выраженное въ этомъ болѣе обычномъ для насъ стилѣ народное міровоззрѣніе не производитъ уже впечатлѣнія фантастической мечтательности, диктуемой грубой жадностью. Не входя въ оцѣнку даннаго міровоззрѣнія по существу, мы должны признать, что взгляды многихъ серіозныхъ мыслителей и практическихъ общественныхъ дѣятелей довольно близко съ нимъ сходятся, отличаясь только болѣе строгой аргументаціей, болѣе послѣдовательнымъ ходомъ мысли и болѣе уравновѣшенными соображеніями о степени общей и технической культурности общества.

Но если въ программу настоящаго очерка не входитъ разборъ даннаго міровоззрѣнія по существу, то сюда, конечно, относится все, что можетъ уяснить генезисы направленія народной мысли.

Въ скромныхъ, намѣченныхъ уже раньше, рамкахъ настоящихъ замѣтокъ, я постараюсь это сдѣлать. Но общія разсужденія я предпочитаю замѣнить фактическими наблюденіями. Я начну съ экскурсіи въ край архаическихъ (до недавняго по крайней мѣрѣ времени) аграрныхъ отношеній. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (19-го столѣтія) я проѣзжалъ по землѣ бывшаго войска черноморскаго. Изъ Ейска въ Екатеринодаръ я ѣхалъ на одноконной подводѣ съ возницею, уроженцемъ полтавской губ., но прожившимъ уже нѣсколько лѣтъ въ Черноморіи. Мы ѣхали не спѣша, пасли лошадь по мѣрѣ надобности въ степи, не справ-

ляясь ни съ какими разрѣшеніями. Меня это не удивляло, такъ какъ изъ болѣе давней экскурсіи въ Новороссійскій край я былъ знакомъ съ такой свободой отношенія къ подножному корму. Но я удивился, когда въ одномъ мѣстѣ мой возница остановилъ лошадь среди дороги, досталъ изъ воза косу и началъ косить прекрасную степную траву. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ, что намъ придется ночевать въ балкѣ, въ которой нѣтъ хорошей травы, и потому нужно здѣсь запастись. Я ему замѣтилъ, что не въ томъ дѣло, но что такимъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ сѣнокосу мы можемъ нажить непріятности.—«Ни, ще тутъ—хвалыть Бога—цёго немае». Въ другомъ мѣстѣ мы проѣзжали около хаты, въ которой хозяйка козачка угощала пришлыхъ рабочихъ косарей «чаркою и вечерею». Мѣстное населеніе не могло справиться съ уборкой сѣна и хлѣба тѣмъ болѣе, что мужское населеніе было отвлекаемо продолжавшеюся еще борьбою съ горцами. Пришлые рабочіе были желанными и сравнительно хорошо оплачиваемыми помощниками въ козацкомъ хозяйствѣ. Въ данномъ случаѣ исполненіе хозяйскихъ обязанностей по отношенію къ харчеванію смѣшивалось, подъ вліяніемъ удачной косовицы, съ гостепріимнымъ радушіемъ. Хозяйка была радостно возбуждена, косари начинали уже пѣть, мы чуть было не попали, по приглашенію хозяйки, въ оживленную компанію. Проѣзжая дальше, я сказалъ моему возницѣ, что хозяйка, угощавшая косарей, имѣла видно много земли, такъ какъ косарей у нея работаетъ много. Мой возница объяснилъ мнѣ, что не въ землѣ тутъ сила, а въ деньгахъ; всякій можетъ накосить сколько имѣетъ силы, «скилькы може, стилькы и накосыть».

Изъ Екатеринодара въ Тамань я пріѣхалъ уже съ другимъ возницей, имѣя въ виду переѣхать оттуда въ Керчь и Одессу. Мой возница «впросывся» ночевать въ одну изъ станичныхъ хатъ. Пароходъ, сообщавшій Тамань съ Керчью, ходилъ въ то время, помнится, одинъ разъ въ недѣлю, и такъ какъ я не поспѣлъ ко времени его отхода, то мнѣ пришлось прожить въ Тамани нѣсколько дней. Съ разрѣшенія хозяйки и старухи-матери я остался въ той же хатѣ; хозяинъ находился на военной

службѣ. Во время моего пребыванія пріѣхалъ на одинъ день и онъ. Разъ хозяйка заявила ему: «а що—пора вже нашъ ячминь жать».

— «А де жъ нашъ ячминь»?—спросилъ хозяинъ. Жена разсказала ему, называя разныя урочища. Меня удивило такое незнаніе со стороны хозяина мѣста его ярового посѣва. Но дѣло объяснялось просто. Всякая козацкая семья засѣвала тотъ или иной хлѣбъ въ томъ мѣстѣ, которое она считала удобнымъ, оставляя послѣ одного или нѣсколькихъ сборовъ пидъ «перелигъ», которымъ могъ воспользоваться тотъ или иной изъ хозяевъ. На другой день хозяйка съ наймытомъ собрались ѣхать собирать ячмень. Такъ какъ я видѣлъ, что съ моего возницы не взяли платы за прокормъ его съ конемъ, то, предполагая (какъ оказалось, основательно), что и со мною это можетъ случиться, я предложилъ свое участіе въ сборѣ ячменя. Жнецъ то я былъ неважный, но все-таки жалъ кое-какъ. Мы и отправились вмѣстѣ. Ячмень, дѣйствительно, удался прекрасно и потому его жали, а не косили. Мѣсто, гдѣ онъ былъ посѣянъ, было порядочно таки удалено отъ станицы, такъ что мы и ночевали въ полѣ, несмотря на то, что съ нами были лошади. Смотря на этотъ прекрасный ячмень и припоминая значительное разстояніе, которое мы проѣхали въ степи, я думалъ, что недаромъ же хозяйка потрудила свою умную «головку» и свои «били нижкы», выбирая мѣсто для посѣва.

Вотъ аграрныя условія, при которыхъ для мѣстнаго населенія «степы-поля» была, дѣйствительно, «роскишъ моя». Встрѣчались они на мѣстахъ наиболѣе поздняго поселенія малорусскаго племени. Здѣсь исторія аграрныхъ отношеній находилась въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ фазисовъ своего развитія, и потому въ этой новой землѣ можно было замѣчать черты, свойственныя очень давнему періоду развитія давнонаселенныхъ мѣстностей, не оставившему послѣ себя даже достаточныхъ документальныхъ данныхъ. Правда, и въ то уже время въ теоріи, значащейся въ оффиціальныхъ документахъ, право пользованія землею было болѣе точно регламентировано (30 десятинъ, кажется, на

простого козака), но регламентація эта существовала только на бумагѣ. Тѣмъ не менѣе и въ краѣ этого земельнаго приволья встрѣчались уже--по словамъ мѣстныхъ жителей--и земельные споры. Споры эти относились къ усадебнымъ землямъ. Большая ограниченность земель удобныхъ для усадьбы, большая интенсивность ихъ культуры достаточно объясняютъ это явленіе. Оно же служитъ и указаніемъ на ограниченную пригодность архаическихъ формъ землепользованія. Увеличивающійся натискъ на землю возрастающаго населенія, большая интенсивность культуры, вызываемая имъ, составляютъ естественныя непреоборимыя препятствія для ихъ существованія. Но изъ этого далеко не слѣдуетъ, что исторически онѣ разбивались объ этотъ именно камень преткновенія. За исчезающими по своей мелочности, спорадичности и неполнотѣ исключеніями, европейскій землевладѣлецъ почувствовалъ относительную земельную тѣсноту далеко раньше естественнаго ея наступленія подъ вліяніемъ причинъ совсѣмъ иного порядка. Такъ было и на Украинѣ. Этотъ дѣйствительный историческій ходъ событій выразился естественно и въ формулахъ положительнаго закона относительно правъ землевладѣнія и въ критическомъ воззрѣніи на него со стороны слоевъ населенія, считавшихъ себя обойденными историческимъ ходомъ событій. Еще въ старой козацкой думѣ звучитъ нареканіе на «ляхивъ-дукивъ», которые «забралы вси наши лугы й лукы». Такой именно взглядъ на аграрныя отношенія, какъ на результатъ насилія, доминировалъ въ народномъ міровоззрѣніи временъ крѣпостныхъ. Подвергаясь подъ вліяніемъ измѣняющихся обстоятельствъ разнымъ модификаціямъ, взглядъ этотъ не могъ, конечно, исчезнуть, не оставляя слѣдовъ въ современномъ народномъ міровоззрѣніи. Это и побуждаетъ меня нѣсколько остановиться на народномъ міровоззрѣніи временъ крѣпостной зависимости. Суровый отрицательный взглядъ на крѣпостной строй нигдѣ, мнѣ кажется, такъ ярко не выражался, какъ на территоріи бывшихъ вольностей войска запорожскаго, гдѣ и традиція свободнаго доступа къ землямъ, и относительное обиліе ихъ, и болѣе позднее появленіе фактическаго «пидданства»—придавало особенно живую окраску народной мысли и чувству.

Къ концу 50-хъ годовъ (прошл. стол.) нѣсколько насъ товарищей студентовъ провели значительную часть каникулъ въ «мандривкѣ» по Новороссіи. Мы держались преимущественно мѣстъ болѣе близкихъ къ Днѣпру, проѣзжая по правому его берегу. Это были мѣста, давнѣе населенныя или смежныя съ ними, и здѣсь на всякомъ почти шагу мы встрѣчались съ живымъ воспоминаніемъ о Запорожьи.

Воспоминаніе это для крестьянскаго населенія имѣло значеніе воспоминанія о свободномъ доступѣ къ землѣ и личной волѣ. Этотъ порядокъ противопоставлялся крѣпостному, панскому. «За запорожцивъ добре було жыть, а теперъ де ярокъ—тамъ панокъ, а де яръ—тамъ панъ». Это была ходячая стереотипная фраза, съ которою мы встрѣчались на каждомъ шагу. Это противопоставленіе запорожскихъ и крѣпостныхъ порядковъ было такъ живо, что при разговорѣ объ ожидаемомъ и приготовлявшемся освобожденіи крестьянъ случалось слышать разсужденіе: «чы не запорожець пиднявся». Я помню сильное впечатлѣніе, произведенное на насъ бесѣдою старика «рыбалки» въ с. Покровскомъ на мѣстѣ одной изъ сѣчей запорожскихъ. Впечатлительность нашу оживляла историческая почва, матеріальные слѣды прошлаго (каменные кресты на могилахъ товарища того или иного куреня, памятникъ Сирка), благодушіе всей семьи, да наши молодые годы. Мѣсяцъ освѣщалъ бѣлую, обвѣшанную «нызками» рыбы, хату и всю семью, вечерявшую передъ хатой. Насъ также пригласили на вечерю. За вечерею старикъ разговорился, побуждаемый нашими вопросами. Онъ разсказывалъ о бытовыхъ чертахъ козацкой жизни, разсказалъ, между прочимъ, въ прозаической формѣ одинъ изъ варіантовъ думы о Ганжѣ Андыберѣ, но рѣчь его звучала особенно краснорѣчиво, когда онъ перешелъ къ разсказамъ о разореніи Сѣчи, когда передавалъ легенду о церкви, которая провалилась въ землю, не желая быть свидѣтельницей совершающихся фактовъ. Но факты совершились, «народъ и земли» были легкомысленно, капризно розданы. Здѣсь такъ и слышался тотъ тонъ, который звучитъ у Шевченка, когда онъ говоритъ о разныхъ невзгодахъ, которыя на Украину «сараною силы».

Въ давно населенной «городовой» Украинѣ *подданскія* отношенія были давнимъ фактомъ. и если во второй половинѣ 18 ст. встрѣчались еще массовые протесты противъ него, то неудачный ихъ исходъ, съ одной стороны, и болѣе сильныя руки, взявшіяся за охрану даннаго общественнаго строя съ конца 18 ст.—съ другой, подсказывали какъ будто мысль о стихійной ихъ непреоборимости. Потому въ давно населенной Украинѣ (я говорю о болѣе мною знаемой—правобережной) тонъ протестующаго негодованія, болѣе рельефно обрисовывавшійся въ Новороссіи, уступалъ иногда мѣсто безнадеждному унынію. Когда-то, давнымъ давно, я слышалъ въ кіевскомъ уѣздѣ сказку, детали которой ускользнули, къ сожалѣнію, изъ моей памяти. Но сущность ея такова. «Заможній» хозяинъ широко оповѣстилъ о томъ, что онъ устраиваетъ обѣдъ, но за столъ онъ посадитъ только *правду*. Къ нему явились люди разныхъ общественныхъ положеній, претендуя на мѣсто за столомъ, но онъ устранялъ ихъ всѣхъ, указывая на разныя ихъ дѣянія, несогласныя съ идеей правды. Пришелъ и Богъ. Хозяинъ сталъ говорить о томъ, что Богъ даетъ однимъ всѣ блага жизни, оставляя на долю другихъ только ея тягости, и отказалъ и Богу въ мѣстѣ за столомъ. Тогда пришла смерть. Да, сказалъ хозяинъ, для тебя нѣтъ худшихъ и лучшихъ, ты относишься ко всѣмъ одинаково—твое мѣсто за столомъ.

Вотъ въ какомъ суровомъ, неприглядномъ видѣ представлялась иногда воображенію народа правда. Въ дѣйствительномъ, окружающемъ его мірѣ нѣтъ ея. «Нема въ свити правды, правды не зиськаты, що теперъ неправда стала папуваты»—говорится въ извѣстной лирницкой пѣснѣ. Такая нота безнадежнаго пессимизма звучала иногда въ разговорѣ крѣпостного люда. Въ дни очень ранней молодости моей мнѣ случалось слышать среди крестьянъ безнадежные разговоры о непоколебимости крѣпостного строя, хотя это и было наканунѣ его упадка. Такой же смыслъ имѣетъ и пословица: «мужыкъ мужыкомъ, на викы викомъ» (sic.). Такой же характеръ унылаго и какъ будто безнадежнаго протеста звучитъ и въ пѣснѣ, записанной мною въ крѣпостное время въ д. Маковищахъ, кіевскаго уѣзда. Тѣ или иные ея варіанты попадали

уже въ печать, но мнѣ она кажется настолько выразительной для освѣщенія затронутаго вопроса, что я рѣшаюсь привести здѣсь ее цѣликомъ.

Ой Содома, пане брате,
Содома, Содома—
Нема въ мене снопка жыта
Ни въ поли, ни дома.
Було въ мене, куме, жыто
Зелене, зелене,
Зайихалы вражи паны,
Забралы одъ мене.
Було въ мене, куме, жыто
Гей скризь по-пидъ ричку,
Зайихалы вражи паны
Забралы на сичку.
Ой пишовъ я, пане брате,
Платы помынаты,
А винъ мене выбывъ добре,
Ще й выгнавъ изъ хаты.
А щожъ майемъ, пане брате,
Тепера робыты,
Йде колія на панщыну
Ввесь тыждень ходыты.
Ой пишовъ я въ понедилокъ,
Пишовъ у вивторокъ,
Ажъ выйихавъ панъ комысаръ,
Давъ нагайивъ сорокъ.
Ой ходывъ я увесь тыждень,
Ходывъ до суботы,
Ажъ выйихавъ самъ панъ-дидычъ:
«Чортъ-ма зъ васъ роботы».
А въ недилю дуже рано
Уси дзвоны дзвонять,
Осаулы зъ козакамы
До выпысу гонять.

Ой думавъ я, пане брате,
Богу помолюся,
Осаула бере за лобъ
Бье кіёмъ по ушахъ.
А нашыи осаулы
Маютъ въ пана ласку,
Зъ чоловика деруть штаны,
А зъ жинкы запаску.
Въ Колонщыни дзвоны дзвонять
Въ Маковыщахъ тыхо,
Въ Колонщыни чортъ-ма добра
Въ Маковыщахъ лыхо.
Ой ходимо, пане-брате,
По за крути горы,
Нехай тута выводятся
Крукы та вороны.

И никакого, кажется, луча надежды... Проклятіемъ родному мѣсту заканчивается пѣснь. Да, это было время, вызвавшее и у Шевченка вопль сомнѣнія: «чы Богъ бачыть изъ-за хмары нашi слёзы й горе»?

Но если гнетъ жизненныхъ условій вызываетъ иногда у отдѣльныхъ единицъ чувство полной безнадежности, то съ нимъ не мирится постоянно возобновляющаяся притокомъ новыхъ силъ коллективная единица. Для коллективной психологіи острое горькое сознаніе тяжелыхъ условій жизни служитъ обыкновенно точкой отправленія для мышленія, направленнаго на противодѣйствіе имъ. Если съ чувствомъ безвыходнаго отчаянія не мирится вообще мысль коллективнаго человѣка, то въ данномъ случаѣ— меньше всего мысль украинскаго народа съ его традиціей двухвѣковой борьбы съ панскимъ общественнымъ строемъ, предшествовавшей времени, о которомъ была рѣчь. Вѣрный и чуткій сынъ этого народа—Шевченко вслѣдъ за цитированнымъ пессимистическимъ вопросомъ говоритъ: «пошлемъ думку ажъ до Бога, його запытаты: чы довго ще на цимъ свити катамъ пануваты?» И въ

данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ былъ вѣрнымъ выразителемъ направленія народной мысли, переходящей отъ сознанія жизненныхъ условій къ протесту противъ нихъ.

Въ волынскомъ варіантѣ только что цитированной пѣсни о панщинѣ, записанномъ Вл. Б. Антоновичемъ, послѣдняя строфа гласитъ:

Ой ходимо, пане брате,
Въ степъ, та въ гайдамакы,
Може колысь вражымъ панамъ
Дамося у знакы.

Исхода въ своемъ горѣ народъ ищетъ здѣсь въ обращеніи къ исторической традиціи. Такое ободряющее ея значеніе сохраняли для народа уцѣлѣвшія историческія пѣсни. На правобережьи не сохранилось бандуристовъ съ ихъ историческими думами. Историческую пѣснь сопровождалъ здѣсь жалобный аккомпаниментъ лиры или же она пѣлась хоромъ непрофессіональныхъ сельскихъ пѣвцовъ. Не трудно понять, какой эффектъ производили среди крѣпостного люда пѣсни о борьбѣ съ «ляхами—мостивымы панамы», такъ какъ извѣстно, что подъ вліяніемъ хода историческихъ событій въ словѣ *ляхъ* почти исчезло его національное значеніе и оно стало синонимомъ слова—панъ.

Значительною популярностью пользовалась пѣснь о сподвижникѣ Хмельницкаго, Нечаѣ. Его не легко тревожатъ вѣсти объ идущихъ на него войной «ляшкахъ—панкахъ». «Козакъ Нечай, козакъ Нечай на те не вповайе, зъ кумасею Хмельныцького медъ, выно кружайе», многократно повторяетъ пѣснь. Но когда этотъ беззаботный козакъ вскочилъ на коня, «за козакомъ, за Нечаемъ кровъ ричкою тече», какъ снопы ложатся «ляшкы-панкы» и послѣ нѣкотораго времени «не выскочыть кинь козацькій зъ-пидъ панського трупу». Въ окрестностяхъ Макарова (кіевск. уѣзда) пѣли о Бондаренкѣ, который «пишовъ до Бышева ляшкивъ-панкивъ быты», на югѣ кіевской губ. въ Субботовѣ былъ записанъ П. А. Кулишемъ извѣстный торжественный гимнъ: «Ой не дывуйте, добрыи люде, що на Вкраини настало». Въ другихъ мѣ-

стахъ пѣлись другія аналогичныя пѣсни. Пѣсни эти пѣлись, оглядываясь на то, что «пичъ у хати», почти по секрету, избѣгая слушателей изъ пановъ или полиціи. Это сообщало имъ тѣмъ болѣе эффектности; онѣ, также какъ и уцѣлѣвшіе остатки исторической традиціи, дѣйствовали ободряюще, напоминая о томъ, что какъ ни важенъ панъ—и съ нимъ всякое бывало. «Якъ кынувся ляхъ до шабли, бурлака до друка—оце жъ тоби, вражый сыну, зъ душею розлука». Конечно, историческія традиціи съ теченіемъ времени ослабѣвали, да кромѣ того ими неохотно дѣлились съ людьми, стоящими внѣ народной среды, такъ какъ онѣ по общему своему направленію представлялись въ крѣпостное время запрещеннымъ, такъ сказать, плодомъ. Направленіе это было то же, которое было присуще разсказамъ Тарасоваго *дида*, когда у него «столитніи очи, якъ зори сіялы».

Маленькой иллюстраціей народнаго угла зрѣнія на событія прошлаго можетъ служить слѣдующій эпизодъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній. Во время нашей студенческой каникулярной экскурсіи въ концѣ 50-хъ годовъ мы остановились въ Трипольѣ (кіевской губ.). Старикъ, *рыбалка*, угощалъ подъ корчмою надъ Днѣпромъ *молодыць*, помогавшихъ ему въ рыбной ловлѣ. Такъ какъ онъ видѣлъ меня водившимъ лошадей къ водопою, то считалъ меня дворовымъ какихъ-нибудь проѣзжихъ пановъ и потому не стѣснялся въ разговорахъ со мною; къ тому же онъ нѣсколько подвыпилъ. Я старался съ нимъ завязать разговоръ о преданіяхъ старины. Богатый могильникъ Триполья послужилъ точкой отправленія разговора. Конечно, курганы онъ считалъ, по обыкновенію, козацкими, но хотя и говорилъ кое-что о козачествѣ, представленія его въ этомъ отношеніи были довольно смутны. «А чы не памятаете чого, диду, про гайдамакивъ»?—«Про гайдамакивъ? я й самъ, щобъ тоби не збрехать, зъ симдесятъ панивъ заколовъ». По сопоставленію его наружности и годовъ событій,—дидъ, кажется, напрасно, употреблялъ оговорку: «щобъ тоби не збрехать», но по оживленію разсказа, детальности картинъ можно было съ увѣренностью заключить, что данныя преданія онъ слышалъ въ ранней молодости отъ живыхъ участниковъ событій. Я

не берусь уже теперь за возстановленіе его живого, складнаго разсказа; я постараюсь возстановить только нѣкоторые его моменты, глубоко врѣзавшіеся въ мою память. Героемъ его разсказа былъ Швачка. Онъ со своими «хлопцямы» сурово расправлялся съ «панамы и жыдамы»; въ добытыхъ панскихъ дворахъ устраивалъ пиршества, орошаемыя напитками изъ бывшихъ панскихъ погребовъ. Разъ какъ то евреи спрятались въ погребъ и на вопросъ: «кто вы такіе?» отвѣчали: «ченци».—«Щожъ вы робыте»? —«За батька Хмельныцького Богу молымось». Я спросилъ дида: кто такой Хмельницкій.—«Хмельныцькій—Швачка все йидно». Мнимымъ «ченцямъ», конечно, плохо пришлось отъ гайдамакъ. Но Швачку, наконецъ, поймали и закованного въ кандалы увезли. На прощаніе, обращаясь къ товарищамъ, онъ сказалъ имъ: «вы на те не вважайте, пыйте, гуляйте, вражыхъ панивъ розбывайте».

Во всемъ этомъ разсказѣ до самохвальнаго утвержденія дида о его личныхъ дѣйствіяхъ включительно—ясно выступаетъ точка зрѣнія народной массы на событія прошлаго, а за ней и критерій оцѣнки крѣпостного строя. Разумѣется, подобные разсказы не были единственными, варьируясь по мѣсту и темпераменту разсказчика. Утверждать, что они очень часто встрѣчались, было бы рискованно, но и предполагать полную ихъ исключительность на томъ только основаніи, что съ ними рѣдко встрѣчались наблюдатели народной жизни изъ интеллигенціи—было бы другою крайностью. Нужно помнить о томъ недовѣріи къ людямъ, стоящимъ внѣ крестьянской среды со стороны народа, съ которымъ въ значительной мѣрѣ мы и теперь встрѣчаемся и которое въ крѣпостное время было, конечно, значительно сильнѣе.

Я уже упоминалъ о рѣзкомъ критическомъ отношеніи къ крѣпостному строю, встрѣчаемомъ въ Новороссіи, при чемъ воспоминанія о болѣе недавнемъ земельномъ довольствѣ и личной свободѣ придавало здѣсь міровоззрѣнію народному по данному вопросу особенную живость. Этотъ оттѣнокъ народнаго міровоззрѣнія не оставался безъ вліянія и на болѣе давно закрѣпощенное населеніе болѣе сѣверной Украины. Довольно часто повторявшіеся временные побѣги изъ давно населенныхъ мѣстъ въ Ново-

россію служили орудіемъ этого воздѣйствія. Какъ ни рѣшительно крѣпостное право признавалось законнымъ порядкомъ и въ Новороссіи, однако сравнительная скудость населенія и обиліе земель не дозволяли здѣсь построить всей системы хозяйства на мѣстномъ крѣпостномъ трудѣ. Пришлецы изъ сосѣднихъ губерній были крайне желательны, и въ виду этого никто не допытывался особенно тщательно о томъ: была ли у появившагося наймита «бумага». Одинъ мой знакомый, бѣглый крѣпостной изъ кіевскаго уѣзда, служилъ нѣсколько лѣтъ у становоrо пристава въ херсонской губ. Нѣкоторые изъ *заробитчанъ* въ Новороссіи могли имѣть и законные виды (напр. старики, имѣвшіе болѣе 50 лѣтъ и не подлежавшіе панщинѣ по инвентарнымъ правиламъ, а то, такъ называемые вольные люди, чиншевики и др.) но преобладали, кажется, «безбилетни». Нѣкоторые изъ нихъ возвращались въ родныя села при измѣняющихся обстоятельствахъ, при переходѣ, напр., имѣнія въ другія руки, иные возвращались и поневолѣ. Тѣ и другіе дѣлились, конечно, съ мѣстнымъ населеніемъ впечатлѣніями, вынесенными изъ мѣстъ ихъ временнаго пребыванія. Уже самый фактъ сравнительно хорошихъ заработковъ по вольному найму имѣлъ оживляющее значеніе для крѣпостной массы. Разсказы и пѣсни о бурлакахъ, ходившихъ на степной югъ и на взморье, встрѣчались въ отдѣльныхъ мѣстахъ сѣверной Украины. Правда, и на степномъ югѣ давали себя чувствовать иногда знакомые суровые порядки.

Якъ булы мы на мори,
То гулялы доволи—
Теперъ же мы не на мори,
Безбилетнымъ жыть намъ горе
Въ чужій сторони».

Непосредственно преслѣдовалъ «безбилетныхъ» «війтъ» или «соцькій» (ото жъ сынъ пребисовській), тотъ или другой «суду не розбере, тилькы зъ бурлакъ гроши бере», но они были только орудіями панскихъ старапій. Бѣжали отъ панскихъ порядковъ

иногда и подальше, куда нибудь за Дунай, но и здѣсь подчасъ встрѣчались препятствія.

Та Дунай ричка не глыбока
Ще й на перевози не шырока,
Берегы зъ берегамы,
А лугы изъ лугамы,
Де проходять кораблямы».

Корабли эти возили бурлакъ въ новые края, на вольные заработки,

«А теперъ не проходять
И бурлакъ не провозять
За превражымы панамы».

Бывало, значитъ, и въ тѣхъ далекихъ мѣстахъ плохо, но бывало и лучше. Въ Новороссіи не разъ весело и довольно «збиралася бидна голота у трахтыръ гулять», и не какой-нибудь панскій «осаула» гналъ ее на панщину, а конкурирующіе приказчики ухаживали за ними, зазывая на вольную работу къ тому или иному хозяину. Воображенію крѣпостного люда и эти уже отношенія говорили много; къ этому присоединялись разсказы о бо́льшемъ земельномъ довольствѣ въ Новороссіи и большей зажиточности, связанной съ нимъ. Не безъ того, что побывавшіе тамъ иной разъ пріукрашивали дѣйствительность, можетъ быть, не преднамѣренно, а подъ вліяніемъ той иллюзіи, которая часто окружаетъ личныя воспоминанія на нѣкоторомъ протяженіи мѣста и времени при значительно измѣнившихся обстоятельствахъ. Изъ воспоминаній очень ранней молодости я помню эти разсказы и впечатлѣніе, испытываемое мною. Оно не было критически провѣряемо и несомнѣнно значительно скрашивало дѣйствительность, но мнѣ кажется, что именно потому оно было тѣмъ ближе къ впечатлѣнію, выносимому изъ данныхъ разсказовъ средой, сопоставлявшей ихъ съ своей панщинной жизнью: «Жыве винъ у землянци (новороссійскій крестьянинъ), а зайды до ёго: скилькы тамъ всякого добра, а скилькы того степу!» Какъ будто слышится

мнѣ разсказъ моего знакомаго Данила въ д. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда).

Кромѣ разсказовъ изъ современной жизни, люди, побывавшіе на территоріи бывшихъ «запорожскихъ вольностей», приносили и пѣсни, касавшіяся послѣднихъ временъ существованія Запорожья. Этимъ, вѣроятно, объясняется, сравнительно значительная распространенность историческихъ пѣсенъ, касающихся того времени, въ тѣхъ мѣстахъ кіевской губ., съ которыми мнѣ удавалось ближе познакомиться. Воспѣванія въ разныхъ варіантахъ старанія запорожцевъ о томъ, чтобы имъ были возвращаемы «степы-поля» («*планськи*»—значащіяся на планѣ земли—по другому варіанту) «по прежню граныцю», естественнымъ образомъ переносились пѣвцами и слушателями на ихъ текущіе житейскіе интересы.

Всѣ они и, конечно, много другихъ, упущенныхъ здѣсь мною изъ виду обстоятельствъ, поддерживали духъ критики по отношенію къ данному, существовавшему въ то время строю. На ея почвѣ выростали иногда и проявленія болѣе активнаго протеста.

Одною изъ его формъ были побѣги крѣпостныхъ на степной югъ, а то и въ кіевскія «цегельни» и вообще въ тѣ мѣста, гдѣ былъ спросъ на вольнонаемный трудъ. Сколько-нибудь благополучный исходъ этихъ побѣговъ (собственно—извѣстной ихъ части) былъ возможенъ только при томъ сознаніи солидарности интересовъ сельскаго люда, которое вызывало повсемѣстное благосклонное участіе селянъ къ судьбамъ бѣглецовъ. Во время нашихъ студенческихъ экскурсій случалось иногда, что насъ принимали за тѣхъ «безбилетныхъ», которымъ «жыты горе». Въ такихъ случаяхъ мы могли лично замѣтить то благорасположеніе, которое по отношенію къ дѣйствительно въ немъ нуждавшимся принимало, конечно, болѣе активныя формы, несмотря на тотъ рискъ, съ которымъ оно было связано.

Значительно болѣе рѣзкою формою протеста были такъ называемые «бунты» крѣпостныхъ.

Я не имѣю матеріала для сколько-нибудь детальной ихъ исторіи, да въ данномъ случаѣ это не представляется необхо-

димымъ. Достаточно извѣстно, что эти «бунты» спорадически появлялись въ разныхъ мѣстахъ, несмотря на суровость репрессіи, которой въ наше время уже «вѣрится съ трудомъ». Они такъ естественно-неизбѣжно выростали въ краѣ, гдѣ,—по словамъ Шевченка,--«козакы тяжко шляхту покаралы за те, що не вмилы въ добри пануваты», что несмотря на логическія построенія доктринеровъ крѣпостного права, и въ средѣ, пользующейся имъ, часто зарождались инстинктивныя сомнѣнія въ его устойчивости; чаще—у менѣе богатыхъ, поставленныхъ условіями хозяйственной жизни въ болѣе близкое, хотя и далеко не пріятельское, соприкосновеніе съ народомъ: у поссесоровъ, экономовъ, мелкихъ землевладѣльцевъ. Я помню изъ впечатлѣній моего дѣтства тѣ разговоры полушопотомъ, отъ слушанія которыхъ устраняются дѣти и которые все-таки, такъ или иначе, доходятъ до ихъ ушей. Заинтересованные сообщали другъ другу то о заготовленіи въ какой-нибудь кузницѣ ножей и «списъ» (пикъ), традиціонныхъ оружій гайдамаковъ, то о какой-нибудь картинѣ, изображающей эпизоды борьбы съ шляхтой и т. п. Оставшіеся еще въ живыхъ люди моихъ лѣтъ, имѣвшіе соприкосновеніе съ шляхетской средой, помнятъ, конечно, изъ временъ нашей молодости зарождавшіяся отъ времени до времени среди шляхты опасенія повторенія коліивщины, пріурочиваемые обыкновенно—не знаю почему—къ всенощной наканунѣ Пасхи.

Ходили ли параллельно съ подобными слухами въ шляхетской средѣ аналогичные и въ крестьянской—не знаю, думаю скорѣе, что нѣтъ; но тѣмъ не менѣе они мнѣ кажутся характеристичными, какъ продуктъ исторической почвы края. Это историческое прошлое, внушавшее болѣе или менѣе сильный паническій страхъ въ шляхетской средѣ, оставалось, конечно, не безъ вліянія и на крестьянскую среду, несмотря на слабое ея ознакомленіе съ нимъ. Но формы активнаго протеста приспособлялись поневолѣ къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Иногда онъ выражался въ дѣяніяхъ, напоминающихъ сюжеты, охотно воспѣвавшіеся романтической поэзіей.

Такой характеръ имѣютъ дѣянія Кармелюка, очень извѣстнаго въ свое время въ Подоліи и Кіевщинѣ—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ перешли въ преданіе. Дѣйствительной, фактической исторіи Кармелюка я, къ сожалѣнію, не знаю; мнѣ тоже неизвѣстно, была ли она кѣмъ-нибудь изслѣдована, но не подлежатъ сомнѣнію популярность его въ свое время и ея мотивы. Они формулированы въ пѣснѣ, сложенной, кажется, внѣ народной среды, но усвоенной и варьируемой народомъ. По преданіямъ и по пѣснѣ Кармелюкъ съ внѣшней стороны не былъ въ согласіи съ закономъ; это его и завело въ Сибирь. Изъ Сибири, правда, онъ вернулся, но и на родинѣ не нашелъ *доли*, «хочъ здается не въ кайданахъ, а все жъ не на воли». Онъ собралъ «славныхъ хлопцивъ—що жъ кому до того?—засидайемъ по дорогамъ ждать подорожнёго». Его за это преслѣдуютъ «ассесоры исправныкы», но въ сущности они грѣшнѣе его, такъ какъ «бильше воны людей былы, нижъ я грихивъ маю». Эта его безгрѣшность объясняется просто:

«Зъ багатого хочъ я визьму,
Убогому даю,
А такъ грошы роздилывшы,
Гриха я не маю».

Такимъ представляется Кармелюкъ по преданію; дѣянія его снискали всеобщія симпатіи среди народа въ виду данной ихъ мотивировки. Вотъ почему Костомаровъ, въ полемикѣ съ Падалицею (въ Основѣ), не колеблясь поставилъ имя Кармелюка на ряду съ извѣстными дѣятелями борьбы украинскаго народа съ шляхтою. Здѣсь нельзя не упомянуть объ одномъ весьма характерномъ, хотя и весьма мало изслѣдованномъ явленіи изъ недавняго прошлаго Кіевщины. Я говорю о народномъ движеніи 1855 г., охватившемъ, на сколько мнѣ извѣстно, въ большей или меньшей мѣрѣ уѣзды каневскій, васильковскій и сквирскій кіевской губ. Удовлетворительнаго изслѣдованія исторіи этого движенія, насколько мнѣ извѣстно, не имѣется: воспоминанія о немъ протоіерея Лебединцева (въ Кіевской Старинѣ) далеко не исчер-

пываютъ затронутаго вопроса. Не имѣя достаточнаго матеріала, я не берусь за сколько-нибудь систематическій разсказъ о данномъ движеніи, тѣмъ не менѣе самыя общія, очень ясныя и характерныя черты его не трудно установить людямъ, близкимъ по времени и мѣсту къ событіямъ. Сущность ихъ состояла въ слѣдующемъ. Во время восточной войны въ 1855 г. между крестьянами названныхъ мѣстностей распространился слухъ о томъ, что есть царскій указъ, которымъ они причисляются къ козакамъ и вслѣдствіе этого освобождаются отъ панщины и вообще зависимости отъ пановъ, получая въ свое пользованіе, взамѣнъ за козацкую службу, всѣ земли, принадлежащія къ даннымъ селамъ. Этотъ мнимый указъ былъ яко-бы присланъ для обнародованія приходскимъ священникамъ, но они, подкупленные панами, сохраняютъ его въ тайнѣ. Оплачиваемая полиція помогаетъ имъ въ этомъ и преслѣдуетъ крестьянъ, стоящихъ въ данномъ случаѣ на легальной яко-бы почвѣ. Здѣсь повторилось часто встрѣчавшееся въ разныхъ случаяхъ предположеніе объ антагонизмѣ между верховной властью и исполнительными ея органами. Между прочимъ въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни о разореніи Сѣчи Екатерина II отвѣчаетъ на просьбы запорожцевъ: «ой рада бъ я, запорожци, вамъ добро чыныты, та не можу за сынодчыкамы въ Сынодъ (sic) прыступыты».

Движимые упомянутыми слухами, крестьяне обращались къ мѣстнымъ священникамъ съ просьбою объявить имъ предполагаемый манифестъ о козачествѣ, чего тѣ, конечно, за его отсутствіемъ, не могли сдѣлать. Это вызывало рядъ непріятностей, устраиваемыхъ крестьянами священникамъ. Независимо отъ этого, вполнѣ убѣжденные въ вѣрности слуха, крестьяне обращались къ сельскимъ грамотѣямъ, которые составляли по ихъ желанію «регистры козаковъ». Я зналъ лично одного изъ такихъ составителей козацкихъ регистровъ, занимавшаго во время знакомства со мной скромную должность «кухара». Исполненіе панщины прекратилось; въ селахъ была установлена «козацька стража» для наблюденія за порядкомъ и въ огражденіе отъ пріѣзда злонамѣренныхъ людей; шинки въ иныхъ мѣстахъ закрывались. Осо-

бенно рѣзкихъ насилій крестьяне, убѣжденные въ правотѣ и легальности своего дѣла, не совершали. Но нарушеніе даннымъ движеніемъ всего крѣпостного строя вызвало, конечно, репрессію и неизбѣжную въ то время суровость расправы. Ружейные выстрѣлы мало тутъ работали,—холостые выстрѣлы вызывали панику среди крестьянъ, не ожидавшихъ такого поворота дѣла, и кое-гдѣ только было убито нѣсколько человѣкъ острыми зарядами—напр. въ с. Березнѣ (сквирск. уѣзда). За то ужъ розги, конечно, работали исправно. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ данныхъ событій мнѣ случалось слышать разсказы людей, побывавшихъ въ этой расправѣ, хотя и не принадлежавшихъ къ числу болѣе видныхъ дѣятелей. Одинъ изъ этихъ разсказчиковъ изъ с. Велико-Половецкой (васильков. уѣзда) называлъ эти событія съ нѣкоторой иронiей «мужыцькою войною». Но какъ ни рѣшительна и сурова была расправа съ участниками этой «мужыцькои війны», внушая страхъ, она не внушала, однако, мнѣнія о полной несостоятельности легальныхъ яко-бы мотивовъ движенія или по крайней мѣрѣ внушала не совсѣмъ полно. Года черезъ четыре послѣ упоминаемыхъ событій, въ бесѣдѣ, коснувшейся случайно ихъ, одна крестьянка въ с. Сотникахъ (вблизи Корсуни), указывала мнѣ на смерть нѣсколькихъ священниковъ, отказавшихся въ свое время отъ объявленія мнимаго манифеста, какъ на кару провидѣнія за это дѣяніе.

Вспоминая эти событія, нельзя въ данномъ мѣстѣ не обратить вниманія на двѣ его характерныя черты. Съ одной стороны аспираціи къ лучшему будущему представляются какъ бы продолженіемъ аналогичныхъ аспирацій прошлаго, и воля представляется въ козацкой формѣ, а съ другой—въ движеніи видна глубокая вѣра въ необходимость законодательнаго вмѣшательства въ существующія общественныя отношенія, вмѣшательства въ интересахъ обиженныхъ, въ данномъ случаѣ крестьянъ.

Моментъ этого вмѣшательства дѣйствительно приближался. Во время упомянутой уже здѣсь нашей студенческой экскурсіи шли уже приготовительныя работы къ великому акту 19 февраля. Въ дорогѣ при всякомъ случаѣ завязывались разговоры на дан-

ную тему. Мы, конечно, сообщали то, что намъ было извѣстно о ходѣ подготовительныхъ работъ, а такъ какъ въ то время сельскіе интеллигенты считали нужнымъ секретничать по данному вопросу передъ крестьянами, то наша откровенность цѣнилась значительно выше нашей заслуги. Я думаю—оставшіеся въ живыхъ товарищи мои по данной экскурсіи хорошо помнятъ эти оживленные разспросы; имъ памятна, вѣроятно, фраза: «колы буде добро?»; они не забыли того радушія, которое мы встрѣтили напр. въ с. Македонахъ (каневскаго уѣзда) въ отвѣтъ на наши скромныя и осторожныя сообщенія. «Колы буде добро?»—живо и горячо спрашивали насъ какъ мужчины такъ и женщины, а пока, кормили нашихъ лошадей и насъ хлѣбомъ, орошеннымъ «кровавымъ потомъ и слёзамы» панщинной жизни, собираемымъ въ короткіе промежутки, достававшіеся въ лѣтнюю страду на долю сбора хлѣба на своей нивѣ.

Самая повсемѣстность и интенсивность данныхъ разспросовъ указывала на то, что, несмотря на скрываніе ожидавшагося законодательнаго акта отъ крестьянъ людьми иносословными, слухи о немъ широко распространились въ народной средѣ, вызывая надежды и предположенія, часто въ значительной мѣрѣ отклонявшіяся отъ реальной почвы. Самое секретничаніе по данному вопросу подготовляло почву для этихъ предположеній. У меня нѣтъ матеріала для того, чтобы болѣе или менѣе точно опредѣлить общій типъ этихъ предположеній, и потому я ограничусь сообщеніемъ только нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ. Крестьянамъ, не чуявшимъ еще надвигавшихся осложненій капиталистическаго хозяйства, представлялось въ будущемъ положеніе ихъ болѣе доминирующимъ, чѣмъ оно оказалось въ дѣйствительности, положеніе пановъ болѣе безвыходнымъ. Это послѣднее согласно пословицѣ: «колыбъ панъ за плуга взявся, то бъ и свиту одцурався». Этотъ тонъ звучитъ и въ народныхъ пѣсняхъ о волѣ, гдѣ разговоры пановъ о безвыходности ихъ положенія пересказываются съ веселою насмѣшкою. Одна изъ такихъ пѣсенъ была не такъ давно помѣщена въ «Кіевской Старинѣ». Эти же соображенія просвѣчивали и въ разговорѣ со мною проѣзжихъ крестьянъ,

остановившихся было для отдыха около корчмы въ д. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда). Они завязали разговоръ на тему объ ожидавшейся реформѣ. Я имъ сообщалъ все извѣстное мнѣ. Мои собесѣдники были очень тронуты моей откровенностью и въ заключеніе обратились ко мнѣ со словами: «хочъ мужикивъ одберуть одъ панивъ, вы межъ намы не пропадете: мы зробымо васъ головою або старшымъ пысаремъ».

Конечно, болѣе, или менѣе значительный радикализмъ предположеній, сюда относящихся, былъ различенъ: самую радикальную ихъ формулу мы слышали на Подоліи во время студенческой экскурсіи отъ «дида--шынькаря». Подобно другимъ, онъ разспрашивалъ насъ объ ожидавшейся реформѣ, объ основаніяхъ земельнаго надѣла и т. п. Очевидно, все сообщаемое нами казалось ему слишкомъ сложнымъ, и онъ закончилъ бесѣду своимъ упрощеннымъ проектомъ: «зигнать бы всихъ панивъ въ йидну слободу, а мужыкамъ отдать земли, нехай всякъ на себе робыть». Не всѣ, конечно, такъ далеко заходили, но въ общемъ живыя надежды, связывавшіяся съ такъ долго ожидаемымъ «добромъ», питаемыя къ тому же незнаніемъ фактическаго хода подготовительныхъ работъ, вызывали предположенія слишкомъ оптимистическія, которыя и были причиною затрудненій при введеніи уставныхъ грамотъ. Ими объясняется между прочимъ и общее нежеланіе входить въ добровольныя соглашенія, формулируемыя словами: «нехай и у насъ буде, якъ у людей», или же: «почекаймо до слушного часу».

Ѳ. Рыльскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

(Продолженіе [1]).

V.

Тайна—невтайна.

Добре Чипкови у дида пидпасачемъ. Робота не важка, саме прыпала ёму до вподобы—и по ёго литахъ, и по ёго души. Та не те, щобъ и безъ корысти. Дидъ бравъ за лито по пьятаку одъ вивци. Шага дававъ на Чипка та Грыцька, та ще хлиба мишкивъ пьять, та ягнятъ двое або трое на рикъ. Чого ще? На харчъ винъ соби зароблявъ. гроши йшлы на одежу; ягнята—на прыбутокъ.

— Слава тоби, Господы, що ты зглянувся на наше безталання!—дякуе Мотря Богови.—А я вже не думала, щобъ зъ ёго выйшлы люде.

— Ставъ розуму доходыты,—одказуе Орышка,—самъ побачывъ, що треба робыты. И мени, довелося ёго хлиба зйисты... спасыби Богу!

Отакъ радіють, та Богови не надякуются, що хочъ трохы втеклы одъ тыхъ важкыхъ злыднивъ, нужды та горя. И въ хати въ ныхъ стало чепурнійше, яснійше; и хлибъ не такый чорный та сухый; и каша до борщу не вряды-годы; а часомъ и сыръ на

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 3.

Чинко мовчавъ. Мотря перехрестылась, та й знову заплакала. Тыхо носывся той плачъ по хати пидъ темный вечиръ; тыхо слався по доливци, по стели, по билыхъ стинахъ,—та давывъ, якъ обценькамы, серце у матери, и у сына.

Винъ сыдивъ зажуреный, нимый, якъ стина. Въ ёго думци, передъ ёго очыма, носывся чорнымъ ворономъ батько.

— Бидный мій тату!—думавъ винъ. Не знавъ ты доли видъ самого малку й до самого останку. Ганяла вона тебе зъ одного краю свита на другый—одъ панського двору до Дону, одъ Дону до прыёму. Де жъ теперъ ты? Що теперъ зъ тобою? Чы тліе пидъ землею твое наболилее тило? чы порвала ёго московська нагайка на шматтяѓ чы пронызала тебе вража куля на війни? И загреблы твои кости зъ кинськымы кисткамы въ одну домовыну, въ одну высоку могылу?! И никому вона не скаже, не повида, що пидъ нею лежыть твоя мучена душа безъ одплаты. А може тебе доля занесла куды въ далеку чужыну, на инчый край свита;—ты думаешъ-гадаешъ, не досыпаючы ночей, про матиръ: якъ вона туть, бидолашна, повертается, що зъ нею выробляють люде... Ой, Боже нашъ, Боже! Ты—всесвитній царю: ты все бачышъ, все знаешъ. Ты одынъ наглядаешъ надъ землею—и маешъ волю надъ нею. Чому жъ ты не скараешъ злого—хай не карае доброго?! Чому ты не вдарышъ на злочынця своимъ гнивомъ праведнымъ? Ни,—ты мовчышъ,—мовчышъ, якъ глуха ничъ... До тебе не доходыть плачъ нашъ, наши слёзы. Ихъ заступылы одъ тебе ворогы наши. Ты не скараешъ ихъ?.. Ни?!..

Знемигся Чинко. Якъ колода, повалывся на лаву, та тилькы стогнавъ. Сылу ёго пидйихала важка, несподивана туга; думкы помутылыся,—куёвдылысь у голови безъ порядку, якъ заверюха зимою. Не памьятавъ винъ, що думавъ; не почувавъ,—якъ тяжко стогнавъ.

— Чого ты стогнешъ, сыну?—пытае журлыво Мотря.

Мовчыть Чинко.

— Чы ты нездужаешъ?

Мовчыть.

— Ты спышъ, сыну?

Мовчыть.

Дощъ давно вже перестав; хмары розiйшлыся; выплывъ ясный мисяць, заглядавъ у викна, а на доливци и по стинахъ розмалёвувавъ чудни якись выводы—узоры. Мотря тыхенько пидвелась, пидiйшла крадькома до лавы, де спавъ Чипко, заглядае въ ёго биле лыце. Очи ёму видъ знемогы закрылыся; зубы сципленi; выдъ—страшный, гризный. У матери ажъ серце боляче повернулося одъ того выду страшного.

— Хай тебе крые маты Божа видъ усёго лыхого!—шепче вона.—Спы, сыну,—може переспышь.—Та прокынувшы на полу рядныну, лягла й сама хочъ задриматы.

Теперъ на Чипка не напала пропасныця, тилькы помарнивъ на выду трохы. За те сумъ обнявъ ёго голову. Такый сумъ та журба, що ажъ дывно: якъ такы такый молодый парубокъ, та такый сумный!

Сякъ-такъ добувъ Чипко пидпасачемъ до осени. Въ осены почалы зъ дида правыты грошi. Дидъ не дававъ, бо десяты карбованцивъ не було, а пьяты не прыйнялы. Потяглы дида, якъ до ризныци вола, до пана Польського въ двиръ. На Чипка налягла ще гирша журба, ще мицнише сповывавъ ёго смутокъ. То було, хочъ зъ дидомъ одведе душу, розважытся, а теперъ—дида нема, и въ двиръ не пускають!

VI.

Дознався.

Лягла зима. Выйшовъ Чипко на царыну; ходыть коло землянкы, голову повисывшы. Дидова оселя снигомъ прыкрыта; морозъ мали виконця позамуровувавъ; двери замело, забыло. Розгрибъ Чипко ногамы снигъ, одкынувъ трохы, одхылывъ двери, увiйшовъ у землянку. Пусто та холодно! «Нема дида—думае Чипко—и землянка, така ще недавно прывитна, тепла, стала холодною та неодрадною. Отъ що робыть сыльный зъ немочнымъ, ' Вони и зъ моимъ батькомъ таке выро-

блялы,—одибралы и ёго видъ мене; я й ёго не знаю, не бачывъ; покрылы мою голову соромомъ, докорамы. Прокляти!»

Вертае Чипко въ село. Иде улыцею мымо шынку; роздывляется, прыслухается. Тамъ люде сновыкгають; тамъ чоловикы бидкаются своимъ убожествомъ та лютымы морозамы; тамъ молодыци сварятся черезъ тынъ. Коло шынку крепакивъ цила юрба, позбывалысь у купу. Крыкъ, гукъ, суперечкы, змагання.

Одни выкрыкують:—Що воны насъ дурять? Що воны надъ намы знущаются? Ще якись два рокы выдумалы,—ще трохы?

— А выдно, що трохы,—одказують други. Такъ воны, бачъ, намовылысь, щобъ не зразу панськи рукы покаляты.

— Кать ихъ беры, зъ ихъ рукамы!—озываются трети:—воны звыклы чужымы жаръ загрибаты.

— Эге жъ. А теперъ прыйшлося своимы,—такъ воны хочъ ще два рокы!

— Такъ-то, выдно, имъ наши рукы подобалысь,—ришае сывоголовый дидъ.

— Ну, стривай!—крычыть знову хтось зъ горячишыхъ: —тилькы дійде до царя чутка, що воны и ёго, и насъ дурять,—знатымуть воны! Випъ ихъ заразъ у крепакы поверне, а насъ панамы поробыть.

— Це тоди буде, якъ на долони волосся выросте,—охоложуе неймовирный.

— Чого волосся выросте!—крычыть.—Скаже царь: будьте панамы,—ну, и будемо!

— Оть-тоди то буде!!—глузуе неймовирный.

— А вже жъ,—не те, що теперъ!

— Я бъ свого заразъ, якъ бовкуна, запригъ у санчата—та по дрова,—а то теперъ у хати така холоднеча, що ажъ вовкы выють,—каже хтось зъ гурту.

— Ну, вже и морозы! Ще такыхъ сю зиму не було,—загомонивъ гуртъ.

— То чы не пидемо грitысь до Галькы?

— Ходимъ,—ходимъ!—одказало разомъ килька голосивъ.

Юрба посунула въ шынокъ. Чипко пишовъ додому, повисывшы голову,—про все, що чувъ, роздумуючы.

На весну радытся Чипко зъ матирью:—Що, мамо, робыты!—дидъ у неволи, чы не взятысь мени зъ кымъ овець пасты?

— Знаешъ, сыну, яка моя рада?—каже маты.—Ось покынь ты свои вивци,—не викъ же ихъ тоби пасты.—Прыймайся краще коло земли. Не все жъ чужымъ та чужымъ іи робыты. Може якъ-небудь розгорюемось на скотынку: свій хлибъ буде. Самъ хазяиномъ станешъ. А на осинь, якъ Богъ прыведе диждаты, треба и объ чому иншому подуматы. Я вже стара, никчемна стала,—хто въ хати порядокъ дасть? Слава тоби Господы, и ты вже не малый... Други твоихъ литъ дитей мають.

Та не слуха Чипко матерынои рады. Стенъ, прывилля,—отъ що ёму снытся! «Я зрисъ, выкохався коло овець,—коло пыхъ и посывію»,—дума винъ.

На другый день пишовъ радытысь зъ громадою.

Не прыйняла ёго послугы громада. «Молодый ще, ненадежный. Намъ треба вивчаря старого, щобъ овець не порозгублювавъ». Такъ одказалы Чипкови хазяйськи головы и наставылы вивчаремъ якого-сь дида зъ другого села.

Тяжко образыла Чипка громадська неправда. «Чы я не служывъ? чы я не годывъ? чы за мене яка пропажа сталася?.. И де правда? де вопа? И громада, бачу, жыве крывдою. Скрызь однаково».

Вернувся винъ додому, трохы не плачучы. Хочъ-не хочъ—треба за плугъ братыся.

Закыпила въ Чипка въ рукахъ робота. Найнявъ плугъ воливъ; зоравъ поле; засіявъ, заборонывъ; зійшло—якъ щитка! У косовыцю ставъ за косаря,—выкосывъ двадцять копыць сина. Йе чымъ овечокъ у зиму годуваты. Насталы жныва,—мисячнои ночи жне. Розгорювався десь на десять рублив, купывъ у зайизжого цыгана стару кобылу; звозывъ хлибъ, поставывъ у току: оттаки

скырты понавертавъ! Дывуются люде, що Чипко до хазяйства такый удатный! А Чипко—дывысь—уже й хлибъ вымолотывъ--сама солома стоить; завалывъ увесь городъ ожередамы. Скоту нема. Продавъ Чипко бильшу половыну соломы, килька мишкивъ хлиба, та въ осены купывъ корову на ярмарку.

Радiе Мотря. Коло тiеи коровы, якъ коло дытыны, ходыть. Ось и телятко знайшлося. И молоко свое, и сыръ, и маслечко. Чого ще? И для себе йе, и для людей.—Продае Мотря молоко глечечокъ по глечечку, склада копiйку до копiйкы. Настягалося рубливъ на килька грошей,—та къ Риздву справыла Чипкови парубоцьку одежу: купыла добру сыву шапку, червоного пояса, чоботы добри юхтови. Дякуе Богови, що зъ Чипка выйшлы люде.

Ось знову весна-красна. Чипко такъ и прыпадае до хазяйства. Рано встае, пизно лягае,—та все въ поли, та въ поли. Хочъ не дуже радiе, та й не журытся: за роботою николы. Самъ на себе, на свою працю всю надiю покладае. Прыпадае до того поля, наче закохався въ ёго. Не тилькы въ будень—и въ свято.

— Чого се ты, сыну, такъ унадывся въ те поле, що и у недилю не посыдышъ дома?—пытае Мотря.—Чы ты, бува, не нагледивъ чого тамъ?

— Эге жъ, нагледивъ...—смiется Чипко:—тамъ така перепелычка!

— Ты бъ соби пошукавъ, сыну, хазяйкы, а мени—помочи.

Чипко ничого не одказавъ: узявъ шапку, выйшовъ зъ хаты.

Недиля. День выпавъ якыйсь хмурный. Дощу не було,—тилькы десь сонце заховалося, небо сирымы хмарамы обмазалось. Сталы благовистыты до церквы. Чипко убрався, пишовъ зъ матирью. Вернулыся зъ церквы, пообидалы. Напоивъ Чипко корову, кобылу. Рано ще. Ходыть винъ по двору, нудытся.—Хиба питы?—дума.—Пиду... Iи не побачу—на поле налюбуюся».

Знявся й пишовъ. Перехопывсь черезъ мистокъ, доходыть до лукы. Колы чуе—знову той самый голосъ. Винъ увесь затрусывся, а серце—отакъ заходыло!

— «Ни, пострывай... теперъ не такъ!—прошепотивъ винъ: теперъ не счуешся звидкиля и лыхо складется!» Постоявъ ще —трохы, послухавъ, та прысивъ у борозну, й тыхо, якъ той злодій, порачкувавъ на голосъ.

Дивчына сыдила на обнижку, на зеленій трави, та плела винокъ зъ ромену, сокырокъ, травянокъ и другыхъ полёвыхъ квитокъ, що тутъ же недалеко на луци розстылалысь чудовнымъ цвитнымъ кылымомъ, напувалы пахощамы повитря. Вона сыдила спыною до того мисця, звидкиля пидкрався Чипко. Кругомъ неи обсыпано було квиткамы, натрушено травою; повна хвартушына того полёвого добра розстылалась на колинахъ. Дивчына знай опускала туды то одну, то другу руку, вытягала квиточку по квиточци, пидбирала одынъ колиръ до другого, сплитала до купы, перевьязуючы гнучкымы петровымы батогамы. Одначе робота ця забрала не вси іи думкы: дивчына стыха спивала. Тыхенькый подыхавъ витеръ, ворушывъ іи невелычки чорни кучери, що повыбывалысь на выскахъ зъ товстои та довгои косы, маявъ червоною шырокою стёжкою, заплетеною въ косу, и розносывъ по полю журлыву писню. По сумному голосу, по задуманому лычку можна було помитыты, що дивчына не жыла безъ лыха.

— Здорова була!—гукнувъ ій на саме ухо Чипко, закравшысь зъ-за спыны.

Дивчына кынулась, затряслася: схопылась, щобъ утикаты, та высыпавшы на землю квиткы зъ хвартушыны, похопылася, знову опустылась на траву й стала обома рукамы гарбаты й кыдаты назадъ у хвартушыну полёве добро.

— А куды ты тепереньки втечешъ видъ мене?—пыта іи Чипко.

— Я й тикаты не буду!—переведшы духъ, одмовыла вона та й пидвела на ёго свои оксамытни очи.—О-охъ... та й злякавъ же ты мене... хай тоби!

Одъ искрыстого погляду, одъ іи голосу, свижого та дзвинкого, такъ и звывся Чипко!—«А хороша жъ яка! а люба та мыла!—промайнуло въ ёго въ думци.—Винъ стоявъ передъ нею

мовчкы та мылувався такою вродлывою красою. Мовчала й вона, пидбырала квиткы. Винъ осмилывся—сивъ поручъ зъ нею.

— Що це буде?—обизвався винъ перший, показуючы на недоплетеный винокъ.

— Хиба не бачышъ?—винокъ!—ажъ скрыкнула вона.

Знову замовклы обое. Винъ схылывся биля неи трохы на ликоть, та скоса поглядавъ на іи лычко, що видъ такои несподиванои тривогы зашарылось, здается—пашыло полумьямъ. Вона пидбирала квиткы, та звязувала въ невелычки пучечкы одномастныхъ колёривъ. Навкругы тыхо, гарно, зелено: тилькы буйни жыта стыха шурчалы довгымы колоскамы, мовъ розмовлялы зъ собою; одъ квитокъ пахощи разомъ зъ повитрямъ втягалысь грудьмы: й легко, и мыло було дыхаты.

— Се твое поле?—трохы згодомъ, якось боязко, спытала вона Чипка, не одрываючы очей одъ винка.

— Мое.

— И хлибъ твій?

— Мій.

— И то, пидъ гаемъ, твое?

— Мое.

— А я ту мисцыну найдужче люблю. Бачъ, яки на ій гарни квиткы ростуть. Чипко не потрапывъ, що ій одмовыты, та замисть того уставывсь на неи очыма. Розмова перервалася. Хвылына... дви... Чипко не спускае зъ неи очей.

— Чого ты дывышся на мене?—обизвалася вона, скынувшы на ёго поглядъ.—Дывысь—яку моду выгадавъ... мовъ зйисты хоче!

Чипко не одрывае очей. Такъ ёму мыло дывытыся на неи.

— Не дывысь!—скрыкнула вона, та й затулыла ёму очи своею рукою.

Чипко—самъ не свій: такъ ёму любо, що вона доторкнулася до ёго выду своею биленькою, пухленькою рукою. Здается, якъ бы можна, такъ бы гамкнувъ за мызынчыкъ-пальчыкъ, що свитывся навпроты свита, якъ рожева квитка. Вона въ одну мыть прыняла руку. Винъ знову, осмихаючысь, упьявъ свои очи.

— Не дывысь! чуешъ?.. а то повернуся!—Та взяла справди повернулася до ёго спыною.

Чипко, якъ мала дытына, перелизъ на другый бикъ, та все такы заглядае въ вичи.

— А-а-а, осоружный! прычепа! не дывысь, кажу! не дывысь!!—Та давай ёго винкомъ по голови й по выду быты.

«Бый—дума Чипко—бый дужче... бый хочъ цилый викъ такъ,—тилькы не прогонь видъ себе... мени такъ любо та мыло зъ тобою».

Вона трипала объ ёго винокъ, а винъ тилькы осмихався. Винокъ швыдко розсыпався; головкы одъ квитокъ поодлиталы; бадылля вона кынула геть у траву—й зацокотала:

— Бачъ, що ты наробывъ? бачъ, що? бачъ?!—та згорнувшы по-пидъ ликтямы свои били рукы, сама вже посылала ёму бисыкы очыма

Чипко не выдержавъ. Якъ кить на мышу, такъ винъ кынувся до неи; мицно-мицно здавывъ іи цупкымы рукамы, влипывшы въ щочку такый поцилунокъ, що ажъ выляскы роздалыся, наче хто ударывъ долонею зъ усіеи сылы.

— Пу-у-сты... пу-у-сты-ы!—закрычала дивчына, пручаючысь. Винъ іи ще мицнище прыгортавъ, покы вона, выпручавшы руку, не мазнула ёго по выду. Тоди винъ выпустывъ.

— Ну, та й ударыла жъ,—ажъ закрутыло въ носи!—каже винъ, скрывывшысь.

— А чого жъ ты лизешъ, безсоромныку?.. Радъ, що саму дивчыну застукавъ на поли, то вже й лизе!—каже вона. А въ самои очи такъ и сміются, такъ и грають!

— Дурна ты... хиба що?

— Якъ що? Онъ, послынывъ... ве-е!—Та й стала вытыраты рукавомъ щоку.

— Не одкусывъ же!—сміется Чипко.

— Ото бъ добре, якъ бы одкусывъ. Тоди бъ я тоби й очи выдрала!

— Якъ бы подужала.

— Тоди бъ побачывъ.

Розмова знову унышкла. Вона кудысь геть-геть дывылася, а винъ—на неи. Повинувъ витрець, розирвавъ дымчасту хмарку, що заступала сонце; воно зъ-пидъ неи выплыло въ своій пышній краси и обдало ихъ хвылямы блыскучого свиту, наче гарячымъ золотымъ дощемъ обсыпало. Жыта зашамотилы, пиднимаючы до горы свои похылени колоскы.

Дивчына прямо глянула Чипкови въ вичи: якъ разъ стрилася зъ його очыма, та, спустывшы внызъ довги й густи віи, запытала:

— Де ты бувъ, що такъ довго тебе не выдно було? чому ты сюды не прыходывъ?

—Николы було,—не прызнается Чипко, а самъ соби подумавъ:—чому я іи не зустричавъ тутъ?

— Що жъ ты робывъ?—вона ёму.

— Коло хазяйства...

— А въ тебе земля ще де йе?

— Ни, нема.

— А хата йе?

— Йе.

— А батько та маты? браты та сестры?

— Одна маты.

— Де жъ ты жывешъ?

— У Пискахъ. А ты де?

— Тоби навищо?

— А ты же мене пытала?

— На що жъ ты розсказувавъ?

— Скажы хочъ, якъ тебе звуть?

— Такъ, якъ хлибъ жують...

— Чыя ты?

— Батькова та матерына...

— Чудна ты!

Винъ прылигъ грудьмы на землю, пидперъ свое лыце обома рукамы пидъ щокы, та пыльно-пыльно задывывся на неи.

— Чы ты справди налагодывся мене зйисты? Чого ты вытрищывъ очи?

— Бо хороша дуже...

Вона всмихнулася, навела на його свои чорни очи—гладыла нымы, вабыла...

— Иды жъ соби до-дому. Чого ты прыйшовъ? Ковтнуть хоче, не давъ винка доплесты!..

— На що жъ ты побыла?

— Чого жъ ты лизъ, безсоромныку? Геть соби!—Та якъ пыхоне його рукы своимы, такъ Чипко клюнувъ носомъ у зелену траву. Вона зареготалася молодымъ та дзвинкымъ смихомъ, мовъ хто срибло роскотывъ по золотій тарильци.

Не вспивъ Чипко пидняты голову, колы чуе—щось гукае: —Галю!.. Галю!.. Галю!..—Дивчына кынулася, стрепенулася. Чипко дывытся то на неи, то въ той бикъ, звидкиля вчувся голосъ.

— Хто то?—пытае винъ.

— Не знаю!—промовыла вона, та якъ сполохнута перепелка, разомъ зирвавшысь зъ гниздечка, прожогомъ пурхае въ гору,—такъ вона одскочыла видъ його, и—тилькы окомъ моргнуты—майнула подовжъ жыта.

Чипко пидвився, вставъ, выпрямывся, не спускавъ іи зъ очей. Вона, якъ выхоръ, майнула густымъ жытомъ: воно тилькы розлягалося за нею, якъ розлягаются хвыли пидъ натыскомъ дужои рукы, що керуе човномъ. Дали та дали—пролынувшы черезъ квитючу луку, вона пиднялась на гору, стала зъ очей зныкаты. Чипко пидтюпцемъ побигъ соби въ догонку за нею. Вона скрылася за горою. Винъ напружывъ ногы, наче доганявъ злодія. Мыттю выскочывъ на гору, перевивъ духъ; глянувъ на долыну—и ёму въ вичи кынулось ось що. Коло хутора, гонъ може за двое видъ гребеню того самого згирка, на котримъ стоявъ винъ, пидъ дворомъ, стояла товста, пидстаркувата жинка, наставывшы руку надъ очыма видъ сонця, та на всю околыцю гукала Галю. Дивчына бигла прямо до жинкы, та ще здалека озывалася:—«Чого вы? Я—ось! Ось-осё—заразъ! заразъ!». Незабаромъ вона опынылась коло жинкы, та разомъ обыдви й пишлы въ двиръ.

— Ну теперъ же я знаю, чія ты!—промовывъ голосно Чипко й весело повернувъ назадъ.

Писля того винъ ажъ мовъ прояснывся трохы: зъ лыця спала давня туга, зъ очей не выглядавъ давній смутокъ: ставъ винъ веселійшый, прывитнійшый: иноди можна було й писню почуты видъ ёго... Щастя ёго маныть до себе, пестыть, голубыть доброю надіею; свитъ ёму любо всмихается; дывытся на ёго Чипко не злымъ окомъ, прыслухается чуткымъ серцемъ: хочется ёму увесь мыръ обняты, втерты ёму слёзы, втыхомырыты горе...

Повернется винъ до себе думкою,—чуе, якъ у голови борюкается острахъ зъ надіею: то надія подужае острахъ, то острахъ надію... Отже надія все-такы зверху! «А може... всёго на свити бувае! Часомъ убогый покохае багачку, а багачка убогого, та й поберутся»... А страхъ знову сполохне надію: «Може москаль іи панови судовому кохае... не попусты, Боже! завьяне, помарніе свижый квитъ пидъ холоднымъ, жовтымъ поглядомъ нелюба... погаснуть ясни очи, поблекнуть рожеви уста... захляне душа... Не доведы, Господы! не одна душа згыне, а разомъ ажъ дви! А може...—прорывается на верхъ такы надія:—счастя, якъ трястя». И очи въ ёго засяють радистю; серце затрипоче въ грудяхъ вильнище.

Зъ того часу поле якъ прычарувало ёго: перебуде день, два,—та й иде. «Може хочъ здалека побачу, колы не доведется побалакаты». Ходыть по полю, зъ нывы на ныву, видъ шляху до горы, видъ горы до шляху; всюды ныкае, до всёго додывляется. «Отутъ іи вперше зобачывъ... осьдечкы винокъ плела... ось та мисцына, де сыдила... сюды тикала... А це—выдно—недавно ходыла, бо свижый слидъ»... Дывысь—не стямывся й звидкы выхопылась, та й почемчыкувала жытамы,—тилькы одежа матпается... Чипко помитывъ,—берегтыся стала.

— Ачъ, утикла!—мовыть винъ голосно.—Генъ-генъ уже... за горою. Ну, та й дивчына жъ!!

И вертае винъ назадъ у Пискы, радый та веселый, що хочъ здалека побачывъ.

VII.

Хазяинъ.

Ну, а Грыцько що?

Грыцько—не промахъ. Якъ тилькы почувъ, що дида въ двирь беруть: «Э-э, колы такъ,—мабуть годи на баранахъ йиздыть, годи за вивцямы ганяты, бо невелыка зъ ныхъ корысть. Ось, служывъ-служывъ, то тилькы й того, що на мени. Часъ, мабуть, про хлибъ подуматы. Подумавъ—та тіеи жъ такы весны й покынувъ дида. Выходылы на заробиткы пищане,—потягъ и Грыцько зъ ными; скынувъ черезъ плече косу, а за спыну—торбыну зъ сухарямы, лыхеньку свытыну та не кращи й чоботы.

Невидоми мисця, котри довелось Грыцькови вперше переходыты, люде, якыхъ ёму лучылося стричаты,—все це мало незвычайный вплывъ на парубка. На все те винъ дывывся, рота роззявывшы.

— Ачъ, якъ люде жывуть! Ачъ, якъ будовы помуровалы! яки двери, викна повставлялы!.. всёго тебе, якъ у води выдно! И що то воно коштуе? Адже, якъ бы взявъ цеглыну та пошпурывъ у шыбку—мабуть бы й за рикъ не одслужывъ за неи! Таке багатство, таки роскоши!—думавъ винъ, проходячы шыроку улыцю велычезныхъ магазынивъ.

Улыця—справди надывовыжу. По обыдва бокы цилымъ муромъ вытяглысь у струнку высочезни палацы—били, якъ снигъ, и зелени, якъ рута, и блакытни, якъ кытайка. Пистрота кыдалась въ вичи. Парубокъ не знавъ, на чому зупыныться, навищо подывуватысь: чы на блыскучи проты сонця, якъ крышталь, двери, надъ котрымы высила, або стояла по бокахъ здоровенна червона або блакытна дошка зъ золотою наковкою, або зъ гарнымъ малюнкомъ усякои всячыны—машынеріи, окуляривъ, хлиба, ковбасъ, свынячыхъ окостъ; чы на дзеркальни въ чоловичый зристъ викна, зъ котрыхъ вызыралы на вулыцю, до ладу розставлени ризни золоти й срибни выробкы, пистрилы всякымы колирамы сытци, шовкови саеты блыщалы, мняки оксамыты сызилы, червонилы, циле море робленыхъ квитокъ, якъ жыви, вабылы носа

понюхаты. По улыци, зъ одного и зъ другого боку, проходылы лавамы люде; по середыни, бытій каминемъ, гуркоталы кареты, каляскы, хваетоны; дзеренчалы звозчыцьки дрожкы.

Заробитчане проходылы мымо магазына зъ дытячымы цяцькамы.

— Дядьку Остапе!—обернувсь Грыцько до одного зъ своихъ:—що то?

— Лялькы.

— Навищо?

— Панамъ на играшкы...

— А дывится, що то за звиръ—роззявывъ такъ страшенно рота, немовъ тебе зйисты хоче? Гляньте, якъ у роти червоно! А зубы яки?! Отъ, якъ-бы такого выпустыты, та піймавъ винъ кого на зубы!..

— Хиба, ты думаешъ, винъ жывый? То зроблено зъ чого-сь.

— Невже? Де жъ такы?! Вы гляньте: онъ якъ у ёго очи блыщать!

— То що, що блыщать? И очи ёму шкляни повставлялы.

— А чого жъ винъ такый страшный? И навищо робыты таку страшну играшку?—допытувавсь Грыцько, прыглядаючысь кризь шкло до неи.

— Та хай ёму цуръ! Ходимо... а то ще тутъ по гамалыку заробымо.

Пишлы. Одначе въ Грыцька зъ ума не сходыла та страшна лялька. «И що воно за звирюка?—думавъ винъ.—Грыва тоби—якъ у коня; а саме—Богъ ёго знае, навищо зхоже! А люте мабуть? Лютище вовка!.. Не даромъ рота роззявыло, зубы выщырыло... А чы воно то можна такого чоловикови зловыты? Наврядъ чы зловышъ! Воно, мабуть, дужче видъ найдужчого чоловика. А чы я бъ то ёго подужавъ? Ни, мабуть. И Чипко бъ, мабуть, не подужавъ,—а вовка винъ разъ самъ на самъ одигнавъ видъ овець. Цёго наврядъ чы одженешъ. И де воно заведется таке! Господы ты мій мылый!..

— Дядьку Остапе!

— Чого?

— Що воно таке за звирюка ото?—пытае знову Грыцько, якъ перейшлы воны вулыцю зъ магазынамы, та йшлы трохы глу-хишою.

— Та я й знавъ, якъ ёго зваты, та забувъ!

— Кого тамъ зваты?—пытае третій чоловикъ.

— Звирюку. Тамъ мы бачылы въ викни одного: грыва била, саме руде, голе, рота роззявыло, немовъ тебе проковтнуты зби-рается!—одмовляе Грыцько.

— А хвистъ довгый?.. на кинци зъ кытыцею?

— Эге-ге!

— То—левъ.

— Левъ?!—вымовывъ здывованый Грыцько.—Що жъ то воно за левъ?

— Звирь такый. Царь надъ звирямы...

— Царь?! Такъ ото той царь!! А нестеменный тоби царь! Уже, мабуть, що тилькы винъ не скаже, то коженъ послухае. Бо де ёго, такого страховыща, не послухаты?

— А звисно. На те винъ и царь,—одмовля чоловикъ.

— Та мабуть же винъ и здоровый дуже, сыльный?

— А вже жъ—сыльный: сыльнише видъ усякого звира.

— Якъ же ёго ловлять такого?—пыта Грыцько.

— Якъ? Звисно,—якось ловлять... прырозумилы якось, колы, кажешъ, держать у хати.

— Его, мабуть, одынъ нашъ царь тилькы и зможе пійматы; а нашому братови—не сикайся!—каже Грыцько.

— Такъ! царь тоби ловытыме!—уверпувъ дядько Остапъ. —Пошле такыхъ, якъ ты... отъ и ловы!

— А що жъ у насъ нигде такого не чутно, щобъ ловылося?

— Та воно у насъ не водытся.

— А де-жъ?

— Десь за моремъ.

— А хиба за моремъ йе земля?

— Богъ ёго знае. Выдно йе, колы цей звирь зъ-за моря.

— А чого жъ стари люде кажуть, що за моремъ уже земли немае, а тилькы тры кыты... на ныхъ и земля держытся...

— То, може, воно тамъ, мижъ тымы кытамы, й водытся!— одказавъ третій чоловикъ. Розмова на цимъ обирвалася.

Йшлы вже заробитчане мовчкы, нога за ногою, коженъ самъ—зъ своею думкою.

Выйшлы зъ миста въ поле на бытый шляхъ. Тутъ уже инчи речи клопочуть Грыцькову голову, инчи думкы захоплюють ёго серце. Середъ шырокого й просторого степу, ривного якъ долоня, надъ котрымъ посывся тилькы буйный витеръ, та чорный воронъ колы-не-колы скрыкувавъ надъ головою, проризуючы звонко повитря своимъ дужымъ крыломъ, або степова чайка кыгыкала, зъ купыны на купыну злитаючы—мовъ за диткамы плакала маты,—тутъ ёму думка розмалёвувала картыну за картыною. То передъ его очыма выводыла обставы городського жыття, бучного, шумного, клопотлывого: усе те ревло та клекотило, якъ вода въ прырви, й лякало ёго своимы роскошамы, биганыною, выгукамы, та выкрыкамы. Заквылыла чайка—и разомъ перенесла ёго думку на село, въ тыху сильську хатыну, нагадала про жинку, про дитокъ. Жиночка така маленька, чепурненька, швыденька,—усе въ неи до-ладу якось не тилькы въ хати, а и у работи: швыдко вона повертается, дило горыть въ неи въ рукахъ—чысто, гладко. Дывытся винъ на іи роботу, а самого жаль бере, що вона такъ працюе. Винъ ажъ розрывается, щобъ найбильше зачепыты, найважче самому зробыты, а жинци щобъ менче зосталося, щобъ вона не натрудыла своихъ билыхъ рукъ. Хай колы й робыть, то-такъ, ненарокомъ, мовъ для играшкы, а не видъ нужды.—А прыйде свято, неделя, пидуть воны у пари до церквы, зъ церквы—обидаты: писля обида—полягають спочыты. А тутъ—дывысь: Ивась або Васылько прылизе, стае дыбкы коло матери, спынялся на іи руку—не дае задриматы.

— Пиды, Ивасю, пиды гратыся—каже маты, покы тато задримае...

— Ди-ма-е... ма...—лепече дытына.

— А тато чуе це, дывытся на дытыну кризь віи и серцемъ радіе. Сынъ одступывъ одъ матери; дыбае малымы ногамы до ёго. Винъ повернувъ на бикъ голову—скоса поглядае на дытыну.

— Бачъ, бачъ!—збудывъ батька,—каже маты:—не давъ спочыты...

— Бу-дывъ... цы-ты,—одно лепече дытына.

— А батько визьме прута, та-ажъ-ажъ-ажъ-а!

Дытына стоить, пыльно дывытся то на батька, то на матиръ.

— Жа-жа!.. жа-жа!—промовыло й соби за матирью, замахуючы малою ручкою коло батькового выду.

— Ой, ты, сучый сыну! за що ты бьешъ батька? Ось постій: я тебе закыну,—обизвався винъ; пидвився, бере на рукы дытыну—гойдае. Дытына лежыть—усмихается. Жинка любо, прыязно поглядае то на дытыну, то на чоловика...

— Ничого бъ я въ свити не хотивъ,—шептавъ Грыцько середъ такыхъ думокъ,—тилькы бъ хату теплу, жинку любу, та малу дытынку! А то бъ—усе мавъ: хлиба бъ мы заробылы за лито, та й зажылы бъ цилу зиму!

Голублячы таку думку въ серци, непрымитно переходывъ винъ безкраи степы безъ утомы, безвидни довги шляхы безъ некучои згагы;—тилькы й бажавъ, щобъ швыдче статы на мисце, заробыты грошей, вернутысь у село, купыты дворыще, одружытыся, та й зажыты сильськымъ громадяныномъ.

У мисти дуже багато крыку та галасу, а въ сели найкраще— й тыхо, й вильно... Прыйшлы воны на мисце, Грыцько не кыдався своихъ. Цилою громадою сталы воны на косовыцю до сина, а потимъ до хлиба.

Легка тому робота й сама найважча, сама найбазарнійша, хто іи робыть по своій воли, за-любкы, хто пестыть у серци надію, що не марно вона йде, що черезъ ту роботу винъ засягне свого счастя, котре ще й не выдне, ще не чутно ёго й шелесту, котре десь далеко-далеко, ще за скилькома рокамы праци, нужды, всякого горя, малюе ёго думка рожевымы квиткамы надіи. Легко тому за всячыну братысь,—робыть винъ, якъ вилъ, безъ утомы: працюе, якъ хазяинъ, завжды веселый, покійный.

Такъ робывъ Грыцько весну й те лито. За цилый день выпускавъ косу зъ рукъ тилькы тоди, колы треба було попойисты та выспатысь. И спавъ винъ ту коротеньку литню ничку мертвымъ сномъ, якымъ тилькы спыть чоловикъ, выморений важкою роботою. А тилькы що свитова зоря займалася, почынавъ жевриты схидъ сонця,--знову въ Грыцьковыхъ рукахъ звывалась коса, якъ та гадюка, по ривному степу. Хазяинъ зглянувся на його щыру працю, похвалывъ його й набавывъ трохы плату.

— Лыбонь ты, Грыцьку, маешъ думку городы та села закупыты, що такъ налягаешъ на роботу?—казалы йому землякыселяне.

— А що?—усмихаючысь казавъ Грыцько —Чого тутъ дывыться. Узявъ косу—чешы!

— Гляды лышень, щобъ очкуръ не урвався,—хто-небудь щыпне.

— Не бійсь: не твоеи вдачи!--одкаже Грыцько, та й знову за косу.

Одначе, якъ не щыро налягавъ Грыцько, якъ зъ мочи не рвався, а прыйшлося пидъ осень личыты заробиткы,--тилькы сотню и наличывъ!

— Воно й добре, дума самъ соби, адже все-такы трохы. Що ты зъ сотнею вдіешъ? Поганенькый грунтъ можна купыты,—такъ же до грунту ще багато треба. Де ты, объ вищо рукы зачепышъ?... Хиба на зиму зостатысь? И справди Грыцько зостався. Селяне пишлы назадъ до-дому, а винъ потягъ дали до Ростову. На дорози винъ зустривъ такыхъ, якъ и самъ.

— А куды?—завжде пыталы його подорожни.

— До Ростову.

— Не ходы до Ростову,—ходимъ до Херсону!—раивъ йому одынъ зъ ныхъ.

-- Чому?

— Тамъ малый заробитокъ, а въ Херсони на корабляхъ дуже добрый.

— За те жъ дали.

— На пивтыжня... То що? Ходимъ!

— Та чы ходимо, то й ходимо,—подумавшы, одказавъ Грыцько, та й пишовъ зъ людьмы.

Прыйшлы воны въ Херсонъ ще зарани, обійшлы городъ; роздывылася; пишлы на прыстань.

Лыманъ передъ ихъ очыма—скилькы засягнуты—леливъ; по ёму, мовъ велыки палацы, ходылы судна, берлыны, баркасы, плоты, а мижъ нымы и пароходы снувалы. А люде на прыстани, якъ черва ворушылысь, бигалы, всяку всячыну выносылы, крычалы, гвалтувалы.

— По полтынныку одъ сотни дощокъ!—крычавъ хазяинъ зъ плоту. Народъ бигъ туды.

— По тры семыгрывенныкы!—крычавъ зъ другого, и народъ, якъ хвыля, кыдавъ цей плотъ, перебигавъ до другого.

— По карбованцю день!—крычалы зъ судна.

— По карбованцю зъ четвертакомъ! По пивтора!—

Усякъ выкрыкувавъ свою цину, усякъ бигавъ, якъ несамовытый, одъ одного судна до другого, де бильше давалы,—одъ плоту до плоту. Сторгувавшысь въ цини, робитныкы залазылы на плотъ, або на берлыну, выймалы звидты усячыну; и неридко по поясъ у води—выносылы на головахъ дошкы, бочонкы, качалы на верёвкахъ сорокови бочкы.

Ставъ и Грыцько до одного плоту. За день—мало не тры карбованци заробывъ.

— Эге!—подумавъ винъ,—та це мисяць отакои роботы, то й багатыремъ станешъ! Отъ же-ба! Разъ—така робота не що дня й трапляется, а въ друге—зъ кожнымъ днемъ миняется й плата за роботу; то бильшае, якъ багато товару прысуне; то менчае, колы дви, чы тры берлыны. Одначе плата за день николы не падала видъ карбованця; за те бильшала иноди и до пьяты. Всетакы далеко корыстнише косовыци!

Грыцько радивъ, дякувавъ у души порадныкивъ. А робывъ—якъ той вилъ, цилый день; спавъ на голій земли, або на колоддяхъ; устававъ, тилькы що на свитъ благословылося, та знову за роботу бравсяі навить мало що йивъ, та й то все на ходу: пыльнувавъ, надолужавъ, якъ бы бильше заробыты!

Пизнёи осены, якъ уже плоты перестала прыгоныты, а баркы та судна колы-не-колы прыходылы, роботы треба було дожыдаты днямы, а не часамы.—Грыцько поличывъ свои барыши: дви сотни зъ лышкою лежало въ кишени! Грыцько радивъ, якъ мала дытына. Теперъ ёго надія, що, якъ выходывъ на заробиткы, ще тилькы мрилася,—стала выразнише выступаты передъ очыма: и огородъ зъ садкомъ, и нова тепла хата мовъ уже лежалы въ ёго кышени... Воно бъ таке, що й до-дому—жинкы пошукаты, та зима застукала.

— Яки тутъ у васъ заробиткы зимою?—пытавъ винъ знаёмыхъ херсонцивъ.

— Очереты косыты,—раилы ти.

Пишовъ Грыцько очереты косыты.

— Все жъ такы, хочъ на ти грошы прожыву та одягнуся, а весна настане—заразъ и потягну въ Пискы!

Мынула зима; наступыла весна. Знову закыпила робота то на прыстани, то въ поли.

Залышывъ Грыцько думку вернутысь по весни до-дому: одиклавъ на осинь. «А, може, тымъ часомъ надійде хто зъ своихъ, то тоди вже разомъ!» Грыцько не помылывся: прыйшлы весною пищане; роспытують—якъ, що, до чого; розсказують за Пискы—хто оженывся, хто замижъ пишовъ, хто вмеръ; розсказують, якъ трохы крепакамъ позначылося неволи, яки податкы...

— А Чипко,—якъ зажывъ, колы бъ ты знавъ, Грыцьку!—хвалятся ёму.

— А ще не одружывся?

— Ще. Та дурный буде, якъ не оженытся. Маты що-дня грызе голову; такъ усе одкладае, та й одкладае: не мае каже по мени пары!

Грыцько и тому радый.

— Мы зъ нымъ паслы вивци. Винъ парень добрый, та чудный соби. А теперъ, кажете, зажывъ? Отъ и добре!

Вытрудывъ Грыцько рукы ту весну й те лито; а въ осены—вернувся зъ своимы въ Пискы.

Якъ тилькы прыйшовъ, заразъ кынувся вышукуваты грунту. Тоди ихъ не труднація була купыты: козакы, почувшы за Кубаньски пустоши, що казна оддавала выселеньцямъ, шарахнулы на Кубань. Грыцько швыдко купывъ велычезный огородъ зъ новою хатою, зъ повиткамы, погребомъ, колодяземъ. За те все—щось пивторы сотни, чы що.

Купывшы грунтъ, почувъ себе Грыцько заразъ инчымъ,—немовъ на аршынъ вырисъ, немовъ потовщавъ. И люде заговорылы въ сели: «Отъ парубокъ! отъ хазяинъ»! Батькы та матери гострылы на ёго зубы, якъ на корыстного женыха,--особлыво убогши. Та Грыцько теперъ зовсимъ инчымы очыма дывывся на людей: до багачивъ горнувся, а на голоту дывывся зъгорда.

Мижъ парубкамы винъ поводывся зъ-высока. Якъ же лучалося ёму выйты на вулыцю, або питы куды на вечерныци,—винъ заразъ пускавъ имъ ману въ вичи. Де, мовлявъ, вы бувалы? що выдалы? Що вы знаете?.. Ось, якъ я бувъ,—отамъ и тамъ! Та иноди почне верзты таке, якъ той москаль, що вернувся въ ридне село по билету. Хлопци слухають, уха розвишавшы, роты пороззивлявшы. А винъ—таке плете, що й на голову не нализе! Правда, дивчата, постеригшы видразу таки балясы, по своій жартовлывій натури, часомъ и геть-то сміялыся зъ ёго, прышывалы квиткы ёму прылюдно, а про те на самоти кожна думала:

— Отъ бы за Грыцькомъ буты! Хата йе, огородъ йе, та й грошенята, мабуть, водятся,—не треба бъ на першый разъ дуже й працюваты. Отъ бы добре!

Отже Грыцько, хвастаючы своею бувалостю, пышаючысь своимы достаткамы, самъ теперъ думавъ не про убожество. Ему бажалося до свого добра прыточыты ще й жинчыне, щобъ вышло одно, та велыке! Отакъ помиркувавшы самъ зъ собою, засылае винъ старостивъ до найбогатшого козака Лозы, котрый що року посылае въ дорогу паровыць по десять за силлю та за рыбою. Такъ же й Лоза Грыцьковои натуры. Винъ думавъ маты зятемъ не простого козака, не такого, що колысь у драныхъ штанынятахъ за вивцямы бигавъ.

— Ще моя дочка не багато хлиба перейила, сыдячы дома,— одказавъ Лоза старостамъ.

Це трохы збыло пыху Грыцькови, осадыло ёго на ныз. Винъ прытыхъ, прысмыривъ, навить зайшовъ якось до Чипка, котрымъ почавъ бувъ гордуваты,—та не заставъ дома.

Оселывся Грыцько на зиму въ чужій симьи, въ котрои купывъ городъ зъ уговоромъ, що воны жытымуть до весны у проданій хати. Прыставъ у сусиды, хочъ и въ своій хати, та й почавъ роздумуваты: яку соби жинку браты. Хочется й багачкы: хочется, щобъ була и вродлыва. Довго винъ миркувавъ соби, перебравъ у думци всихъ дивчатъ на сели,—та самъ не счувся, якъ и колы закохався въ сусидчыну наймычку—веселу, моторну й робочу дивчыну, хочъ и невелыку красулю.

Хрыстя—такъ іи звалы—зосталася малою писля батька-матери. Родычи, що можна було, рознеслы,—осталося тилькы днивъ на пьять поля, та й тымъ орудувавъ дядько, у котрого спершу вона й жыла. Якъ пиднялась на ногы,—бачыть: скилькы не робы на дядька, ничого соби не прыдбаешь. Такъ вона кынула дядька, а сама пишла въ наймы. Перепелыха, заможня козачка вдова, що жыла недалеко одъ Грыцьковои хаты, найняла Хрыстю. Зажыла вона въ Перепелыхы, якъ у себе дома. Перепелыха була вже стара людына, добра, жалистна. Вона жыла велыкою симьею,— зъ дочкамы, сыротамы—внукамы, за котрымы треба було прыглянуты, нагодуваты, напоиты. Хрыстя—молода, весела, щебетуха, працёвыта дивчына; дядына ще змалку не давала ногамъ та рукамъ іи одпочынку, прызвычаила до роботы. Хазяйка вподобала наймычку; наймычка—хазяйку. Зъ боку дывлячысь, Хрыстя не наймычка, а дочка ридна.

Такъ оця то Хрыстя, нызенька, чорнявенька, не дуже хорошои вроды дивчына, якось ненарокомъ запала Грыцькови въ серце. Забувъ Грыцько про велыкый посагъ, якый думавъ засягты за жинкою; годи думаты про якусь незвычайну красу,— давай лыцятыся та женыхатыся зъ Хрыстею... Не довго тяглыся ихъ любощи: писля водохрестя заславъ Грыцько старостивъ до Хрысти, а черезъ тыждень молоди й побралыся. На весну оди-

бравъ Грыцько въ дядька Хрыстыныну землю; купывъ парку воливъ та коривчыну за остатни гроши, яки заробывъ, плоты розбыраючы, очереты бьючы, та й ставъ тую землю ораты, спрягшысь зъ такымъ же, якъ и винъ, не багатымъ козакомъ—сусидомъ. Зажывъ Грыцько тыхымъ жыттямъ,—хочъ не такымъ, яке ёму за парубоцтва думка выснувала, а все-такы гараздъ,—такъ, якъ и люде. Зъ жинкою Грыцько жывъ мырно, любязно: ни лайки, ни сваркы не чула ихъ просторна, весела хата. Въ будни—обое воны працювалы; въ свято—ходылы вкупи до церквы; по обиди—спочывалы, або куды въ гостыну ходылы, або въ себе гостей прыймалы... И сталы воны мижъ людьмы, поважными хазяинамы, чесными, робочымы людьмы, добрымы сусидамы, на вдывовыжу парою...

— Отъ зъ кого берить, диткы, прымиръ, якъ у мыри жыты!—не одна, не дви матиркы радылы своимъ дочкамъ зъ зятямы, або сынамъ зъ невисткамы:—зъ Грыцька та Хрысти... Винъ зостався сыротою й вона сыротою.—А що зъ ныхъ выйшло? Чесною працею онъ-скилькы надбалы! Чесно воны й пожывуть ёго,—у мыру, та въ ладу, якъ братъ зъ сестрою,--нихто зъ ныхъ и не замутыть... Одна въ ныхъ думка, одна рада. Отакъ, диткы, треба на свити жыты!

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Кинецъ 1-ои частыны).

Письма къ Гр. Петр. Данилевскому.

(Продолженіе [1]).

Письма П. П. Сокальскаго [2]).

1.

Одесса. Декабря 27. 1858 г.

Милостивый Государь, многоуважаемый Григорій Петровичъ!

Узнавъ по письмамъ изъ Харькова, что Вы проживаете зиму въ этомъ градѣ, и утѣшаясь мыслью, что, можетъ быть, изъ памяти Вашей не совсѣмъ еще изгладилось имя нѣкоего Петра Сокальскаго, я рѣшился обратиться къ Вамъ съ этими строками. До слуха Вашего, можетъ быть, дошло извѣстіе о томъ, что съ 1859 года редакція Одесскаго Вѣстника (газета) передана въ руки брата, Николая Сокальскаго, и что въ связи съ этой газетой имѣетъ выходить ежемѣсячный журналъ: «Южный Сборникъ» также подъ нашей редакціей.—(Хотя номинально издаваемый про-

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903 г., № 2.

[2]) Петръ Петровичъ—музыкантъ и публицистъ, проживавшій преимущественно въ Одессѣ.

фессоромъ Ришельевскаго лицея Н. Максимовымъ, но это дѣло общее насъ всѣхъ). Замѣчательнѣе всего здѣсь то, что это—суть единственныя изданія на югѣ Россіи, исключая «Кавказа», коего поле дѣйствія совсѣмъ иное; были охотники, которые просили разрѣшенія издавать и другіе журналы, вѣстники и газеты въ Одессѣ, но всѣмъ отказано. Такимъ образомъ, волею судебъ, мы остались какъ бы на правахъ монополіи. Остается воспользоваться сими благопріятными условіями: «Одесскій Вѣстникъ», по своей зависимости отъ города, поневолѣ будетъ болѣе или менѣе оффиціаленъ, предоставляя лишь *фельетону* быть поразвязнѣе. Однакожъ, по своей спеціальности,—преслѣдованіемъ экономическихъ интересовъ Новороссійскаго края, даже событій на Востокѣ, для чего вездѣ есть у насъ корреспонденты,—онъ долженъ пріобрѣсти значеніе и занять принадлежащее ему мѣсто между газетами. Но большую часть нашей души, теплоту нашу мы отдаемъ журналу «Южный Сборникъ», въ которомъ надѣемся выразить прогрессивное и либеральное направленіе. Запасъ статей на первое время есть достаточный. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ по заглавіямъ: «Удовлетворяютъ ли акціонерныя компаніи экономическимъ потребностямъ Россіи»?—«О значеніи конкуренціи въ Новороссійскомъ краѣ»,—«Вліяніе откупной системы на государственный бытъ»,—«Византійскія женщины» (замѣчательная статья!),—«Похожденія провинціала въ столицѣ»,—«О татарскомъ элементѣ въ нашемъ общественномъ мнѣніи»—(сіе заглавіе имѣетъ быть смягчено),—«Ватиканъ»,—Стихотворенія,—«О юридическомъ образованіи въ Россіи» и т. д.—Журналъ нашъ независимъ ни отъ какого начальства, и потому можетъ принести свою долю пользы въ прогрессивномъ развитіи Россіи.

Извѣщая Васъ обо всемъ этомъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, просимъ и Васъ, какъ *литератора* и какъ *сына юга*, принять участіе въ нашихъ изданіяхъ, какъ прекраснымъ талантомъ Вашимъ, такъ и содѣйствіемъ къ распространенію ихъ въ обширномъ кругу Вашихъ знакомыхъ. Для полноты присовокупляю здѣсь слѣд. факты: 1) съ 1859 г. «Одесскій Вѣстникъ» улучшенъ въ форматѣ, внѣшнемъ видѣ и величинѣ. 2) Имѣются

телеграфическія сообщенія съ Питеромъ—чего прежде здѣсь никогда не бывало. 3) Имѣются корреспонденты въ Парижѣ, Нью-Іоркѣ, Аѳинахъ, Марсели, Константинополѣ, во всемъ Левантѣ, а также Болгаріи, Петербургѣ, Бессарабіи, и въ губернскихъ городахъ Новороссіи, также и въ Харьковѣ. 4) Имѣется постоянный фельетонъ.—«Одесскій Вѣстникъ» выходитъ 3 раза въ недѣлю. Цѣна для иногороднихъ въ годъ—12 руб. сер., въ полгода—7 руб. Годовые подписчики, приложившіе сверхъ 12 руб. сер.—еще 1 р. 50 к. сер. всего (13 р. 50 к.), получаютъ безплатно всѣ №№ журнала «Южный Сборникъ». Отдѣльная же подписка на «Южный Сборникъ» (ежемѣсячно листовъ въ 3—4, до 5) для иногороднихъ въ годъ—4 р. сер.

Надѣясь, что Вы не откажете въ Вашемъ благосклонномъ вниманіи къ нашей просьбѣ. Редакція можетъ увѣрить, что, какъ Ваши статьи, такъ и содѣйствіе Ваше къ успѣху изданій, будутъ приняты нами съ чувствомъ живѣйшей благодарности.—При этомъ случаѣ позвольте узнать Ваше мнѣніе на счетъ слѣдующаго: съ теченіемъ времени мы хотимъ просить Высочайшаго разрѣшенія на открытіе въ *Од. Вѣст.* подписки для сооруженія памятника *Богдану Хмельницкому*. Что Вы объ этомъ думаете? Будетъ ли это принято въ Питерѣ, какъ подобаетъ великой памяти этого геніальнаго мужа? Будетъ ли это популярно тамъ? Не откажите въ Вашемъ мнѣніи. Вы отлично знаете Петербургскую публику.—Что сталось съ Малороссійскими пѣснями Вашими? Публика ждетъ. Грѣхъ скрывать это золото подъ спудомъ.—На досугѣ, въ Америкѣ, я написалъ цѣлую оперу «Мазепа» съ стихами изъ Пушкина «Полтава». Отдѣльныя сцены думаю попробовать поставить и въ Одессѣ, въ переводѣ на итальянскій языкъ. Но по пріѣздѣ въ Питеръ, постараюсь вполнѣ приготовить и для русской сцены. Къ тому же времени надѣюсь и отдѣлать другую оперу, которая вчернѣ и готова уже. это—«*Майская ночь*», либретто изъ Гоголя вечеровъ на Диканькѣ. До тѣхъ поръ въ Одессѣ, изучаю трудную науку оркестровки.—А съ пѣснями Вашими, Григорій Петровичъ, что-нибудь сдѣлайте. Право, это—золото, настоящее золото! Позвольте, при

этомъ случаѣ, принести мое поздравленіе съ вступленіемъ въ брачныя узы; многоуважаемой Юліи Егоровнѣ, а также почтеннѣйшей Катеринѣ Адамовнѣ—прошу передать мое отличное уваженіе и желанія всякаго счастія и благополучія.—Льстя себя надеждою, что Вы не оставите этихъ строкъ безъ отвѣта, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ неизмѣнно преданный Вамъ П. Сокальскій.

P. S. Адресъ мой: Его В-дію П. Петровичу Сокальскому, въ д. Попудова, на Преображенской улицѣ, Одесса.

Подписка на изданіе: («Од. Вѣстн. и «Южн. Сб.»)—прямо въ *Контору Редакціи Одесскаго Вѣстника, въ Одессѣ.*

NB. Не знаете ли, что сталось съ Алисовымъ. М. И.?

2.

Любезнѣйшій Григорій Петровичъ!

Много, много виноватъ передъ Вами за долгое молчаніе; и особенно еще мнѣ стало совѣстно, когда Вы предупредили меня своимъ недавнимъ письмомъ. Но такъ какъ это все совершившіеся факты, то я Вамъ скажу только нѣсколько словъ въ ихъ разъясненіе. Я лѣнился отвѣчать по украинской натурѣ своей, а второе—по англійской привычкѣ—писать тогда только, когда это неизбѣжно. При редакціонныхъ занятіяхъ, отписки и отвѣты составляютъ весьма важную статью, отъ которой бѣгаешь, по возможности. Чаще всего пишу къ брату, но и это составляетъ 2—3 раза въ годъ. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ казалось, что я уже отвѣчалъ на Ваше письмо тѣмъ, что исполнилъ все, что Вы тамъ поручали мнѣ; несмотря на то, я имѣлъ намѣреніе писать и Вамъ объ этомъ, для чего отложилъ Ваше письмецо отдѣльно на столъ, и только ждалъ случая узнать: все ли за границей Вы, или ужъ вернулись домой, и въ такомъ случаѣ, куда, въ деревню, или въ Харьковъ. О Вашемъ возвращеніи въ Россію я узналъ только въ августѣ (назадъ тому недѣли 4) отъ Д. Е. Замятина, который былъ въ Одессѣ. Онъ же можетъ сообщить

Вамъ, что я чувствовалъ за собою долгъ—написать Вамъ письмецо, и собирался сдѣлать это вскорѣ.—Вотъ Вамъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, хоть нѣсколько слабыхъ оправданій, которыя Вы вѣроятно примете по-дружески. Повторяю Вамъ, я потому только оправдываюсь передъ Вами, что люблю и уважаю Васъ. Теперь факты. 1) Письмо, которое Вы прислали изъ Ниццы, съ просьбою *напечатать его, если оно прійдетъ раньше 15-го марта, а въ противномъ случаѣ послать его г. Антонову вмѣстѣ съ приложеннымъ къ нему письмомъ*, пришло именно 15-го марта, вслѣдствіе чего, придерживаясь всегда строго и буквально желаній авторовъ,—мы препроводили и статью Вашу: «Голосъ за родину» и письмо къ г. Антонову—по *Вашему же желанію*—къ г. Антонову въ изюмск. уѣздъ. Стало быть, въ Од. В. письмо Ваше изъ Ниццы не было напечатано. 2) *Бюджетъ одного взяточника*—очень милъ и занимателенъ, и будетъ вскорѣ напечатанъ, при чемъ будутъ исполнены всѣ Ваши желанія, именно: 10 оттисковъ и корректурный листъ, въ случаѣ придирки цензуры, будутъ Вамъ высланы въ Чугуевъ. Я думаю, что со стороны цензуры, можетъ быть, будетъ затрудненіе въ пропускѣ слова: *министръ* (гдѣ част. приставъ разсуждалъ объ откупщикѣ, и т. д). Впрочемъ, увидимъ. 3) Если будете проживать нѣкоторое время въ Харьковѣ, отпишите какую-нибудь гадость, одну изъ тысячи, какими изобилуетъ этотъ грязный, болотистый городъ (въ переносномъ смыслѣ). Я думаю, нѣтъ въ Россіи города, который слѣдовало бы больше казнить и бичевать, какъ Харьковъ. Это сознательный подлецъ! О Вашей литературной дѣятельности скажу, что Вы съ каждымъ годомъ подвигаетесь впередъ. Ваши повѣсти за прошлый годъ я прочелъ съ удовольствіемъ,—и начало новой, въ этомъ году (въ библіотекѣ—*не вытанцовалось*) началъ и незамѣтно прочелъ всю до конца,—противъ обыкновенія своего не читать неоконченныхъ повѣстей, пока они не появились вполнѣ въ печати. Въ послѣдней повѣсти есть очень милыя личности, и очерчены живо. Хвалятъ также Вашу «Феничка» въ Свѣточи, которую я еще не читалъ, но прочту. Во всякомъ случаѣ, Вы идете постоянно впередъ. Одного только не могу

Вамъ простить: Вашихъ передѣлокъ сказокъ въ стихи. Это не эстетично.—Въ Свѣточи объ Васъ былъ очень лестный разборъ. Въ Современникѣ Чернышевскій,—о чемъ Вы также пишите,—въ обращеніи къ Вамъ оказался именно безчестнымъ. Онъ, во первыхъ, не правъ, а во вторыхъ—грубъ. Чтобы произносить подобные рѣшительные приговоры, слѣдовало бы ихъ подтвердить.—Намѣренія Вашего протестовать однакожъ не могу одобрить, по множеству причинъ. Конечно, это зависитъ отъ *формъ* протеста, но все-таки авторы никогда не защищаются передъ критикою сами отъ себя. Вы можете этимъ привлечь на себя остроты юмористическихъ изданій и уронить свое достоинство. Впрочемъ, повторяю, все зависитъ отъ формы, въ какой Вы напишете этотъ протестъ (который, конечно, Вы не назовете въ печати *протестомъ*)...—Въ заключеніе скажу Вамъ нѣсколько словъ и о себѣ. Я переселяюсь снова въ С.-Петербургъ. Переселеніе сіе совершится или въ будущемъ сентябрѣ 1861 года, или же въ нынѣшнемъ декабрѣ, т. е. черезъ три мѣсяца, что вѣрнѣе. Весьма вѣроятно, что къ Новому году я буду въ Харьковѣ. Мнѣ весьма хотѣлось бы встрѣтиться съ Вами при проѣздѣ и поговорить о разныхъ вещахъ. Если когда-нибудь Вы будете у брата, сообщите ему,—будете ли Вы жить зимою въ Харьковѣ, или въ деревнѣ. Онъ отпишетъ мнѣ о томъ. Заранѣе заявляю Вамъ, что я имѣю виды на Ваше собраніе малоросс. пѣсенъ. Конечно, если Вы будете скряжничать съ ними, то все это окажется безплоднымъ, но такъ какъ я, наконецъ, спеціально перешелъ въ область *музыкальнаго композиторства* (въ подготовленіяхъ къ которому прошло все то время, въ продолженіе котораго мы не видѣлись, послѣ встрѣчъ въ С.-Петербургѣ), то думаю серьезно заняться участью малоросс. пѣсенъ и въ С.-Петербургѣ хлопотать объ изданіи ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, везу въ Питеръ оперу: «Майскую ночь», успѣху которой могутъ помѣшать развѣ интриги, или внѣшнія обстоятельства, но не достоинства ея, въ которыя я вѣрю всей душой. Есть у меня музыка на «Мазепу», но ею я недоволенъ, и отложилъ на послѣ. А между тѣмъ, хлопочу заранѣе о *либреттахъ*. Знаете ли, что это такая трудная вещь,—

составить либретто для малоросс. оперы, какой Вы себѣ и не воображаете! На чистомъ малоросс. языкѣ—нельзя; нéкому будетъ играть; на чистомъ русскомъ тоже нельзя; я остановился на слогѣ Гоголя (русская рѣчь, на малоросс. оборотѣ, конструкціи и *запахъ*)... Изъ малороссійскихъ сюжетовъ меня занимаетъ еще два: «Тарасъ Бульба» и «Чорная рада». Изъ сюжетовъ, болѣе русскихъ, но безъ сильныхъ элементовъ національности (что мнѣ нужно для отдыха, ибо утомляетъ національный стиль) я остановился на «Дубровскомъ» Пушкина. У меня есть даже готовые мотивы,—но либретто, либретто нѣтъ,—а самъ я не могу писать ихъ по 2 пр. 1) не владѣю стихомъ, 2) утомляюсь достаточно и музыкальною частью;—О, еслибъ Вы могли мнѣ помочь когда-нибудь по части либретто!

Весь Вашъ П. Сокальскій.

3.

С.-Петербургъ, 7 мая. 1863 г.

Любезнѣйшій Григорій Петровичъ.

Ужъ Вы не сѣтуйте на меня за долгое молчаніе—долгое, конечно, не въ смыслѣ Петербургскомъ, а Изюмско-Харьковскомъ—ибо я, по обыкновенію, имѣлъ намѣреніе соединить письмо вмѣстѣ съ отвѣтомъ на кое-какія дѣла и коммиссіи, какъ подобаетъ дѣловому питерцу. На сей разъ, къ сожалѣнію, я пишу къ Вамъ подъ спѣшную пору: совершенно нежданно завтра мнѣ приходится ѣхать въ Москву. Потому, вмѣсто длиннаго письма, какъ я располагалъ вначалѣ, пишу коротенькое. Во 1-хъ порученіе Ваше по дѣлу съ Вольфомъ исполнено. И хоть я 3 раза нарочно заходилъ въ его магазинъ, тѣмъ не менѣе его самого лично не могъ увидѣть: онъ цѣлые дни пропадалъ гдѣ то, такъ какъ теперь переводится его типографія и заведеніе изъ одного мѣста въ другое. Тѣмъ не менѣе я написалъ подробно все, что Вы хотите, и почтенный прикащикъ обѣщалъ непремѣнно все пере-

дать, и лично еще прибавить все, что нужно. По пріѣздѣ изъ Москвы я немедленно опять навѣдаюсь туда. Во 2-хъ, адресъ мой перемѣнился съ 1 мая. Отнынѣ онъ гласитъ такъ: П. П. Сок. Сбургъ, *по Демидову переулку, близъ банковскаго моста, домъ Карчевскаго, въ квартирѣ Бакмана, № 23.* Это тотъ самый домъ, гдѣ я жилъ прежде, только теперь въ другомъ концѣ дома, живу на дворѣ. Квартиру старую сдалъ по контракту, ибо дороговато обходилась. Мною приняты, впрочемъ, всѣ мѣры, чтобы все дошло до меня, по какому бы адресу ни писалось. На время отсутствія моего изъ Питера отъ 9 мая до 9 іюня, ровно мѣсяцъ въ Москвѣ, будутъ мнѣ пересылаться всѣ письма. Въ 3-хъ, благодарю Васъ за адресъ и статью Вашу. Скажу однакожъ откровенно, что редакція адреса не совсѣмъ удачна: можно было бы лучше и выразительнѣе. Вотъ старообрядцы то лучше всѣхъ отписались: истинно въ эпическомъ стилѣ! За ними костромичи, за ними рязанцы. Толки и опасенія войны усиливаются, хотя съ другой стороны говорятъ, что царь готовъ на всякія уступки въ пользу Польши.—Когда въ Вашемъ письмѣ дошелъ я до того, гдѣ Вы охотитесь за куликами и бекасами—слюнки у меня потекли. Чувствуете ли Вы все блаженство свое? Я думаю, что нѣтъ.—но я за Васъ чувствую. Новаго въ нашихъ кружкахъ немного. Были у насъ послѣ того еще многія засѣданія и митинги; Times послана куда слѣдуетъ. Концертъ въ пользу книгъ на малорусскомъ языкѣ отлично удался: около 500 руб. чистыхъ выручено. Костомарову страшно аплодировали Тамъ пѣли и изъ моихъ сочиненій Никольскій и Леонова, и съ успѣхомъ. Затѣвалась потомъ кампанія: не подать ли отъ лица литераторовъ адресъ Государю? Имѣлось въ виду просить о созваніи земскаго собора. Но засѣданіе, бывшее у Краевскаго на дому, разбило эту идею, и нашло ее нелѣпою. Сухомлиновъ уѣхалъ. Мы положили съ Костомаровымъ и Сухомлиновымъ ежегодно устраивать такой концертъ въ пользу малороссійскихъ книгъ. Но если я останусь въ Москвѣ, то, конечно, я не буду участвовать въ этомъ. Ѣду я въ Москву на мѣсяцъ, послѣ 3-хъ писемъ отъ Георгіевскаго къ Каткову, писали и Щербина, и Майковъ обо мнѣ, и очень хорошо

писали. Предубѣжденіе разсѣяно. По моему предложенію—пріѣхать для пробы на мѣсяцъ въ Москву, чтобы намъ ознакомиться другъ съ дружкою, и узнать дѣло, распредѣлить занятія,—они согласились. За это я попросилъ 200 рублей, ибо я бросаю всѣ дѣла свои и занятія въ Питерѣ и къ тому же издержки путевыя и мѣсяцъ жизни. *Они* согласились, и очень просили поскорѣе. Я, признаться, не ожидалъ такого быстраго соглашенія и оно застало меня врасплохъ. Послѣ мѣсяца житья, я опять вернусь въ Питеръ,—поживу въ Оренбургѣ лѣто, и если поѣду обратно въ Москву, то не ранѣе осени. Такой примѣрно планъ мой.—Прошу передать мой искренній поклонъ и привѣтъ Юліи Григорьевнѣ.—Во «Времени» въ апрѣлѣ началась моя статья: «Наши главные спорные пункты», гдѣ дѣло идетъ о національномъ началѣ. Для того же «Времени» написалъ я «Польскій вопросъ предъ судомъ нашихъ партій» и ее не пропустили. Такъ и пропали даромъ дни работы; если бы зналъ, то отдалъ бы оперѣ, которая у меня теперь очень подвинулась. За то я сдѣлалъ вмѣсто 3-хъ четыре дѣйствія. Иначе мнѣ всунули бы, по уставу театровъ, еще и балетъ, или водевиль; въ дополненіе 3-хъ актовъ оперы, и испортили бы впечатлѣніе. Я хочу, чтобы весь вечеръ *былъ мой*, и для сего 2-ое дѣйствіе разбилъ на два. Теперь ужъ не всунутъ водевиля, этой ложки дегтя въ бочку меда. Артемовскаго оперетта «Запорожецъ за Дунаемъ» оказалась слаба и безцвѣтна до крайности. Пишите въ Пчелу, чтоли. Если будетъ время, изъ Москвы отпишу что-нибудь. А Вы то пишите почаще: вѣдь есть же время за куликами ходить. А мнѣ очень пріятно читать Ваши письма. Отвѣчать только часто не могу.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

4.

С.-Петербургъ. 10 іюня 1863 г.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Письмо Ваше изъ Харькова отъ 22-го мая я получилъ, или вѣрнѣе прочелъ по возвращеніи моемъ изъ Москвы, что случи-

лось въ первыхъ числахъ іюня. Благодарю Васъ за память и спѣшу отвѣтить Вамъ тѣмъ же. Много можно бы написать въ отвѣтъ на разные вопросы въ Вашемъ письмѣ, но я ограничусь, по обыкновенію, краткостью. Во первыхъ, адресъ мой съ 1-го іюня таковъ: *Въ Средней Мѣщанской, домъ Пойтелинга, № 5, кв. № 6.* Не удивляйтесь частой перемѣнѣ моихъ адресовъ (это уже третій за май мѣсяцъ); это происходитъ отъ независящихъ отъ меня причинъ. У меня отвращеніе къ перевозкамъ, и каждый разъ я переживаю точно лихорадку при перевозкѣ. Я столько на вѣку ѣздилъ, что одинъ видъ чемодана возбуждаетъ мои нервы: у меня теперь просто страсть къ своему *углу*, и если бы не опасенія войны, то я бы въ это же лѣто купилъ себѣ уголъ гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Питера. Во вторыхъ, на счетъ заглавій Вашихъ романовъ я не успѣлъ еще справиться у Вольфа, но буду тамъ на дняхъ. Изо всѣхъ Вашихъ заглавій мнѣ кажется только одно подходящимъ, именно: «На зарѣ», и при нихъ внизу: «Два романа изъ быта бѣглыхъ». Остальныя названія все вычурныя и неточныя. Еще кое-какъ можно помириться съ: «Послѣдніе аккорды крѣпостной жизни»; но въ такомъ случаѣ не надо уже ставить: «Два романа изъ быта бѣглыхъ».—И такъ, если позволите быть крестнымъ папашей Вашихъ романовъ, то я предлагаю: «На зарѣ». За симъ, что дѣлать,—отпишите: по возможности, все исполню. На счетъ московскихъ похожденій скажу слѣдующее: по уговору, я на мѣсяцъ прибылъ въ Москву, чтобы поработать при редакціи. Я проработалъ всего 3 недѣли,—послѣ чего мы успѣли придти къ опредѣленнымъ результатамъ: въ настоящую минуту я отказался вступить въ редакцію, по разнымъ неудобствамъ,—но сохранилъ за собою и за ними готовность вступить *впослѣдствіи* въ соглашенія. Они увидѣли, что я точно могу быть полезнымъ имъ; я увидѣлъ, что тамъ точно есть надъ чѣмъ работать—вотъ и все. Нуждаются они въ пополненіи состава сотрудниковъ по политическому отдѣлу въ Моск. Вѣдом., гдѣ работаетъ Георгіевскій, Капустинъ и нѣсколько переводчиковъ. Имѣлось въ виду отпустить на мою долю—слѣдить за Америкой и Франціей; Англію, Испанію и Италію и часть передовыхъ статей— Капустину;

Германію, Турцію, Грецію, Скандинавію и часть передовыхъ статей—Георгіевскому. При семъ 2, 3 переводчика,—и все подъ главною отвѣтственностью Георгіевскаго, какъ завѣдующаго политическимъ отдѣломъ. При нуждѣ я бы согласился,—и, можетъ быть, когда-нибудь соглашусь. Но теперь отказался до времени. Работать подъ рукою—не совсѣмъ мнѣ по душѣ. Да и вся обстановка этого труда—грязновата, по-московски. Входъ въ контору есть въ то же время черный ходъ К° М°; въ редакціи, гдѣ каждый день отъ 10, 11 часовъ до 4, 5 работать приходится, нѣтъ ни одного цѣлаго стула, темно, никакого комфорта. Наконецъ отношенія выходятъ неопредѣленныя, и время указало бы, что изъ насъ 3-хъ одинъ лишній, если два работаютъ какъ слѣдуетъ. И искать то они стали потому, что Капустинъ немного легко работаетъ, а разстаться съ нимъ не могутъ, по старымъ связямъ. Что касается до лицъ, то Капустинъ—премилый человѣкъ; Георгіевскій—работящій и съ большими познаніями. Леонтьевъ—практикъ, я съ нимъ имѣлъ длинный разговоръ, и мнѣ онъ понравился; Каткова лицезрѣлъ только единожды; голова крѣпкая, и на твердой почвѣ стоитъ. Только со всѣми этими господами трудно сойтись человѣку, пропитанному петербургскимъ ядомъ. Они не понимаютъ оппозиціи Питера и издѣваются надъ нею. И хотя они тоже, съ своей стороны, правы, защищая свою точку зрѣнія, но они удалены отъ мерзостей источника, и не живутъ ежедневно ненавистью, какъ приходится *бѣдному* Питеру. Они также не понимаютъ Малороссіи. Потому внутренно съ ними я не могу сойтись, да и никогда не сойдусь. У насъ все-таки есть своя отчизна—Украйна, а Питеръ тѣмъ хорошъ, что онъ космополитъ. Тутъ всѣмъ можно жить.[1] Въ Москвѣ надо быть москвичемъ. Ну, а перерождаться въ наши лѣта—невозможно. Я сію минуту получилъ письмо отъ брата Nicolas изъ Одессы. Онъ всячески меня отстраняетъ отъ всякаго завербованія моей личности и тянетъ въ Одессу. Готовъ даже гарантировать мнѣ 2000 р. годового жалованья, если его планы удадутся. Онъ затѣваетъ сдѣлать кое-что пошире изъ Одесск. Вѣст. Скажу Вамъ откровенно, туда, *на югъ*, и душа тянетъ. И очень можетъ быть,

что я къ 1864 г. буду въ Одессѣ. Въ этомъ же мѣсяцѣ братъ увѣдомитъ меня обстоятельно.—Я же теперь принялся оркестровать оперу. Хочу къ октябрю кончить, такъ чтобы, кончивъ ее, ѣхать въ Одессу. Это тѣмъ болѣе важно, что на сюжетъ «Майской ночи»,—какъ сообщили мнѣ пока по секрету—пишетъ гр. Соллогубъ либретто для Леви (музыканта). Надо опередить и скорѣе кончить. Передайте мой душевный поклонъ Юліи Григорьевнѣ. Желаю удачнаго разрѣшенія, и въ особенности *сынка*. Дай же Боже! Съ малороссами нашими давно не вижусь, да и всѣ почти разъѣхались. Я рѣшительно *противъ* поляковъ, á tout prix. Войны ждутъ, скоро ли, поздно ли; Питеръ укрѣпляется, и острова.

Преданный Вамъ П. Сокальскій.

5.

1863 г. С.-Петербургъ. 26 августа.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Счастливая звѣзда вновь тянетъ меня на югъ. Съ 1-го сентября, если вздумаете писать ко мнѣ, то вотъ адресъ: П. П. Сокальскому, въ Одессу, въ редакцію Одесскаго Вѣстника. Я выѣзжаю отсюда 3-го сентября, и надѣюсь быть 15-го въ Одессѣ. Ѣду бѣлорусскимъ трактомъ на Островъ, Черниговъ, Кіевъ, etc. Вещи свои уже отправилъ и самъ бы поѣхалъ сейчасъ, еслибы не любопытство увидѣть «Юдиѳь» Сѣрова, которая назначена на 1-е сентября. (Ее давали въ маѣ, но я былъ тогда въ Москвѣ). Я не писалъ Вамъ до сихъ поръ, потому что, въ сущности, по Вашему дѣлу нечего было писать. Сообразно Вашему желанію, я былъ нѣсколько разъ у Вольфа и наконецъ достигъ того, что лицезрѣлъ его лично. Онъ мнѣ съ свойственнымъ ему остроуміемъ замѣтилъ, что Данилевскому тутъ нечего хлопотать; денежки взялъ себѣ и кончено. А ужъ мой интересъ заставитъ меня прибрать эффектное заглавіе его романамъ. «Золотую волю» цензура запретила. Посему, если Данилевскій хочетъ, пусть при-

шлетъ мнѣ дюжину, другую названій (заглавій), и я уже выберу на досугѣ. За симъ мы разстались. Вольфъ, кажется, не спѣшитъ печатать, и по всему видно, что онъ считаетъ ваши заботы совершенно излишними, предоставляя самому себѣ выбрать и время, и мѣсто, и заглавіе, и шрифтъ, и т. д. Благодарю Васъ за посвященіе мнѣ разсказа «Бѣглый лакей» въ Одесск. Вѣстн. Это съ Вашей стороны большая любезность. Свою оперу, которую я сначала твердо рѣшился ставить въ этотъ зимній сезонъ ($18^{63}/_{64}$), я вновь отложилъ до слѣдующаго сезона ($18^{64}/_{65}$), когда для этого нарочно пріѣду изъ Одессы въ Питеръ. Главное—отставка *Леоновой*, дѣлала невозможною постановку въ этотъ сезонъ, ибо у меня партія *Prima donn'ы* для контральто. А второе, что при самомъ ускоренномъ трудѣ, она бы—по справкамъ это оказалось—не явилась бы готовою на сценѣ ранѣе апрѣля или мая 1864.—Въ Одессу я переселяюсь на 5 лѣтъ, а можетъ быть и навсегда сдѣлаю ее центромъ своего пребыванія. Въ Питеръ не буду дѣлать экскурсіи. Украинскій вопросъ, какъ Вы уже конечно знаете, наткнулся на двухъ враговъ: Валуева и Каткова. Пока они въ силѣ, вопросъ будетъ стоять. Теперь запрещены изданія учебныхъ и священныхъ книгъ на малоросс. языкѣ. Остаются только пѣсни, да думки позволенными. Костомарова предполагаютъ (министръ Н. П. Головинъ) послать въ почетное изгнаніе—въ поѣздку по Славянскимъ землямъ. Головинъ, впрочемъ, сильно стоялъ за Украину и украинцевъ, но не въ силахъ одолѣть мѣдноголовыхъ. Мой нижайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ.

Остаюсь весь Вашъ П. Сокальскій.

Предъ отъѣздомъ у меня тьма заботъ, хлопотъ и посѣщеній. По сему за краткость не сѣтуйте!

6.

Павловскъ. 1862 г. Іюль 10.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо отъ 16 іюня, вмѣстѣ съ приложеніемъ Харьковскихъ вѣдомостей и извѣстіемъ

о скоромъ окончаніи либретто. За все это премного благодарю Васъ.—За симъ постараюсь дать Вамъ по пунктамъ кое-какія объясненія.

1) Когда кончите либретто и будете высылать его, то до 1-го сентября (и даже до 15 сентября) мой адресъ таковъ: П. П. С—ому, *въ г. Павловскъ, царскосельскаго уѣзда, домикъ Хованскаго, № 10, противъ вокзала.* Въ сентябрѣ опять перебираюсь въ Питеръ. Я очень буду жалѣть, если Яковлевъ, о коемъ Вы пишете, не найдетъ меня въ Питерѣ.—На счетъ либретто я уже терялъ всякія надежды и принялся за новое. Но Ваше письмо дало мнѣ кое-какія надежды увидѣть, наконецъ, давно жданное либретто. Жду съ нетерпѣніемъ.

2) *Бѣглые.* На счетъ бѣглыхъ, т. е. рецензіи о нихъ, не могу Вамъ сказать ничего опредѣленнаго. Какъ Вы знаете, Совр. и Рус. Слово закрыты на 7 мѣсяцевъ; остаются только Свѣточъ, Отеч. Зап. и Библ. для чтенія. Изъ нихъ я мало вхожъ въ редакціи: немного только съ старцемъ Андреемъ знакомъ,—но въ О. Зап. Дудышкинъ главное лицо. У нихъ всѣ отдѣлы, особенно критическіе, на откупу, такъ сказать. Все проводятъ какіе то взгляды, и все *свои* люди пишутъ.—Я полагаю, что слѣдуетъ наперетъ на С. П. Вѣдомости, которыя съ 1863 г. поступаютъ къ Коршу. Въ первыхъ №№ этой газеты въ 1863 г. появится литературное обозрѣніе за минувшій годъ. Писать его будетъ Анненковъ. Если Вы знакомы съ нимъ, то по пріѣздѣ Вашемъ въ Питеръ, можетъ быть Вы напомните ему и о «Бѣглыхъ». Если же мнѣ представится таковой случай напомнить, то Вы можете быть увѣрены, что я не пропущу его. Съ Коршемъ я познакомился недавно, и онъ имѣетъ даже меня въ виду для музыкальнаго отдѣла въ С. П. Вѣдомостяхъ въ 1863 г., о чемъ у насъ былъ краткій разговоръ. Въ августѣ Коршъ переселяется въ Питеръ, и вѣроятно я съ нимъ встрѣчусь.—Я Вамъ скажу прямо: что всей душею желаю Вамъ быть полезнымъ по журналистикѣ: но Вы знаете, она вся состоитъ изъ *дрязгъ.* Поэтому мое мнѣніе таково: надо обождать. Это потому необходимо, что самая *соль* рецензіи на вашихъ Бѣглыхъ можетъ быть основана только на

либеральныхъ, политическихъ и національныхъ основахъ. А теперь—реакція. Надо выждать время. Я думаю, что по пріѣздѣ Вашемъ въ Питеръ мы потолкуемъ объ этомъ основательно. Вы должны также знать, что *напередъ намъ надо обезпечить пріемъ* нашей рецензіи гдѣ-бы то ни было. Ибо если писать для того, чтобъ ее нигдѣ не приняли, то игра свѣчъ не стоитъ. Вашъ пріѣздъ будетъ еще тѣмъ хорошъ, что мы вмѣстѣ обсудимъ, на что болѣе напереть.—Странно, что въ *Основѣ* ничего не говорится о бѣглыхъ. Я замѣтилъ это когда то Бѣлозерскому. Да кто жъ напишетъ?—спросилъ онъ; у меня никого нѣтъ въ редакціи, знающаго этотъ край... Разговоръ замолкъ на томъ.—Но какъ Основа не платитъ за статьи (о чемъ самъ редакторъ жаловался скудостью средствъ), то я и не предложилъ своего содѣйствія.—Во всякомъ случаѣ, рецензію на Бѣглыхъ надо чѣмъ-нибудь *мотивировать*. Присяжный критикъ въ журналахъ, конечно, могъ бы между прочимъ сказать и о нихъ; но *не присяжный* не можетъ. Такими мотивами могутъ быть: обозрѣніе литературы за цѣлый годъ, выходъ вашего романа отдѣльной книжкой, какой нибудь особенный новый взглядъ, и т. п.—Итакъ, Вы видите, что я смотрю серьезно на это дѣло, и рецензію на «Бѣглыхъ» считаю необходимымъ сдѣлать не *слегка*, а основательно. Иначе, никакого интереса и эффекта не будетъ.—Теперь лѣто; все въ затишьѣ. Съ осени опять зашевелится все, и *тогда*, вѣроятно, на что нибудь рѣшимся. Я очень буду радъ, когда Вы пріѣдете. Фортепьянишка, о которомъ Вы вспоминаете, у меня ужъ нѣтъ: я купилъ себѣ порядочное роялино.—Недавно кончилъ комедію въ 5 дѣйств., сюжетомъ которой—наша мачеха и ея пансіонъ. Это въ нѣкоторомъ родѣ мщеніе за всѣ подлости ея семейныя. Думаю ее пустить осенью куда-нибудь; всего вѣроятнѣй—во Время.—Ѳ. Достоевскій уѣхалъ за границу лѣчиться. М. Достоевскій былъ у меня однажды на дачѣ, въ Павловскѣ. Кстати, Вы ничего не упоминаете, получили ли Вы письмо мое изъ Петербурга мѣсяца два или три тому назадъ. Вашимъ поѣздкамъ завидую. Когда будете слышать пѣсни, то примѣчайте кое-какія подробности (для меня): напр., какъ вступаетъ хоръ,—разомъ, или

постепенно? если поетъ запѣвало (solo), то то ли самое, что и хоръ потомъ, или свой собственный мотивъ? Не случается ли гармонія, или больше все одногласіе? Меня очень полюбилъ Костомаровъ. Все убѣждаетъ, на малороссійскомъ языкѣ либретто чтобы было, и предлагаетъ выхлопотать содѣйствіе Кулиша. Но я отказываюсь. Я составилъ между тѣмъ планъ оперы: *Богданъ Хмельницкій.* Когда кончу, прочту Костомарову, чтобы съ его благословенія и писать. Я его чрезвычайно люблю. А какъ онъ музыку любитъ! Вообразите, справлялся у меня объ «исторіи музыки» и «теоріи музыки», хочетъ почитать и познакомиться теоретически.—Въ моихъ дѣлахъ музыкальныхъ у меня большею частью неудачи. Недавно написалъ маршъ на «Тысячелѣтіе Россіи»,—исполнить негдѣ. Затѣялъ общество любителей музыки,—и уже дѣло пошло въ ходъ, но пожаръ 28 мая вмѣстѣ съ прочими бумагами М-ва Внутр. Дѣлъ спалилъ и мой проектъ и прошеніе. Надо возобновлять и опять всю процедуру съ начала проходить. Что касается до рекламъ въ Харьк. Губ. Вѣд., то они, конечно, для мѣстныхъ жителей имѣютъ свое значеніе; но я не совсѣмъ радъ, что туда попало извѣстіе объ оперѣ, которая еще Богъ знаетъ когда осуществится. Я до такой степени раздраженъ различными препятствіями въ музыкальныхъ дѣлахъ своихъ, что даже сталъ избѣгать всякихъ разговоровъ о нихъ; затѣй много, а ничто не удается. Да и вообще я все болѣе и болѣе перехожу къ мизантропству: кругомъ все такъ гадко, и въ литературѣ и въ искусствахъ (музыкѣ), что я всегда очень радъ, когда могу забыть всю эту мерзость въ своемъ тепломъ углу у рояля.

Мой нижайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

7.

Павловскъ. 2 августа. 1862 г.

Я только что получилъ Ваше письмо отъ 22 іюля, и обрадованный *истинною* радостью, сейчасъ же взялся за перо. *Сто*

тысячъ благодарностей Вамъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, за либретто! Я заранѣе надѣюсь изъ Вашего описанія, что будетъ хорошо и что я буду доволенъ. Что касается до либретто на украинскомъ языкѣ, то я надолго (если не навсегда) отказался отъ него, и не знаю, съ чего Вы взяли, будто я хочу *Богдана* на украинскомъ языкѣ писать. Напротивъ, и онъ будетъ на русскомъ. Нѣкоторыя сцены уже приведены въ стихъ; весь сценаріумъ (т. е. планъ сценъ) разбитъ. Даже на музыку положилъ татарскую пѣсню и финалъ, гдѣ Богданъ подымаетъ къ войнѣ козаковъ. Такъ какъ дѣло о либретто, въ ожиданіи близкаго его прибытія ко мнѣ, считаю оконченнымъ (Богданомъ я занялся на досугѣ, въ ожиданіи Майской почи), то я поговорю съ Вами о другомъ. Не отчаивайтесь, о Бѣглыхъ я не могъ Вамъ написать ничего утѣшительнаго потому, что въ журналистикѣ мой кругъ дѣйствій очень малъ пока, да можетъ и надолго. Онъ ограниченъ Од. В., Земледѣльч. газетою и Временемъ. Съ другими редакціями я не близокъ и притомъ два изъ нихъ: Совр. и Русс. Слово (закрытые нынѣ) по принципу не дали бы мѣста разбору Бѣглыхъ. Но это еще ничего не значитъ. Я считаю нравственнымъ долгомъ—непремѣнно замолвить въ Петерб. журналистикѣ доброе слово о Бѣглыхъ. И Вы можете быть увѣрены, что рано или поздно я это выполню. Меня это занимаетъ еще потому, что когда нибудь я соберусь съ силами и поговорю о холопствѣ въ нашей литературѣ. Это холопство причиною того, что такъ мало цѣнили и говорили о Меѣ, Полонскомъ и теперь о Васъ. Вы никому не ходили на поклонъ, не лизали подножія алтарей нашихъ гнусныхъ критиковъ и редакцій—и на Васъ гоненіе. И повѣрьте, пока честный голосъ не раздастся въ критикѣ, до тѣхъ поръ кумовство будетъ главной мѣркой таланта автора. Напр. о Козьмѣ Мининѣ Островскаго всюду болтали, а о Мея «Псковитянкѣ» почти нигдѣ. Но при семъ замѣчу Вамъ, что, вдаваясь все болѣе и болѣе въ музыку, я слабѣю въ литературѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы Вы приняли къ сердцу такую мысль: когда Вы пріѣдете въ Питеръ, то общими силами можно написать или обдумать громоносную статью о холопствѣ въ ли-

тературѣ: тогда можно будетъ выставить Вашихъ «Бѣглыхъ» въ яркомъ свѣтѣ. Напр. о Добролюбовѣ кричали много, а потому, что былъ кумъ у него въ редакціи, Островскаго вывезъ Мартыновъ, тотъ же кумъ въ своемъ родѣ. Меня никто не вывозилъ, Васъ никто. Соврем. и Русск. Слово запрещены не за какую либо статью, а вообще за направленіе соціалистическое и коммунистическое. Изъ статей послѣдняго времени, впрочемъ, обратили на себя вниманіе начальства въ Рус. Сл.—стихи В. Крестовскаго съ какимъ то царемъ іудейскимъ (я уже забылъ ихъ заглавіе) а въ Соврем. статья Гербышевскаго: «Научились ли?». Связи между пожарами и литературой не открыто никакой да и нѣтъ. Въ распространеніи воззваній также дѣйствуютъ отдѣльныя лица, безъ всякаго общенія между собою, изъ общества. До такихъ результатовъ, говорятъ, достигли всѣ розыски по сіе время, болѣе ничего не извѣстно въ оффиціальномъ мірѣ. Теперь очень разъярились на эти воззванія: множество арестовъ и въ Питерѣ и въ Москвѣ сдѣлано. Въ Питерѣ арестованы между прочимъ, какъ Вамъ вѣроятно уже извѣстно, Чернышевскій и Серно-Соловьевичъ. Первый за то, что состоялъ, какъ говорятъ, въ переппскѣ съ Герценомъ. Новостей въ Питерѣ много, но большая часть ихъ неутѣшительна или неудобна въ писаніи. Реакція—замѣтная въ правительствѣ. Костомаровъ недавно написалъ статью о пожарахъ, гдѣ доказывалъ, что пожаръ на Руси никогда не имѣлъ политическаго значенія. Статью сію запретила цензура. За лѣто я не видался почти ни съ кѣмъ изъ литературныхъ щелкоперовъ и потому новостей кружковъ никакихъ не имѣю для передачи Вамъ. Прошу передать мой нижайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ, Въ ожиданіи увидѣться съ Вами въ Питерѣ остаюсь преданный Вамъ П. Сокальскій. Съ 1-го сентября мой адресъ: Его Высокородію Сергѣю Павловичу Щепкину въ С.-Пб. въ Спасскомъ переулкѣ (возлѣ Сѣнной), домъ Буха. Съ передачею П. П. Сокальскому.

8.

Виноватъ предъ Вами, добрѣйшій Григорій Петровичъ, что до сихъ поръ не написалъ Вамъ ни строчки въ отвѣтъ на по-

слѣднія два письма Ваши, за которыя очень благодарю Васъ. Вы знаете, что такое жизнь въ Питерѣ, что такое постоянная работа срочная, среди вихря разныхъ необходимыхъ встрѣчъ и посѣщеній. И теперь я вырвался отъ спѣшной работы только на пару словъ, надѣясь лично, при встрѣчѣ съ Вами, послушать Васъ и поговорить поподробнѣе. Во 1-хъ, адресъ мой таковъ: П. П. Сок. близъ Вознесенскаго моста, домъ № 80, Струкъ, кв. 13. С.-Пб. Это адресъ для почты. Дальнѣйшія подробности его: по Екатериненскому каналу, между Вознесенскимъ переулкомъ и Подьяческой, входъ съ канавы по парадной лѣстницѣ на самый верхъ. Это—на случай, когда Вы пріѣдете въ Питеръ и захотите меня навѣстить. Вамъ кланяется М. М. Достоевскій и проситъ черезъ меня извинить его въ томъ, что доселѣ не отвѣчалъ Вамъ; говоритъ, корректуры и цензура заѣдаютъ его. Онъ ждетъ Вашего «Сельскій агитаторъ» и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Если можно, то даже въ нынѣшній годъ желалъ бы имѣть его. Мой искренній поклонъ» супругѣ Вашей Юліи Григорьевнѣ и желаніе здравствовать сто лѣтъ отъ нынѣшняго числа. Такое же желаніе и Вамъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ. Въ литературѣ реакція и тишина. *Либреттомъ весьма доволенъ и благодарю воченно за него.* Передѣлки, однако же, потребуются кое-гдѣ. Понемногу пишу музыку къ нему.

Въ ожиданіи встрѣчи остаюсь весь Вашъ П. Сокальскій.

9.

С.-Пб. 25 окт. 1862.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Ваше послѣднее письмо надѣлало много шуму въ моемъ дворцѣ (сирѣчь—головѣ). Я былъ очень, очень радъ за Васъ и бранилъ себя, потому что точно я виноватъ предъ Вами; я Васъ понялъ—и Вы правы. Это главное дѣло. Остальное зависитъ не отъ насъ, а отчасти и отъ насъ. Во всякомъ случаѣ всякія объясненія и пренія я отлагаю до пріѣзда и личнаго свиданія съ

Вами. А теперь позвольте позабавиться немного. Мнѣ кажется, что при нашемъ расположеніи другъ къ другу мы можемъ позволить себѣ иногда вольность, даже медвѣжьи шутки (до извѣстныхъ границъ) надъ собою. Я, напримѣръ, все какъ будто считаю своимъ правомъ иногда задрать Васъ или сказать Вамъ жесткое, рѣзкое слово, что ли,—и все потому, что мнѣ кажется, что я люблю Васъ. Вы не давали мнѣ этого права; но признакъ, что я незамѣтно присвоилъ его себѣ, не можетъ обмануть меня насчетъ Вашихъ отношеній. Я помню и знаю, что тѣхъ, кого я больше любилъ, съ тѣми то я болѣе всего и ссорился и говорилъ имъ много жесткаго, полагая, что любовь уполномочиваетъ на все. Да это и понятно: все хочется, чтобъ любимое существо было еще лучше, и хочется его исправить. Идеаловъ ищется. Вы видите, куда повернуло: мы, конечно, не влюблены другъ въ друга, но, вѣроятно, цѣнимъ обоюдно наши лучшія стороны и симпатизируемъ общимъ вещамъ въ искусствѣ. Сталкиваясь съ разными личностями и слыша иногда отзывы, между прочимъ, и о Васъ и про Бѣглыхъ, я всегда радовался за успѣхъ послѣднихъ въ публикѣ. Успѣхъ, точно большой. Но холопство читающей публики до такой степени сильно, далай-ламство «присяжныхъ» до того налегло на нее, что боятся даже прямо сказать, что зачитывались Вашихъ Бѣглыхъ. А это видишь между строкъ изъ похвалъ, высказываемыхъ съ какой-то робостью. Даже литературные враги ваши, какъ напр. Аѳанас. Чужбинскій, на мой вопросъ: «какъ понравились ему «Бѣглые»— замѣтилъ съ важностью, гмъ да! читаются съ интересомъ! Словомъ, Вы зажали ротъ Вашимъ критикамъ и они не знаютъ теперь, какъ начать, съ какого тона. Все это такъ. Но меня всегда раздражали непочтительные отзывы и шутки надъ Вами нѣкоторыхъ «сапожниковъ слова». Вездѣ, гдѣ случалось мнѣ слышать что либо подобное, всегда горой стоялъ за Васъ. Къ несчастію, иногда шутки попадали отчасти въ цѣль, и Вы точно невольно сами подавали къ нимъ поводъ. Это раждало и раждаетъ во мнѣ желаніе снабжать иногда Васъ тѣмъ невыносимымъ хламомъ, который въ просторѣчіи и въ дружбѣ прозывается «совѣтомъ». Мерзѣйшая это вещь, а искушеніе велико. Во первыхъ, плюньте на

Питеръ, пока онъ самъ не подастъ Вамъ руки. Въ немъ теперь въ литературѣ происходитъ реакція, а пока все выяснится, плюньте на него. Критика, преслѣдовавшая Васъ, теперь въ загонѣ, по крѣпостямъ, въ опалѣ. Браниться съ нею теперь не у мѣста, ибо она не можетъ отвѣчать. Если прежде она давала тонъ критикѣ, то теперь никто его на дастъ. Когда же критика снова заговоритъ, то это уже будетъ не тотъ тонъ. За періодъ реакціи выросла и публика и критика. Итакъ, понимаю вполнѣ Ваше страстное желаніе видѣть оцѣнку Вашего добросовѣстнаго, отличнаго труда,—понимая, насколько Вы оскорблены (повѣрьте, что я понимаю это вполнѣ и сочувствую Вамъ) равнодушіемъ критики, признавая вполнѣ, что Вы правы, правы, правы, я все таки посовѣтую Вамъ терпѣніе. А между тѣмъ, съ своей стороны, я рѣшился написать, quand même, рецензію на Вашихъ «Бѣглыхъ». Но не теперь, а къ 1863 г. т. е. въ концѣ 62 г. Досуга положительно нѣтъ. Но я пошелъ въ сторону... Дѣло въ томъ: съ чего это Вы такъ наэлектризовались?.. Начиная съ того, что Вы въ каждомъ письмѣ прибавляете—«пишите съ первой же (?!)» почтой и проч., точно мы влюбленные или новобрачные, которыхъ разлучили сейчасъ же послѣ перваго акта отождествленія, точно въ самомъ дѣлѣ у насъ съ Вами дѣла, не терпящія отлагательства (affaires argentes). Далѣе, я вижу точно, что Вы досужій человѣкъ и чрезвычайно этому радъ, потому что это даетъ Вамъ возможность мило писать (и пишите таки), а мнѣ читать хоть изрѣдка Ваши живыя письма. За все, за все благодарю, за то, и то, и проч. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что я досужій человѣкъ. У меня $^3/_4$ времени уходитъ на пріобрѣтеніе средствъ къ «сей бренной жизни», а $^1/_4$ на музыку. Итакъ, не вините и не приравнивайте къ мерзлымъ панычамъ Невскаго. Знайте, что я всегда радъ, когда получаю отъ Васъ письмо, и сейчасъ же отвѣчаю на него въ душѣ; а на бумагѣ—откладываю. Изъ прежнихъ порученій Вашихъ я нѣкоторыя не исполнилъ. Напр., хотя Вы и предписали мнѣ сдѣлать копію съ либретта и выслать немедленно какъ оригиналъ, такъ и копію обратно къ владѣльцу оныхъ, но я отложилъ это, потому что въ томъ же письмѣ, въ

которомъ получено было предписаніе, сказано было также, что Вы уѣзжаете скоро, стало быть адресъ Вашъ перемѣнится, чтобъ еще не пропали такія драгоцѣнности; это primo, а secundo: къ чему это? оригиналъ я сохранилъ и передамъ Вамъ при свиданіи съ великою благодарностью. Изъ за чего такая спѣшность, суета, срочность? Передѣлки кое-гдѣ потребуются. Кое-что я уже написалъ на Ваше либретто. Если же первое (т. е. предпослѣднее) письмо мое было слишкомъ кратко, то потому, что я имѣлъ въ виду лишь сообщить Вамъ *во время* свой адресъ. Остальное все было—только... Но не скрою, что вслѣдствіе работъ, я получилъ полную отвычку писать письма: только дѣловыя вызываютъ меня теперь изъ этой отвычки и тѣ, слава Богу, рѣдки. Великъ Аллахъ и его пророкъ! Мой нижайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

10.

Одесса 26 ноября 1863 г.

Письмо Ваше, отъ 15 ноября, почтеннѣйшій Григорій Петровичъ, я получилъ, благодарю Васъ за оное и спѣшу отвѣтить на кое-какіе вопросы. Во первыхъ, присланная Вами «исторія» оказывается неудобною для напечатанія въ газетѣ вообще и въ Од. В.—въ частностяхъ. Отрывочность этой «исторіи» и изолированность ея въ средѣ матеріаловъ Од. В. сдѣлали бы изъ нея странное *непереваренное* явленіе. Но она имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства. И съ полнымъ правомъ должна занять мѣсто въ какомъ-нибудь археологическомъ или народно-этнографическомъ сборникѣ. Вы это сами, конечно, понимаете, и остается только жалѣть, если ужъ Вы себя считаете въ долгу предъ Од. В., что Вы не выбрали чего-нибудь болѣе живого и менѣе «архивнаго». Хоть бы нѣсколько словечекъ отписали, что дѣлается въ вашемъ околоткѣ или въ Харьковѣ, или нѣтъ ли сплетень какихъ, которыя всегда инстиктивно прилипаютъ къ Вамъ, какъ кь своему естественному меценату. Я говорю это, имѣя въ виду Вашъ во-

ображаемый долгъ и Ваше непонятное для меня стремленіе исполнить какую то формальность. Вѣдь послѣ этого я готовъ подозрѣвать въ Васъ скрывающагося чиновника: по моему откровенному мнѣнію, дѣлать—такъ дѣлать какъ слѣдуетъ, или вовсе ничего не дѣлать. Вотъ Вамъ мой дружескій выговоръ. Secundo. На Вашу поэтическую тираду о херсонскомъ піонерѣ я думаю сдѣлать маленьку замѣтку въ Од. В., которую Вы, вѣроятно, встрѣтите въ скоромъ времени, если почитываете наше посильное изданіе. Вѣра—отличная вещь и благо тому, кто вѣруетъ. Но я, признаюсь, въ этомъ отношеніи скептикъ, вѣрую только въ неминуемый кризисъ въ будущемъ. Послѣ него дѣло пойдетъ на ладъ. А такъ какъ дѣла идутъ теперь, въ своемъ видѣ,—то мы прійдемъ только къ экономичекому нигилизму. Многое крутится у меня въ головѣ по поводу разныхъ разностей, а пуще всего по поводу нашей Украины. Но въ письмѣ этого не передать. Я благословляю свою судьбу, что бросилъ во время Питеръ. Тамъ бы я околѣлъ скоро, какъ мнѣ объяснилъ доктариссимусъ. Я не выходилъ, по пріѣздѣ въ Одессу, почти цѣлый мѣсяцъ; оказался застуженный кашель, пріобрѣтенный по Каменнымъ, Васильевскимъ островамъ, разнымъ проспектамъ и Мѣщанскимъ. Сей кашель оказалъ свое раздражающее вліяніе на сердце и оно участило свое біеніе. Теперь я ужъ поправился, а весною надѣюсь, съ помощью купаній, войти совершенно въ норму. Я очень радъ, что Вы не ѣдете этой зимою въ Питеръ. Пріѣзжайте лучше въ будущую зиму, тогда мы вновь встрѣтимся. Я разсчитываю пріѣхать въ Питеръ въ началѣ 1865 г. и пробыть тамъ до мая, что ли, для постановки оперы. Въ этомъ году я не успѣлъ бы ее вполнѣ окончить и потому, ради здоровья, я убѣжалъ изъ Питера, ибо серьезно начиналъ тамъ хворать. Что за чудный воздухъ на Украинѣ! Проѣзжая теперь бѣлорусскимъ трактомъ на Черниговъ и Кіевъ, я упивался просто видомъ и родного неба, и родного народа, и родного языка и благодатнаго воздуха... Пребываніе мое въ Одессѣ имѣетъ еще тотъ интересъ, что я имѣю пять лѣтъ обезпеченнаго существованія, ибо на пять лѣтъ съ 1864 г. переданъ Од. В. въ управленіе брата, который пригласилъ меня

раздѣлить съ нимъ труды и выгоды по редакціи. Очень радъ, также, что «Время» возобновляется и что оно проситъ у Васъ романа или эпопеи. Пишите и отдавайте на вѣсъ золота. Но только я заранѣе предсказываю теперь «Времени» другія неудачи, оно не удержится, ибо братъ Өеодоръ, кажется, очень ужъ хвораетъ, а Михаилъ—на что онъ годенъ? Григорьева теперь у нихъ нѣтъ, онъ—на якорѣ. Страховъ слишкомъ наивный и благонравный публицистъ, а затѣмъ кто же у нихъ останется въ редакціонномъ мѣшкѣ?.. Вѣдь съ польскимъ вопросомъ Россія въ 5-ть мѣсяцевъ выросла гигантомъ; теперь уже..... на тему «почва» будетъ пе эффектной, когда не поймутъ, куда именно претъ человѣкъ. А чтобы дѣльно поговорить о почвѣ, надо много учености, таланта и знанія Россіи. Вѣдь почва—народъ. Ну, а куда вы дѣнете имперію? А если почва—народъ, то кто такое Москва, кто Бѣлоруссія, кто Латыши, чего они хотятъ и какъ нужно съ ними обойтись? И что такое имперія? Чего она хочетъ? Мишенькѣ ли съ такими вопросами возиться! ему бы только сигары пробовать, да защищать разницу между Бафра и Мариландъ. Словомъ, въ будущность «Времени», я болѣе не вѣрую. За то я болѣе чѣмъ когда-нибудь сталъ вѣровать въ будущность Украины: сознаніе своего *я* видимо пробудилось повсюду, и я убѣдился въ этомъ во время своего переѣзда по Украйнѣ. Спѣшить нечего, жертвъ теперь не надо еще, надобно только обращать въ новую вѣру язычниковъ, дремлющихъ въ невѣдѣніи, умножать прозелитовъ. Такъ порѣшили мы и на послѣдней сходкѣ въ Питерѣ, гдѣ Костомаровъ устроилъ, по случаю отъѣзда моего, прелестную вечеринку у Артемовскаго.—Опера Юдиѳь Сѣрова—вещь толковая, но нѣмецкая. За то какъ онъ заважничалъ послѣ нея. Елена Павловна подарила ему 1.000 р. за оперу, въ качествѣ мецената; онъ ужъ на Лжедмитрія хочетъ писать оперу. Передайте мой поклонъ брату и Юліи Григорьевнѣ. Занятій у насъ теперь тьма по случаю кризисныхъ мѣсяцевъ въ подпискѣ: декабрь, генварь и февраль утѣшаютъ судьбу издателей. Весь Вашъ П. Сокальскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тимоѳей Бордулякъ. [1]

Сынъ крестьянина, Тимоѳей Бордулякъ, извѣстный въ украинской литературѣ подъ псевдонимами Т. Бондарышынъ и Т. Ветлына, родился 2 февраля 1863 года въ селѣ Бордулякахъ, Бродскаго уѣзда. въ Галиціи. Село Бордуляки расположено надъ рѣкою Стыромъ, среди зеленыхъ луговъ и дремучихъ сосновыхъ лѣсовъ. Здѣсь-то, среди красотъ сельской природы, подъ родительской кровлей и протекло дѣтство писателя. Начальное образованіе Бордулякъ получилъ въ народной школѣ мѣстечка Станиславчика. Отъ села Бордуляковъ оно расположено въ разстояніи трехъ четвертей мили, и маленькій Бордулякъ раннимъ утромъ отправлялся такъ далеко въ школу, а домой возвращался уже довольно поздно ночью. Среднее образованіе онъ получилъ въ украинской львовской гимназіи. Отецъ Бордуляка не настолько былъ богатъ, чтобы онъ могъ дать своему сыну всѣ средства, нужныя для жизни въ городѣ, вдали отъ родного села, и потому, во Львовѣ, Бордулякъ, какъ и большая часть крестьянскихъ дѣтей, жилъ въ бѣдности и самъ долженъ былъ для себя добывать средства къ жизни, занимаясь уроками. Несмотря на это, въ гимназіи онъ учился хорошо: основательно изучилъ нѣмецкій и французскій языки, прочелъ много разныхъ книгъ, особенно любилъ читать

---

[1]) Источн.—«Осип Маковей. Тимотей Бордуляк (Т. Ветлина)». Л.-Н. Вістник, 1898 р. т. III (кн. VIII—IX).

Шевченка, Федьковича, Гейне, Ленау и Гельти... Изъ гимназическихъ учителей большое вліяніе на Бордуляка имѣлъ покойный профессоръ Дамянъ Гладиловичъ, памяти котораго авторъ посвятилъ впослѣдствіи свой сборникъ разсказовъ: «Ближні».

После окончанія гимназіи Бордулякъ хотѣлъ было поступить на философскій факультетъ Львовскаго университета, но отсутствіе всякихъ средствъ къ жизни заставило его поступить въ духовную семинарію, богословскій факультетъ университета. Четыре года университетской жизни Бордулякъ употребилъ не только на изученіе богословія, но и на общее свое образованіе. Въ это время онъ изучалъ языки и литературы: русскую, польскую и французскую, читалъ солидныя изслѣдованія по эстетикѣ и критикѣ; два года слушалъ лекціи украинскаго языка и литературы извѣстнаго профессора Омеляна Огоновскаго; кромѣ этого изучилъ еще итальянскій языкъ. Вообще, будучи въ университетѣ, Бордулякъ серьезно поработалъ надъ своимъ литературнымъ развитіемъ... Послѣ посвященія во священники въ 1889 году Бордулякъ былъ «сотрудныкомъ» (викаріемъ) сначала въ с. Утиховичахъ Перемышльскаго уѣзда, потомъ, съ весны 1890 г., въ с. Голгичъ Подгаецкаго уѣзда. Весною 1893 г. онъ былъ назначенъ «самостійнымъ парохомъ» въ с. Городыщу, Тернопольскаго уѣзда, гдѣ пребываетъ и до настоящаго времени.

Писать Бордулякъ началъ еще будучи въ гимназіи, за что товарищи считали его «великимъ» поэтомъ, хотя онъ тщательно скрывалъ отъ нихъ свои литературные опыты. Въ гимназіи имъ было написано множество стихотвореній и одна большая поэма изъ исторіи Украины подъ заглавіемъ: «Свята могила». Изъ всѣхъ этихъ опытовъ лишь переводъ изъ Гейне «Русалка» былъ напечатанъ («Зоря», 1887 р. ст. 60); остальное, какъ очень слабое, не могло появиться въ печати и это такъ повліяло на автора, что онъ изорвалъ всѣ свои гимназическія стихотворенія. Въ бытность свою въ университетѣ Бордулякъ ничего не писалъ: онъ хорошо видѣлъ, что съ тѣмъ запасомъ знаній, какимъ онъ тогда обладалъ, нельзя выступать на литературное поприще, и поэтому все свое свободное отъ занятій время посвящалъ литературному

образованію, откладывая свою литературную работу на то время, когда онъ отправится въ село, гдѣ онъ, какъ ему казалось, будетъ имѣть много свободнаго времени. Но предположенія его не оправдались. Будучи, «сотрудныкомъ» въ с. Утиховичахъ, Бордулякъ имѣлъ такъ много служебныхъ обязанностей—три села, три церкви, множество прихожанъ были на его попеченіи,—что писать было некогда; въ это время онъ перевелъ одинъ только разсказъ Тургенева: «Часы» («Годинник»). Хотя въ с. Голгичъ онъ и имѣлъ уже больше свободнаго времени, но за перо не брался, и только послѣ убѣжденій профессора Гладиловича, онъ прислалъ въ журналъ «Зоря» одно стихотвореніе, а въ газету «Діло» два небольшихъ разсказа: «Дай Боже здоровля корові!» и «Мати». Оба эти разсказа были напечатаны въ фельетонахъ «Діла» за 1891 годъ. Послѣ этого Бордулякъ почти ежегодно помѣщаетъ тамъ-же по нѣсколько своихъ бóльшихъ или меньшихъ разсказовъ. Въ 1899 году разсказы его вышли во Львовѣ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Ближні» [1])

Къ сожалѣнію, послѣ изданія «Ближніх» Бордулякъ почти ничего не печатаетъ: обстоятельства жизни автора въ селѣ не благопріятствуютъ его литературной дѣятельности, какъ онъ самъ

---

[1]) «Ближні» Бордуляка составили собою LXII томъ «Бібліотеки найзнаменитших повістей», издаваемой во Львовѣ подъ редакціей Ивана Белея. Въ этотъ сборникъ вошли слѣдующіе разсказы автора: «Дай, Боже, здоровля корові»! «Мати», «Сабета Себі», «Дід Макар», «Рішучий крок», «Самітна нивка», «Дядько Федюсь», «Ось, куди ми підемо, небого»... «Бузьки», «Галилеівський війт», «Дяк Гриць», «Діти», «Для хорого Федя», «Перший раз», «Жебрачка», «Нічний привид», «Право патронату», «Михалкові радощі», «Бідний жидок Ратиця», «Гаврило Чорній», «Іван Бразиліець»—Изъ нихъ первый разъ были напечатаны въ календаряхъ «Просьвіти»: «Рішучий крок» (на 1895 р.) и «Самітна нивка» (на 1896 р.), а остальные разсказы—въ фельетонахъ «Діла»(1891—1899 р.р.). Кромѣ разсказовъ, составившихъ собой сборникъ «Ближні», Бордулякомъ были написаны еще: «Страшний сон» и «О зозулю»; оба эти разсказы были напечатаны въ библіотекѣ «Батьківщини» 1893 р., ч. II.

писалъ въ 1898 г. Осыпу Маковею: «Я не літерат з професиі, бо маю инші обовязки; я пишу лише прихапцем, щоб так сказати, для рекреаціи, для заспокоеня вродженоі, чи може тільки виробленоі потреби. Ви не думайте собі, що священик на селі спочивае на рожах та розпоряджае часом до вподоби. Праці багато. Ось я маю дві церкви, дві школи, котрих пильную, як ока в голові, есьм кожноі хвилі до розпорядимости парохіян, навіть в ночи,—ну, а про щоденні господарські клопоти хиба вам і не буду згадувати, бо може-б ви і не хотіли повірити, як мало чоловік, наш брат на селі, мае спокою і вільного часу»... [1])

Оригинальныхъ своихъ стихотвореній Бордулякъ напечаталъ немного и самъ онъ не придаетъ имъ большого значенія; за то разсказы его имѣютъ большую литературную цѣнность. Уже первый его разсказъ: «Дай, Боже, здоровля корові!» сразу обратилъ на себя вниманіе читателей и своимъ содержаніемъ, и художественностью изложенія, обнаруживая у автора настоящій талантъ; появившееся потомъ свидѣтельствовало о дальнѣйшемъ развитіи писателя.

Крестьянинъ по своему происхожденію и постоянный житель деревни, Бордулякъ всесторонне изучилъ жизнь галицкаго села, знаетъ его радости и горе,—естественно поэтому, что и любимыми героями его разсказовъ являются крестьяне и крестьянки на фонѣ сельской природы. Жизни интеллигенціи онъ касается лишь въ видѣ исключенія.

Однимъ изъ такихъ исключеній является небольшой разсказъ «Жебрачка». На художественной выставкѣ господинъ съ двумя дамами любуется изображеніемъ нищей: оно такъ вѣрно дѣйствительности, въ немъ столько жизни, что у зрителей является жалость къ нищей, желаніе помочь ей: «Ах!—закликала панночка.—Чоловік хвилями забувае, що се полотно, и ось-ось готов сягнути до калитки, щоби втиснути в руку милостиню»... (162). Но когда они встрѣчаютъ дорогой нищую, послужившую

---

[1]) Осип Маковей. Т. Бордуляк (Т. Ветлина). Л.-Н. Вістник, 1898, т. III, 82.

художнику моделью для картины,—этотъ живой страдающій человѣкъ не можетъ у нихъ вызвать никакого состраданія къ себѣ.

Только два коротенькихъ разсказа: «Нічний привид» и «Право патронату» посвящено нашимъ авторомъ жизни сельской интеллигенціи,—въ обоихъ онъ касается неблагопріятнаго положенія галицкаго сельскаго священника. Въ другихъ разсказахъ Бордуляка если и выводится священникъ или учитель, то лишь какъ наблюдатели народной жизни, а не какъ главныя дѣйствующія лица. За то сельская жизнь представлена авторомъ въ остальныхъ его разсказахъ съ полнотою и обстоятельностью, съ очень небольшою дозою идеализаціи. Лучшими изъ этихъ разсказовъ можно считать слѣдующіе: «Дай, Боже, здоровля корові!», «Мати», «Дід Макар», «Самітна нивка», «Дядько Федюсь», «Бузьки», «Діти», «Для хорого Федя», «Перший раз», «Михалкові радощі», «Бідний жидок Ратиця», «Гаврило Чорній» и «Іван Бразилієць».

Содержаніемъ всѣхъ разсказовъ Бордуляка изъ сельской жизни служитъ изображеніе тяжелой экономической нужды галицкаго села и указаніе факторовъ, служащихъ причиною развитія этой нужды. Малоземелье, отсутствіе побочныхъ заработковъ, эксплоатація народа евреями, главными работодателями,—все это способствуетъ тому, что лишь съ огромнымъ трудомъ и къ тому же только болѣе счастливыя семьи способны противостоять всѣмъ этимъ невзгодамъ и пополамъ съ бѣдой перебиваются изъ года въ годъ, не видя лучшаго будущаго. Но какъ непрочно существованіе и этихъ семействъ, авторъ показываетъ въ разсказахъ: «Мати» и «Дід Макар». Умираетъ глава семьи, единственный ея кормилецъ, или сына, главную поддержку семьи, берутъ въ солдаты, и все хозяйство этой, оставшейся безъ всякой опоры семьи разстраивается и жизнь остальныхъ членовъ ея нерѣдко доходитъ до трагическаго конца. Такой, именно, конецъ постигъ, «стару Кліщиху» («Мати») послѣ того, какъ забрали въ солдаты ея любимаго младшаго сына Якова. Ни отъ кого не получая помощи, даже отъ своего старшаго сына, живущаго въ одномъ домѣ съ матерью, и не будучи въ силахъ на старости лѣтъ тяжелымъ тру-

домъ добывать себѣ все нужное для жизни, она умираетъ въ страшной бѣдности.

Такъ же трагически чуть было не окончилась и жизнь семьи вдовы Катерыны Грущыхы («Дід Макар»), оставшейся послѣ внезапной смерти своего мужа Семена съ пятью маленькими дѣтьми почти безъ всякихъ средствъ. И здѣсь уже нужда дошла до крайности: «осталось було трохи припасів хліба, муки, пшона, картофель,—все се поволи минулось, бо діти живі, хочуть їсти. Все вийшло, остався лише голий борщъ, а до борщу хліба ни шматочка» (51). Наконецъ, приходитъ помощь. Но откуда? Это нищій, живущій подаяніемъ «дід Макар», выпрошенными у людей кусками хлѣба спасаетъ семью отъ голодной смерти...

Такова, по изображенію Бордуляка, бѣдственная жизнь крестьянской семьи, которая вдругъ почему либо лишается своего единственнаго кормильца; но и въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ они есть, жизнь не многимъ лучше, такъ какъ существуетъ много причинъ, дѣлающихъ жизнь крестьянъ въ Галиціи почти невозможной. Одною изъ такихъ главныхъ причинъ нашъ авторъ считаетъ большія государственныя подати, которыя въ Галиціи тяжелымъ бременемъ ложатся главнымъ образомъ на крестьянъ, отнимая у нихъ иногда весь заработокъ, нужный имъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Въ разсказѣ «Для хорого Федя» представлена имъ жизнь семьи Марка Бураго, несчастнаго бѣднаго крестьянина, у котораго боленъ сынъ Федя, а онъ не имѣетъ даже чѣмъ протопить въ избѣ, чтобы согрѣть больного. Правда, тяжелымъ трудомъ Марко заработалъ немного денегъ и на нихъ надѣется купить себѣ дровъ; но какъ разъ подоспѣла пора платить подати, и его вмѣстѣ съ другими такими же бѣдняками зовутъ «до громадськоі канцеляріи платить податок». Дорогой Марко Бурый утѣшаетъ себя надеждой, что. «може ще випроситься, може йому ще почекають до другого разу та не будуть грабити» (139), но лишь только онъ вошелъ въ канцелярію, какъ надежды его разлетѣлись прахомъ: здѣсь онъ услыхалъ, какъ «здекуцник» закричалъ на одного крестьянина, который «просився і плакав, що не має чим заплатити податок, бо мусить купити дітям хліба»:—

«Податок перший, як твоя губа, мудю еден! давай гроші»! (139). Послѣ этихъ словъ у Марка пропадаетъ всякая охота просить отсрочки съ уплатой податей, потому что, думаетъ онъ, «коли податок перший від губи, то певно, що податок перший також від дров, від голих плечей, від босих ніг, від хорої дитини, від його Федя»... (139)—и онъ отдаетъ всѣ свои деньги «здекуцнику», а самъ остается безъ дровъ. Дома онъ рубитъ на дрова большую, еще совершенно здоровую грушу,—свою «корову», какъ онъ ее называлъ: вѣдь она приносила ему не только небольшой доходъ нѣсколькими проданными гарнцами овощей, а еще давала полуголодной семьѣ и пищу, и единственное ея лакомство. Но она должна теперь сгорѣть, чтобы спасти семью отъ холода, спасти отъ смерти больного ребенка...

Здѣсь, хотя семья и осталась безъ всякихъ средствъ, ей удалось избѣжать «здекуціи», ее не грабили. Но въ селѣ всегда много бываетъ такихъ бѣдняковъ, которымъ, нечѣмъ уплатить подати: такихъ «недбалыхъ» «війтъ зи здекуцныкомъ и зъ прысяжнымъ» ходятъ «по хатахъ грабыты». Какъ происходитъ эта «здекуція»—«грабежъ», изображено нашимъ авторомъ въ разсказѣ: «Михалкові радощі». Во время этой «роботи» забирается все, имѣющее какую нибудь цѣнность, даже предметы первой необходимости: у больного «пропасныцею» Мыколы «війтъ» хотѣлъ было взять единственный «кожухъ, котрымъ бувъ Мыкола накрытый», такъ какъ больше нечего было взять; только доброта «прысяжного Мыхалка», который закладываетъ за Мыколу «свій батькивськый, сыній жупанъ», спасаетъ его отъ «грабежа». Исполненіе «здекуціи» вызываетъ у крестьянъ столько возмущеннаго чувства, всевозможныхъ «благань, насмишокъ, проклёнивъ», что доброму «прысяжному Мыхалкови» вечеромъ, уже по окончаніи этой «роботы» «все в упором лізла до голови тая його нинішня робота... Ось він тягне старій вдові Химі Пукасисі брудну верету з постелі... Пукасиха не дає, а він тягне... вкінці Пукасиха пускає з рук верету та ще й клене... «Бери—каже вона—бодай ви нею вдавилися, дериверетники нечестиві!» А ось, у Гренджолів, халупників у хаті голо, як в турецькій церкві, в куті стоїть порохнява скриня...

«Заглянь—каже війт—що там є в скрині?»—Він підніс віко, перехеливсь до скрині, а там повно різного лахмітя... «Шукай»!—каже війт—і він став нишпорити та на самім дні знайшов кавалок полотна. «Ось полотно»!..—«Бери»!—каже війт.—Він за полотно, а Гренджолиха в крик: «Не руш!—каже—то чоловікові на штани»!—«Бери»!—каже війт.—Михалко бере... «А бодай ви собі на смерть сорочки з того полотна пошили»!—клене Гренджолиха».. (207). Мы привели эту нѣсколько длинную выписку, чтобы словами автора показать, какія чувства вызываетъ «здекуція» даже у исполнителей ея... Нѣтъ ничего удивительнаго, что мучимый такими тяжелыми воспоминаніями Мыхалко отказывается отъ «гонору и славы» быть «прысяжнымъ», говоря: «Ні, не хочу я бути присяжним, ані поліцаєм! Ось що! Нехай хто другий дивиться з так близька на людську біду, а я не маю до того серця... нехай хто другий стягає на себе людські проклёни, а я не хочу!»... (208).

Въ связи со всѣмъ этимъ убожествомъ и нуждой галицкаго села авторъ выводитъ новое народное бѣдствіе: эксплуатацію темнаго, прибитаго нуждой и горемъ народа евреями и пьянствующими сельскими властями—«війтомъ и радою громадськоюю». Особенно даютъ себя знать темному селу евреи, которые, захвативъ въ свои руки всю торговлю, всѣ фабрики, заводы, лѣса и минеральныя богатства, имѣютъ въ своихъ рукахъ всѣ нужныя средства для эксплуатаціи народа; они помимо того, что назначаютъ слишкомъ низкую, «занадто нужденну» плату своимъ работникамъ, и ту еще не хотятъ имъ выплачивать деньгами, а заставляютъ забирать у нихъ въ лавкахъ негодные къ употребленію продукты по очень высокой цѣнѣ и спаиваютъ народъ водкой. Народъ самъ чувствуетъ этотъ гнетъ, сознаетъ всю тяжесть его, но не имѣетъ силъ, чтобы освободиться отъ него. Нужно много силы воли, нужно очень любить свою семью, нужно быть просто героемъ, чтобы твердо «стояти о жидівську ласку, щоби песій жидовин не пхав чоловікові замісць грошей горілки» (3). Въ разсказѣ «Страшний сон» авторъ изобразилъ крестьянина, которому кажется во снѣ, что онъ карась, а жидъ Хуна поймалъ

его и потрошить (намекъ на экономическую «руину», которую задумываетъ Хуна противъ села).

Не менѣе зла, если не болѣе, чѣмъ евреи, причиняютъ селу и свои же братья «війтъ и рада громадська»,—пьянствующее сельское начальство, которое съ утра до вечера «сыдыть въ коршми и залагоджуе тамъ вси справы громадськи», какъ это мы видимъ въ разсказѣ Бордуляка: «Галилеівський війт». Понятно, что у такого начальства нѣтъ мѣста справедливости: «все іде на міру килішка: хто споіть війта, а з ним і раду громадську, того буде й верхъ, а кого не стати на почастунок, то той пропавъ, якъ песъ на ярмарку»... (105) При такомъ управленіи нечего и думать о заведеніи въ селѣ какихъ бы то ни было порядковъ: всѣмъ попыткамъ въ этомъ направленіи «війтъ и рада громадська» будутъ противостоять, видя въ нихъ «бунтъ противъ начальства»: «Кількох нас,—разсказываетъ крестьянинъ,– завело разъ бесіду, чи би не було добре для волосноі користи завести въ громаді касу позичкову, а війт в крик: «То бунт!» каже. То може би шпихлір громадський привести до ладу... бо громадський шпихлір у насъ бувъ давнійше, але коли нашого війта вибрали вдруге війтом, то з тоі пори і шпіхлір заснітився. Війт і на тее каже: бунт, а йому вторують радні: бунт... (105). Положеніе дѣла ухудшается еще тѣмъ, что такой «війтъ» въ селѣ всегда желателенъ для высшаго начальства, потому что «на виборах він голосуе на того, на кого йому вже скажуть голосувати... на того, що горілкою, пивом і дреглями купуе собі голоси...» (108), и начальство горой стоитъ за такого «війта», называя всѣхъ недовольныхъ имъ крестьянъ «бунтівниками і ще якимись *вархоламы»* (108)...

Къ пьянству, какъ такому народному бѣдствію, которое часто помимо другихъ причинъ окончательно губитъ экономическое благосостояніе села, особенно часто обращается Бордулякъ въ своихъ разсказахъ. Въ нихъ онъ показываетъ, какъ нерѣдко и довольно зажиточныя крестьянскія семьи обращаются въ «жебракивъ», сельскихъ пролетаріевъ, благодаря пьянству; о немъ всегда упоминаетъ авторъ, лишь только начнетъ говорить о причинахъ бѣд-

ственнаго экономическаго состоянія села. Болѣе же глубоко затронутъ авторомъ этотъ видъ народнаго бѣдствія въ его разсказѣ: «Гаврило Чорній». Гаврыло Чорній—типичнѣйшій представитель людей, преданныхъ пьянству. Когда то зажиточный крестьянинъ, онъ своимъ пьянствомъ вгоняетъ въ гробъ жену, прекрасную хозяйку, и продолжаетъ растрачивать имущество вдвоемъ со второю женою, извлекающею изъ этого свои выгоды. Подъ вліяніемъ пьянства и этой жены онъ доходитъ до того, что хочетъ продать свою дочь Татяну «панычеви въ двиръ», надѣясь, что послѣ этого никто не захочетъ на ней жениться, и онъ будетъ имѣть возможность по своему распорядиться ея хатой и землей, оставшимися ей отъ матери...

Послѣ всего этого становится понятнымъ появленіе смѣльчаковъ, рѣшающихся бросать родное село, домъ, ниву и отправляться въ поиски лучшей доли въ далекіе неизвѣстные края Америки—«до Бразыліи». Эта тема послужила автору для двухъ коротенькихъ разсказовъ, гдѣ представленъ несчастный обѣднѣвшій крестьянинъ-эмигрантъ, который, не видя никакого исхода изъ своего положенія, задумываетъ ѣхать въ Бразилію искать счастья и этимъ утѣшаетъ свою любимую жену («Ось куди ми пійдемо, небого...»),—на оставленной имъ избѣ поселятся прилетѣвшіе съ юга, давно уже живущіе здѣсь «бузькы» и будутъ удивляться, куда дѣвались хозяева, что ихъ нигдѣ не видно («Бузьки»).

Болѣе глубоко эта тема затронута авторомъ въ большомъ его разсказѣ: «Іван Бразиліець», въ которомъ изображены бѣдствія крестьянской семьи, увлеченной такъ называемой, «бразылійською гарячкою», которая съ особенной силой разыгралась въ Галиціи лѣтомъ 1895 года. Тяжелая жизнь, нужда, эксплуатація крестьянъ,—все это создаетъ среди нихъ большой классъ недовольныхъ своимъ положеніемъ. Этимъ настроеніемъ бѣдняковъ стараются воспользоваться нечестные люди, подсылаютъ къ нимъ своихъ агентовъ, убѣждающихъ оставить свою родину и эмигрировать въ Бразилію, которая, по ихъ словамъ, является обѣтованной землей. Горе тѣмъ несчастнымъ, которые поддадутся на льстивыя рѣчи этихъ агентовъ! Лишь только эмигранты выѣдутъ

за предѣлы своей родины, какъ сейчасъ же и начнутся ихъ страданія, достигающія наивысшей степени по пріѣздѣ ихъ въ Бразилію. Невообразимая эксплуатація труда эмигрантовъ, за которыми присматриваютъ съ револьверами въ рукахъ, убійственный климатъ, голодъ, желтая лихорадка,—все это способствуетъ страшному вымиранію эмигрантовъ: изъ большихъ семействъ остаются въ живыхъ одинъ-два болѣе выносливыхъ члена. Смерть дорогихъ существъ, разочарованіе въ своихъ надеждахъ такъ удручающе дѣйствуютъ на оставшихся въ живыхъ, что они при первой же возможности стараются оставить эту негостепріимную страну и возвратиться домой, въ свое родное село, чтобы увеличить собою и такъ не малое число сельскихъ «жебракивъ». Немудрено, что Иванъ Загуменный, прозванный послѣ своей неудачной эмиграціи въ Бразилію—Бразылійцемъ, перенесшій всѣ невзгоды эмиграціи, потерявшій горячо любимыхъ дѣтей и жену, начинаетъ въ водкѣ топить свое горе вмѣстѣ съ другими бѣдняками-односельчанами, приглашая ихъ: «ходіть, братя, напьемось, але так, щоби-сьмо всю нашу біду втопили в горілці, щоби-сьмо потім аж співали з великоі утіхи!» (412). Страшно становится за такого человѣка и его боятся сами товарищи по бѣдѣ, но все-таки идутъ съ нимъ «до коршмы» топить свое горе, не видя для себя никакого выхода изъ настоящаго своего положенія...

Такъ изображена въ разсказахъ Бордуляка жизнь галицкаго села,—въ такомъ селѣ самъ авторъ жилъ въ дѣтствѣ и теперь живетъ. Авторъ съ любовію и сочувствіемъ относится къ этому селу и его обитателямъ и у читателей возбуждаетъ тѣ же чувства.

Какъ велико вліяніе Бордуляка на читателей, это видно по тому впечатлѣнію, которое производитъ на нихъ его разсказъ: «Дай Боже, здоровля корови!» «Халупныкъ»... Матвій Басъ на заработанныя тяжелымъ трудомъ въ лѣсу 50 «рынськыхъ» купилъ для своей семьи корову, вотъ и все, о чемъ говорится въ этомъ разсказѣ. Но это обыденное событіе изображено съ такою правдивостью, съ такими симпатіями автора къ этой семьѣ, что чи-

татель не можетъ не переживать съ нею этой ея великой радости, и разсказъ навсегда остается въ его памяти.

«Діти, як заздріли батька, (который «непостережно зьявився під ворітьми з коровою»), так і кинулись прожогом до воріт, лиш одно маленьке зісталося у матері на руках.

— Тато! тато! Корова!—кричало одно то друге.

Четверо малих люда вчепились за ворота і въ одну мить отворили навстиж. Отворили: і корова з триюмфом вступила на подвіре, а діти обступили іі і стали оглядати з цікавостію.

Матвііха перехрестила хребет корови і поцілувала іі в лоб межи рогами.

— Ах, моя голубонько! ах, моя маленька ти певно хочеш істочки, ти певно хочеш питоньки!—лебеділа вона, примилюючись до корови і гладячи іі по боках (5)».

Читателю становятся понятными и чувства Матвія, который «стояв з боку і гордо дивився на ту сцену. Його очі так і промовляли: «Дивись, стара, який з мене господар! який з мене батько! Шануй же мене, небого»!.. (5). Всякій, прочитавшій этотъ разсказъ, скажетъ вмѣстѣ съ семьей Матвія: «Дай, Боже, здоровля корові» за ту радость, которую она принесла собой этой семьѣ!..

Въ каждомъ словѣ автора такъ и пробивается любовь автора къ его героямъ; отъ всякаго разсказа такъ и вѣетъ на читателя какое-то теплое чувство, съ которымъ авторъ относится къ этимъ несчастнымъ, изнуреннымъ чрезмѣрными трудами и заботами людямъ. Любовь къ людямъ труда и уваженіе къ труду,— вотъ постоянныя чувства нашего автора: «Женці в поли при роботі—се для мене красний, зворушаючий вид. На той вид огортає мене якесь неописане, боговійне почуване, я клоню чоло перед тою величною працею і виддаю честь рукам, що тоі праці піднялыся» (153). Съ глубокимъ сочувствіемъ къ народному горю и его тяжелой участи авторъ спрашиваетъ далѣе: «Та чы скоро прыйде для ныхъ лучша доля, видраднійша будучнисть для тыхъ холодныхъ, захлялыхъ робитныкивъ—хлиборобивъ? Гей,

Господы Боже, зглянься, допоможы та прыскори той часъ!.. (153). Весь вообще этотъ разсказъ («Перший раз»), изъ котораго мы привели эти слова, есть не что иное, какъ гимнъ труду, гимнъ неизвѣстнымъ работникамъ-крестьянамъ. Много темныхъ пятенъ въ жизни галицкихъ крестьянъ и все-же этихъ тружениковъ въ изображеніи Бордуляка, нельзя не уважать!

Но не къ одному только своему народу относится нашъ авторъ съ такой любовью,—нѣтъ, каждый терпящій, страдающій имѣетъ право на его сочувствіе. Несмотря на все зло, которое причиняютъ евреи галицкому селу своей эксплуатаціей народа, Бордулякъ могъ написать свой художественный разсказъ: «Бідний жидок Ратиця», въ которомъ изображены бѣдствія еврейской семьи. Еврей Ратыця, настоящее имя котораго было Кыва, честно жилъ со своими односельчанами-крестьянами, за что они любили его и даже иногда помогали ему кое чѣмъ. Когда наступили для села «злі часи», Ратыця отправляется въ лѣсъ въ надеждѣ хоть что-нибудь заработать при рубкѣ лѣса для прокормленія своей многочисленной семьи. Но плата за работу слишкомъ ничтожна, къ тому же крестьяне, сами очень нуждаясь, даже за деньги не хотятъ дать ему съѣстныхъ припасовъ,—и это заставляетъ его отправиться въ ближайшее мѣстечко просить у знающихъ его людей помощи. Съ тяжелымъ сердцемъ шелъ онъ въ мѣстечко за прошенымъ хлѣбомъ, но здѣсь счастье улыбнулось ему: еще онъ не обошелъ всѣхъ домовъ, гдѣ надѣялся получить помощь, а «мав уже повний міх всякого добра, він чув, що його кишеня тяжка від дрібняків і тішився в души» (250),—и онъ веселый спѣшитъ домой, гдѣ его ожидаетъ голодная семья... Образъ Ратыци, въ изображеніи Бордуляка такъ симпатиченъ, что у всякаго возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе и состраданіе: пускай расовая ненависть къ евреямъ приметъ еще болѣе ужасающіе размѣры, чѣмъ теперь, «бідного жидка Ратицю» никто не будетъ ненавидѣть!

Съ особенною любовью Бордулякъ останавливается въ своихъ разсказахъ надъ людьми павшими, пьяницами; и у нихъ онъ находитъ свѣтлыя проявленія добрыхъ порывовъ, лучшихъ способ-

ностей человѣческой души. При изображеніи такихъ людей авторъ не довольствуется описаніемъ однѣхъ только внѣшнихъ чертъ ихъ характера, а старается заглянуть и понять самую душу ихъ. Онъ не сглаживаетъ, не замалчиваетъ ихъ недостатковъ и пороковъ, но и не останавливается только на этомъ; и у такихъ, на первый взглядъ кажущихся совершенно потерянными людей, онъ находитъ нерѣдко цѣлыя сокровища, скрытыя отъ взоровъ всего міра: любовь отца, матери къ дѣтямъ, самопожертвованіе для родственниковъ и пріятелей, возвращеніе на путь истины послѣ многихъ лѣтъ лѣни и пьянства, охоту послужить обществу и др. Бордулякъ фактами показываетъ, что и въ самыхъ испорченныхъ натурахъ нерѣдки свѣтлыя проявленія человѣческой души. Глубоко было паденіе Гаврыла Чорнія, но и у него гдѣ-то въ глубинѣ души еще тлѣетъ искра родительской любви къ своей дочери Татянѣ, хотя онъ, подъ вліянемъ пьянства, и хотѣлъ было продать ее «паничеви в двір». И эта искра, воспламенившись въ опасный моментъ, когда онъ собирается зарубить топоромъ своего зятя Федорка, мужа Татяны, спасаетъ его отъ убійства и разгорается въ такую любовь къ дочери, что, какъ онъ говорилъ впослѣдствіи, «сліди ії цілував, коли-б пізнав їх де на дорозі» (312). Эта родительская любовь къ дочери уже никогда не угасала въ сердцѣ Гаврыла Чорнія и вмѣстѣ съ другими причинами довела его, хотя и послѣ многихъ новыхъ паденій, до исправленія, которое такъ психологически вѣрно изображено авторомъ, что у читателя не является никакого повода къ сомнѣніямъ въ его возможности... Эта же родительская любовь къ своимъ дѣтямъ останавливаетъ крестьянина Мырона въ разсказѣ «Діти», когда онъ послѣ смерти горячо любимой жены въ отчаяніи рѣшилъ было «взяти пояс, пійти до стодільчини, зробити петлю, привязати до платви, закинути собі на шию і—кінець»... (134). Мысль о дѣтяхъ спасаетъ его отъ самоубійства: «Бідні діти!—думав він,—матері не мають, а щоби з ними сталося, коли-б їм і батька не стало»?.. (135). «Дякую вам, мої сердечні, та обіцюю і присягаю вам, що від тепер буду для вас виключно жити і працювати»... (136).

Изображеніе силы родительской любви къ своимъ дѣтямъ особенно часто встрѣчается въ разсказахъ нашего автора, въ нѣкоторыхъ случаяхъ любовь эта граничитъ съ настоящимъ самопожертвованіемъ. Для примѣра можно указать на «стару Кліщиху (въ разсказѣ: «Мати»), которая, сама очень нуждаясь, посылаетъ любимому сыну Якову, солдату, свои послѣдніе «три ринськихъ; и когда ей говорятъ, что Яковъ пишетъ неправду, прося у нея денегъ, она отвѣчаетъ: «Правда, чи неправда, що він там пише, але я таки гроші пошлю. Знайшлося ще три ринських, ось вони»... (26).

Проявленіе такихъ свѣтлыхъ сторонъ характера среди несчастныхъ людей обнаруживаетъ героевъ тамъ, гдѣ всего меньше можно было ихъ ожидать. Всѣ такія душевныя движенія человѣческой души нашъ авторъ представляетъ въ своихъ разсказахъ съ особенной любовью и старательностью, принуждая и насъ смотрѣть на всѣхъ его героевъ съ сожалѣніемъ и благорасположеніемъ. Этотъ теплый, сердечный тонъ, съ какимъ описываетъ Бордулякъ поступки и дѣянія своихъ героевъ—его спеціальность, его отличительная характеристическая особенность, какъ писателя, черта, которою онъ глубоко трогаетъ и возбуждаетъ душу читателя (достаточно вспомнить разсказы его: «Іван Бразиліець», «Бідний жидок Ратиця», «Дай, Боже, здоровля корові»! «Для хорого Федя» и др.). «Бордуляк—реалист,—говоритъ о немъ Осыпъ Маковей,—але в нього тиха, спокійна, зрівноважена, поетична душа, охоча добачувати радше кращі сторони людського життя, як його лихі сторони. Він у своїх оповіданях оптіміст—і як оптімістичний погляд на житє все приеднує собі душу читача, так і оптімізм Бордуляка е розрадою для його читачів» [1]). И дѣйствительно, въ его разсказахъ мы находимъ болѣе добрыхъ людей,—положительные типы, преобладаютъ въ нихъ надъ отрицательными; авторъ и у наиболѣе убогаго крестьянина находитъ въ жизни немногія тихія минуты радости, которыя укра-

[1]) Осип Маковей. Тимотей Бордуляк (Т. Ветлина). Л.-Н. Вістник, 1898, т. ІІІ, 80.

шаютъ его жизнь. Герои разсказовъ Бордуляка видятъ много зла и несправедливости вокругъ себя, испытываютъ горе и разочарованіе въ жизни, въ близкихъ людяхъ, но преодолѣваютъ всѣ эти бѣдствія и испытанія, посылаемыя имъ судьбой. Отъ разсказовъ нашего автора въ душѣ читателей остается свѣтлое впечатлѣніе, потому что онъ вѣритъ въ торжество добра, въ побѣду нравственной силы надъ внѣшними обстоятельствами жизни. Этотъ оптимизмъ, исходящій не изъ романтической идеализаціи дѣйствительности, а изъ серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ смыслу человѣческихъ страданій составляетъ идейное значеніе разсказовъ Бордуляка.

Разсказы Бордуляка чужды тенденціозности, авторъ даетъ въ нихъ реальный образъ сельской жизни; изображенія людей не выходятъ у него односторонними, а совершенно полными, жизненными: никто не можетъ сказать, что такихъ людей, какихъ мы встрѣчаемъ въ его разсказахъ, нѣтъ и не можетъ быть. Этому много способствуетъ самый способъ изображенія авторомъ своихъ героевъ. Онъ выводитъ людей въ ихъ обыденной, не праздничной обстановкѣ, нисколько не пріукрашивая ни ихъ, ни тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ имъ приходится жить и дѣйствовать. Нѣтъ у него эффектныхъ сценъ, какія нерѣдко можно встрѣтить у писателей съ романтично-этнографическимъ направленіемъ, онъ обращаетъ больше вниманія на буднишнія, хотя не менѣе сильныя проявленія человѣческой души; идейный замыселъ автора состоитъ въ томъ, чтобы въ своихъ разсказахъ показать духовное содержаніе самой обыденной жизни галицкаго села...

Читатель самъ такъ проникается оптимистическимъ взглядомъ Бордуляка на сельскую жизнь, что тѣ немногіе разсказы, въ которыхъ авторъ изображаетъ однѣ только отрицательныя стороны сельскаго быта (пьянство, судебная волокита, непредпріимчивость и др.); кажутся ему нѣсколько тенденціозными, написанными съ исключительно морализаторскими цѣлями. И дѣйствительно, одинъ изъ критиковъ (Осыпъ Маковей) называетъ эти разсказы «*морализаторскими*», «що не дорівнюють иньшим, хоч не раз також

повні поезиї, як н. пр. «Самітна нивка» [1]). На самомъ дѣлѣ и въ этихъ разсказахъ Бордуляка нѣтъ морализаціи, въ нихъ онъ не поучаетъ, а просто, ярко и правдиво изображаетъ дѣйствительность, грустную и тяжелую жизнь въ той средѣ, которую описываетъ...

Тонъ разсказовъ Бордуляка вездѣ ровный, спокойный, безъ аффектацій; онъ не разсказываетъ, а скорѣе рисуетъ сцену за сценой спокойно, широко, со многими характерными подробностями, съ большимъ поэтическимъ чувствомъ. Несмотря на этотъ ровный и спокойный тонъ, какимъ авторъ разсказываетъ о своихъ герояхъ, разсказы его отличаются большимъ драматизмомъ изложенія, изобилуютъ многими высокодраматическими сценами, которыя производятъ глубокое впечатлѣніе на душу читателей (здѣсь достаточно будетъ указать на сцену прощанія Гаврыла Чорнія со своей семьей, когда онъ собирается навсегда оставить ее и уйти «до Львова», въ разсказѣ: «Гаврило Чорній»). Превосходное изображеніе народнаго быта, интересныхъ характеровъ и типовъ, легкій, симпатичный юморъ, любовь и сочувствіе къ низшему брату,—составляютъ главное художественное значеніе разсказовъ Бордуляка. Въ большинствѣ случаевъ эти разсказы невелики, но композиція ихъ вполнѣ безупречна: нѣкоторые изъ нихъ («Самітна нивка», «Бузьки», «Перший раз» и др.) производятъ впечатлѣніе, какъ настоящая поэзія въ прозѣ, и пересказать ихъ нельзя, можно скорѣе почувствовать ихъ. Слогъ разсказовъ Бордуляка живъ и изобразителенъ, хотя и встрѣчаются довольно часто непріятные для слуха галицизмы и руссизмы [2]).

Нельзя не пожалѣть, что обстоятельства жизни Бордуляка не даютъ ему возможности больше удѣлять времени для занятій ли-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Вотъ нѣсколько на удачу выписанныхъ руссизмовъ: *біле*, *лучі* сонця, *впрочім*, *віддільно*, *взаїмно*, *осторожно*, *вольнодумний*, *рівнодушний*, я був *в немилім положеню*, з матерних *обнять*, сказав *з жаром* и др.

тературой; тѣмъ болѣе приходится жалѣть, что и его литературный талантъ и напечатанные уже имъ разсказы, давшіе ему право на почетное мѣсто среди младшей генераціи украинскихъ писателей, служатъ залогомъ, что онъ могъ бы подарить нашей небогатой литературѣ еще не одно цѣнное произведеніе...

Е. К.

Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Полтавскій полкъ.

(Неоконченная рукопись А. М. Лазаревскаго).

Отъ редакціи. Въ годовщину смерти незабвеннаго историка Малороссіи Александра Матвѣевича Лазаревскаго (31 марта) признаемъ благовременнымъ помѣстить его «послѣднее сказаніе»— начальные листы новаго историческаго труда, отъ котораго оторвалъ его тяжкій недугъ, столь неожиданно разрѣшившійся смертнымъ исходомъ. Друзьямъ покойнаго, собравшимся на первую по немъ панихиду, памятны эти недописанные листки, оставшіеся на его рабочемъ столѣ и краснорѣчиво говорившіе о томъ, какими думами и помыслами былъ занятъ почившій историкъ въ послѣдніе дни своей жизни. Это были все тѣ же благородныя думы и высокіе помыслы, которые занимали его умъ и сердце съ юныхъ лѣтъ и составляли высшее содержаніе его жизни: думы о прошломъ родного края, помыслы о найболѣе полномъ и вѣрномъ его воспроизведеніи. Еще въ концѣ 1880-хъ годовъ А. М. Лазаревскій задумалъ издать рядъ капитальныхъ сочиненій по исторіи Малороссіи, въ которыхъ онъ могъ бы сдѣлать сводъ тому безмѣрно-громадному фактическому матеріалу, какой имъ былъ собранъ въ теченіе всей жизни путемъ неустаннаго кропотливаго изученія неизданныхъ документовъ. Это было его драгоцѣнное «Описаніе старой Малороссіи», имѣвшее составить десять томовъ, по числу козацкихъ полковъ, на которые дѣлилась старая Малороссія. Первый томъ этого «Описанія», обнимающій Стародубскій

полкъ, вышелъ въ свѣтъ еще въ 1889 году; второй, посвященный Нѣжинскому полку,—въ 1893 г.; третій—Прилуцкому полку—въ концѣ 1901 г. Дальше на очереди былъ Полтавскій полкъ, для описанія котораго А. М-чъ собралъ уже сполна матеріалъ и приступилъ къ его обработкѣ. Соотвѣтственно принятому имъ плану, каждый томъ «Описанія» начинается историческимъ очеркомъ мѣстности, составлявшей территорію даннаго полка; такой именно очеркъ для Полтавскаго полка и началъ было составлять А. М-чъ, но тяжкій недугъ заставилъ его положить перо на 5-мъ листкѣ.

Помимо того значенія, какое могутъ представлять эти недописанные листки для почитателей почившаго историка, мы рѣшили напечатать эту неоконченную статью еще и потому, что она сама по себѣ, независимо отъ имени автора, представляетъ большой интересъ. Въ ней рѣчь идетъ о началѣ заселенія территоріи бывшаго Полтавскаго полка, именно средняго Поворсклья. Извѣстно, какая путаница господствуетъ въ исторической литературѣ хотя бы по вопросу о времени поселенія г. Полтавы. Даже такой осторожный и критическій изслѣдователь, какъ М. А. Максимовичъ, ничто же сумняся признавалъ существованіе этого города въ XII ст., неоднократно титуловалъ миѳическаго Лексу (XIV в.) «первымъ Полтавскимъ помѣщикомъ», допускалъ существованіе Полтавскаго полка въ 1576 г. и т. под. [1]); историки-компиляторы прямо уже фантазируютъ, въ родѣ того, напр., будто Батый въ 1243 г. расположилъ часть своихъ войскъ въ Полтавѣ на зимнія квартиры [2]) и т. под. Давно уже чувствовалась потребность въ строгой критической провѣркѣ данныхъ, на которыхъ основывались эти легендарныя свѣдѣнія, и такую именно провѣрку представляетъ послѣдняя работа Ал. М-ча. Съ свойственнымъ ему талантомъ и знаніемъ дѣла, онъ подвергъ анализу лѣтописныя извѣстія о пресловутой «Лтавѣ», въ которой прежніе

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 658 и 724—25, т. II, стр. 358—361.

[2]) Грановскій, «Полт. Епархія, 116.

историки видѣли городъ Полтаву, а также родословіе князей Глинскихъ, якобы владѣвшихъ этимъ городомъ въ XIV—XV в.в., и сопоставивъ эти свѣдѣнія съ цѣлымъ рядомъ документальныхъ данныхъ, представилъ точную картину состоянія Поворсклья въ XV—XVI в.в., при чемъ оказалось, что въ тѣ времена вся эта мѣстность представляла пустыню, въ которой лишь съ половины XVI ст. изрѣдка появляются такъ называемые «уходники», промышлявшіе ловлею рыбы и бобровъ, а поселеніе Полтавы возникло лишь около 1630 года. Къ сожалѣнію, на этомъ годѣ и прерывается посмертная рукопись нашего историка, но въ ней онъ успѣлъ вполнѣ разсѣять легендарный туманъ, до сихъ поръ окутывавшій начальную исторію Полтавщины, а для изложенія дальнѣйшаго ея періода уже нѣтъ недостатка въ точныхъ фактахъ.

Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Полтавскій полкъ.

Полтавскій полкъ занималъ междурѣчье двухъ Днѣпровскихъ притоковъ, Ворсклы и Орели, распространяясь частью и на правый берегъ первой. О Ворсклѣ упоминаетъ древняя лѣтопись подъ 1174 годомъ, при описаніи похода Игоря, князя Новгородъ-Сѣверскаго, противъ половцевъ: «Игорь Святославичъ, совокупивъ полки свои, и ѣха въ поле за Ворьсколъ и срѣте Половцѣ, иже ту ловять языка». Черезъ нѣсколько строкъ ниже: «Игорь же поѣха противу половцемъ и переѣха Въросколъ у Лтавы» и т. д. [1]) Изъ этого описанія можно видѣть, что Поворсклье было окраиною древней Руси, на которой уже свободно бродили Половцы. Едва-ли оно было населено въ то время, а упомянутая въ лѣтописи Лтава, вѣроятно, была какимъ-нибудь урочищемъ, обозначавшимъ скорѣе перевозъ или бродъ черезъ Ворсклу, чѣмъ городъ. Слѣдующее за симъ упоминаніе о Ворсклѣ относится къ 1399 году, когда здѣсь былъ разбитъ Витовтъ татарами. И при этомъ упоминаніи Поворсклье представляется

---

[1]) Ипатская Лѣтопись, 387.

пустынею, на которой бродили татары, тутъ и встрѣтившіе Витовта. Упоминая о походѣ Витовта къ Ворсклѣ, родословіе князей Глинскихъ говоритъ, что «послѣ Донского побоища, Мамаевъ сынъ Мансуръ зарубилъ три городы: Глинскъ, да Глинницу, да Полтаву», при чемъ эти города достались младшему сыну Мансура Алексѣ (въ крещеніи Александру), отъ котораго и пошли князья Глинскіе. Эта же легенда добавляетъ, что, послѣ пораженія Витовта у Ворсклы, его вывелъ изъ южнорусскихъ степей сынъ Алексы, Иванъ [1]). При спорѣ между Москвою и поляками за «Путивльскій рубежъ» (въ 1638 г.), послѣдніе показывали «грамоту дѣловую, какъ князья Глинскіе, братья Богданъ и Григорій Федоровичи, дѣлили межъ собою вотчину свою: Глинскъ, Бѣльскъ, Ворсклъ и иныя сѣверныя вотчины», при чемъ Григорію, меньшему, досталась «Сѣверъ-Глинщина и въ (на?) Ворсклѣ и Мерла рѣчка съ верху до устья» [2]). Представленная при этомъ поляками грамота относилась къ самому концу XV в. Какъ видимъ, въ этой грамотѣ о Полтавѣ не упоминается, изъ чего можно заключить, что упоминаніе о ней въ родословіи Глинскихъ основано на позднѣйшей легендѣ [3]). Названныя въ грамотѣ Глинскихъ поселенія Глинскъ и Бѣльскъ и теперь существуютъ и находятся—первый на Ворсклѣ, а второй верстахъ въ пяти отъ него (въ зѣньковск. у.).

Слѣдующее затѣмъ упоминаніе о Поворскльѣ находимъ въ описаніи Черкасскаго замка 1552 года, при чемъ перечисляются и принадлежавшіе къ этому замку «уходы» («або станы»), расположенные по Днѣпру и его притокамъ; въ числѣ ихъ упоминаются «уходы» и по рѣчкамъ Ворсклѣ и Орели [4]). На этихъ

---

[1]) Временникъ Моск. Общ. Исторіи и древн., X, 84.

[2]) Дворцовые Разряды, II, 900.

[3]) У Максимовича (I, 725) говорится, что Лекса, родоначальникъ князей Глинскихъ, получилъ отъ Витовта Глинскъ, Глинницу и *Полтаву;* но о Полтавѣ мы знаемъ только легенду объ основаніи ея будто-бы Мансуромъ.

[4]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 84.

уходахъ, или «станахъ», разные нахожіе люди занимались главнымъ образомъ рыбною ловлею, а отчасти и ловлею бобровъ. Поворсклянскіе и поорельскіе уходы принадлежали почти исключительно черкасскимъ боярамъ и мѣщанамъ; но промысламъ этихъ черкашанъ очень мѣшали тамошніе старосты, требовавшіе отъ уходниковъ большихъ себѣ даней и всячески ихъ притѣснявшіе ради захвата уходовъ въ свое личное распоряженіе. Напр., изъ грамоты короля Сигизмунда-Августа 1546 г. видимъ, что «войтъ и мѣщане и все поспольство мѣста Черкасского» жаловались королю на своего старосту князя Андрея Пронскаго, что онъ имъ «въ тѣхъ ихъ уходахъ, которые суть по Днѣпру и по Орели, новины чинитъ, не дозволяетъ «городцовъ» въ тѣхъ уходахъ ставить и со всей ихъ добычи забираетъ себѣ половину, противно старому обычаю» [1]). Въ люстраціи Черкасскаго замка (1552 г.) перечислены и жившіе въ немъ «земяне»; къ числу послѣднихъ принадлежали, повидимому, мѣстные землевладѣльцы, имѣвшіе у себя нѣкоторое подобіе если не крестьянъ, то какъ-бы позднѣйшихъ «подсосѣдковъ» [2]). Главнымъ земяниномъ въ Черкассахъ былъ князь Василій Домонтъ, во владѣніи котораго чаходились: селище Мошны, на правомъ берегу Днѣпра, а на лѣвомъ—селище Лебединъ и «селище и городище у Сивере, на рецѣ Ворскле, на имя Глинско» [3]). Отсюда мы видимъ, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ раздѣла князьями Глинскими своихъ поворсклянскихъ вотчинъ, Глинскъ имъ болѣе не принадлежитъ, и кромѣ того, этотъ городокъ называется уже «селищемъ», т. е. запустѣвшимъ поселеніемъ. Вѣроятно, такой же участи подвергся и Бѣльскъ, такъ какъ и удаленный отъ Глинска Лебединъ (харьковскій) называется тоже *селищемъ*. Очевидно, запустѣніе Глинска, случившееся въ

---

[1]) Тамъ же, часть VII, т. 2, стр. 372.

[2]) При перечисленіи Черкасскихъ мѣщанъ встрѣчаемъ между ними такихъ, которые «позадавалися» земянамъ: Ермакъ Севрюкъ «задался ново Михаилу Грибуновичу, земянину, Семенъ Покиданъ заложился за земенина Яна Келбовского» и т. д.

[3]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 90.

концѣ XV или въ началѣ XVI ст., какъ равно и запустѣніе всего верхняго Поворсклья, должно быть отнесено къ тому же разоренію южной Руси Менгли-Гиреемъ, на которое мы уже раньше указывали (Описаніе старой Малороссіи, т. III, предисл. стр. VIII).

Въ той же люстраціи Черкасскаго замка 1552 г. мы находомъ указаніе, что селище Глинскъ «у Сивере, на Ворклѣ» князь Домонтъ отдалъ въ приданое за дочерью зятю своему Михайлу Грибуновичу. Такимъ образомъ, вмѣсто князей Глинскихъ, на среднемъ Поворсклъѣ явился новый владѣлецъ въ лицѣ пана Байбузы, какъ назывался въ актахъ Михаилъ Грибуновичъ. Но этотъ владѣлецъ Поворсклья, несмотря на свою энергичную колонизаторскую дѣятельность, этими мѣстами видимо мало интересовался,—конечно, по причинѣ ихъ пустынности, и стремился захватывать въ свое обладаніе, какъ увидимъ ниже, земли болѣе близкія къ Днѣпровскимъ замкамъ. Въ то же время на Поворсклье, сосѣднее съ землями Байбузы, нашелся охотникъ въ лицѣ тоже одного изъ «украинскихъ» земянъ, какой-то Омелянъ Ивановичъ. Въ грамотѣ 1571 г. значится, что король пожаловалъ «земенину Омеляну Ивановичу за службу его на той Украинѣ (гдѣ жъ и на сесь часъ вязневъ непріятелскихъ, татарина, самъ отъ себе и отъ всихъ товаришовъ своихъ, козаковъ, намъ отдалъ) землю входную (т. е. способную для промысловъ) Северу, за Черкасы, у 20-ти миляхъ,, то ест почавши отъ Санчаровского перевозу на реце Ворскли, шляху татарского, на низъ тою рекою Ворсколомъ къ устью речки Полузоры, которая съ поля, зъ Московское стороны, съ правое руки приходитъ и въ Ворскло впадываетъ, а оттоль Ворсколомъ до речки Кустови (теперь Кустовая), которая теж съ поля, отъ Орды, зълева, тамъ же впадаетъ, и засъ Ворсколомъ ажъ до рубежа Степана Жарковича, Артемковыхъ песковъ, по обудву сторонахъ тое речки Ворскъла, зо всими кгрунты, пожитки ихъ и належностями, яко ся тая земля Север зъдавна в собе маетъ» [1]). Изъ приведеннаго описанія видно, что по этой грамотѣ была отдана «шляхетному козаку» Омеляну

[1]) Чтенія въ Общ. Нестора-лѣтоп., VIII, отд. 3, стр. 12.

Ивановичу незначительная часть Поворсклья, начиная отъ нынѣшняго Стараго-Санжарова вверхъ по рѣкѣ, нѣсколько выше теперешней Полтавы, такъ какъ с. Ивончинцы расположено при долинѣ рѣчки Полузорья, теперь уже исчезнувшей [1]). Можно догадываться, что этимъ королевскимъ «наданьемъ» Омелянъ Ивановичъ имѣлъ въ виду только закрѣпить за собою Поворсклянскіе «уходы», чтобы быть свободнымъ отъ притѣсненій Черкасскихъ старостъ. Другого значенія это «наданье» имѣть не могло, такъ какъ пожалованная земля представляла собою «неосѣдлую пустыню», какъ называли Поворсклье польскіе люстраторы еще и въ началѣ XVII ст. На такую пустынность только что описаннаго Поворсклья указываетъ запись Литовской Метрики о томъ, что турецкіе и крымскіе купцы, торговавшіе съ Москвой въ XVI в., ходили туда двумя путями: «съ Перекопа на Тавань и на замки: на Черкасы, на Каневъ и на Кіевъ»; когда же они, уклоняясь отъ платежа пошлинъ, мѣняли «ту звѣчную дорогу, хотячи пройти *полями*, а не дорогою», то шли «съ Перекопа чрезъ *поля яловые*, на врочище Санъчарово [2]), которое врочище отъ тыхъ замковъ въ 60-ти миляхъ» [3]). Слѣдовательно, изъ Крыма въ Москву обычная дорога шла по правому берегу Днѣпра, а лѣвобережье, включавшее и Поворсклье, представляло собою только «поля яловыя», т. е. пустынную степь.

---

[1]) При всемъ уваженіи къ мнѣніямъ почившаго историка, не можемъ согласиться съ его топографическимъ объясненіемъ данной грамоты. Въ ней прямо сказано, что земля, пожалованная Омельяновичу, простиралась отъ Санчаровскаго перевоза *внизъ*, а не вверхъ по теченію Ворсклы, съ правой ея стороны до устья рч. Полузеры, а съ лѣвой—до устья Кустови. Рѣчка *Полузерье* и нынѣ существуетъ и впадаетъ въ Ворсклу, съ правой стороны, у м. Новыхъ-Санжаръ, верстахъ въ 12-ти ниже Стараго Санжарова, а подъ именемъ рч. Кустови несомнѣнно разумѣется нынѣшній *Кустоловъ*, лѣвый притокъ Ворсклы, впадающій ниже м. Бѣликъ. *Ред.*

[2]) Здѣсь былъ перевозъ, или вѣрнѣе, бродъ черезъ Ворсклу, какъ видно изъ приведенной выше грамоты Омеляну Ивановичу.

[3]) Книга Посольской Метрики вел. княж. Литовскаго, т. I, стр. 30.

Мы уже видѣли, что, при указаніи границъ «наданья» Омеляну Ивановичу, королевская грамота упоминаетъ, что рч. Полузорье впадаетъ въ Ворсклу «съ поля, зъ Московское стороны», т. е. указываетъ, что тутъ гдѣ-то, къ сѣверу отъ средняго Поворсклья, земли считались уже Московскими, а не королевскими. Какія именно земли считались тутъ «московскою стороною», объ этомъ имѣется указаніе при перечисленіи тѣхъ мѣстностей, которыя находились въ кругѣ вѣдѣнія «сторожевой службы» Путивльскихъ и Рыльскихъ станичниковъ. Изъ росписи 1571 года тѣхъ мѣстъ, къ югу отъ Путивля, какія должны были посѣтить сторожевые разъѣзды, мы видимъ, что они обязаны были направиться «къ верхъ Самари» (лѣвый притокъ Днѣпра, южнѣе Орели) такимъ путемъ: черезъ рч. Бобрикъ къ Сулѣ, потомъ къ Пслу, а потомъ, «Ворсколъ перелѣзши», на устье Буймира, къ Мерлу, а «Мерлъ перелѣзши», къ Коломаку и т д. [1]). Такимъ образомъ отсюда видно, что Московское правительство считало своими землями верховья Сулы, Псла, Ворсклы, Коломака... Для насъ, впрочемъ, свѣдѣніе это важно лишь тѣмъ, что и оно указываетъ на пустынность верховьевъ Ворсклы и Коломака и такимъ образомъ подтверждаетъ сдѣланное раньше указаніе, что все междурѣчье Ворсклы и Орели и въ концѣ XVI ст. представляло собою одни «поля яловыя», чрезъ которыя татары, кроясь отъ московской сторожи по ярамъ и лѣсамъ, пробирались къ населеннымъ мѣстамъ съ цѣлью ихъ грабежа [2]).

---

[1]) Акты Московскаго Государства, изд. Академіею Наукъ, т. I, стр. 13.

[2]) Тамъ же, стр. 15. Насколько «усторожливо» должна была «сторожа» относиться къ своимъ обязанностямъ»—беречь «украйны» отъ „крымской и отъ ногайской стороны, чтобы воинскіе люди на государевы украйны безвѣстно не приходили“,—объ этомъ говоритъ наказъ имъ: „а стояти сторожемъ на сторожохъ съ конь не слѣзая, перемѣняясь, и ѣздити по урочищамъ перемѣняясь же направо и на лѣво по два человѣкъ и по наказомъ, каковы имъ наказы дадутъ воеводы. А становъ имъ (сторожамъ) не дѣлати, а огни класти не въ одномъ мѣстѣ; коли каша сварити, и тогды огня въ однымъ мѣстѣ

Въ началѣ XVII ст. положеніе дѣлъ въ Поворскльѣ измѣняется. Здѣсь появляются новые владѣльцы, которые, повидимому, измѣняютъ прежній порядокъ хозяйства. При люстраціи Кіевскаго воеводства въ 1616 г. нѣсколько такихъ владѣльцевъ: Федоръ Сущанскій-Проскура, Федоръ и Евстафій Байбузы (сыновья Михайла Грибуновича?), Иванъ Лучкевичъ и Василій Добрянскій заявили люстраторамъ, что у нихъ имѣнія наслѣдственныя, люстраціи не подлежащія, и при этомъ указали «na pewne Sywiery abo grunty na rzece Worskle, także *sewruki albo danniki* swe, w Czerkasiech mieszkaiące [1]), при чемъ черкасскіе обыватели люстраторамъ подтвердили, что тѣ имѣнія (dobra) принадлежали указаннымъ лицамъ по наслѣдству, «а тѣхъ севруковъ они сами судятъ (sądzą)». Изъ той же люстраціи видимъ, что полученное въ Поворскльѣ въ 1571 г. Омеляномъ Ивановичемъ имѣніе («ziemia wchodna Siewera, Worskła z rzeczką Połuzorą y Kustowem») въ 1616 г. принадлежало шляхетному Василію *Мѣленину*, при чемъ поясняется, что это имѣніе дано предкамъ послѣдняго королемъ Сигизмундомъ-Августомъ (1548—1572 гг.), а потомъ подтверждено кор. Генрихомъ [2]). Отсюда съ нѣкоторою достовѣрностью можно заключить, что Мѣленинъ былъ сынъ Ивана Омельяновича, усвоившій себѣ прозвище, взятое отъ имени дѣда «Омеляна».

По свѣдѣніямъ 1618 года, владѣнія Проскуръ-Сущанскихъ (Ѳедора и Юрія) на Ворсклянской пустынѣ (puszczyzna), близъ

не класти дважды; а въ коемъ мѣстѣ кто полднивалъ, а въ томъ мѣстѣ не ночевать"... и т. д. Тамъ же, стр. 2.

[1]) Это мѣсто приводимъ въ подлинникѣ, боясь ошибки въ переводѣ, но понимаемъ такъ, что здѣсь говорится объ имѣніяхъ «у Сивере, на Ворсклѣ", при чемъ подъ именемъ „севруковъ" слѣдуетъ разумѣть, какъ кажется, тотъ людъ, который промышлялъ въ Поворсклянскихъ уходахъ за извѣстную дань, какую онъ долженъ былъ отдавать собственникамъ ухода за пользованіе послѣднимъ. Эти севруки, какъ видно, жили въ Черкасахъ и состояли подъ юрисдикціей владѣльцевъ тѣхъ уходовъ, въ которыхъ они промышляли.

[2]) Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 315—316.

могилы Скороборъ, оспаривали наслѣдники черкасскаго старосты князя Михаила Вишневецкаго [1]).

Послѣ люстраціи 1616 года, мы имѣемъ тарифы подымной подати Кіевскаго воеводства 1628 и 1631 годовъ. Въ первой показанъ уходъ Ворсклы, «пустыни неосѣдлой», съ однимъ уходникомъ, принадлежавшій Ѳедору Пашкевичу, и одна третья часть Орельскаго ухода, тоже съ однимъ уходникомъ, принадлежавшая Станиславу Янковскому [2]). Во второй тарифѣ, 1631 года, часть Поворсклья показывается во владѣніи Ивана Лучкевича, Естафія Байбузы и дѣтей его брата Ѳедора Байбузы, т. е. тѣхъ самыхъ владѣльцевъ, которыхъ мы видѣли за пятнадцать лѣтъ передъ этимъ [3]); умеръ только Ѳедоръ Байбуза и ему наслѣдовали его дѣти. А относительно Поорелья въ тарифѣ 1631 г. указываются два владѣльца: панъ Юрій Чеховичъ, у котораго въ его «маетности Орлей (Orłey) числился всего одинъ уходникъ, и какая-то пани Олена Якова Драбовичева (жена?), которой принадлежала третья часть Орельской маетности, всего съ однимъ «огородникомъ» (уходникомъ? [4]).

Изъ всѣхъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что въ первой четверти XVII ст. Поворсклье находится во владѣніи нѣсколькихъ лицъ, при чемъ старѣйшими тутъ являются Байбузы и Мѣленины, основавшіеся здѣсь съ 70-хъ годовъ XVI ст., а затѣмъ Проскуры-Сущанскіе, Лучкевичи, Добрянскіе и Пашкевичи. Владѣнія ихъ были неособенно пространны и не были точно опредѣлены. Такъ можно думать потому, что, по грамотѣ Сигизмунда-Августа 1571 г., Омеляну Ивановичу была пожалована часть Поворсклья, въ предѣлы котораго, судя по указанію на Санчаровскій перевозъ и на рѣчку Полузорье, несомнѣнно входила мѣстность теперешней Полтавы [5]). Владѣльцемъ этой мѣстности, слѣдовательно,

---

[1]) Zródła dziejowe, XXI, отд. II, стр. 252.

[2]) Тамъ же, отд. I, стр. 85.

[3]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. I, стр. 398.

[4]) Тамъ же, стр. 392 и 399.

[5]) По нашему толкованію грамоты 1571 г., этого нельзя допустить. См. выше примѣч. на стр. 103. *Ред.*

долженъ былъ быть Мѣленинъ, который значится въ люстраціи 1616 г. А между тѣмъ въ грамотѣ короля Сигизмунда Ш 1630 года вотъ что читаемъ: «Имѣя милостивый взглядъ на заслуги Варѳоломея Обалковскаго, секретаря нашего, жалуемъ ему слободу пустую, въ нашемъ распоряженіи находящуюся, Полтавою называемую, надъ рѣкою Ворсклою, на шляху Муравскомъ, въ воеводствѣ Кіевскомъ, со всѣми принадлежащими къ ней угодьями, а равно и другія пустыя мѣста, годныя для заселенія, съ правомъ селить села и мѣстечки и оными владѣть до воли нашей, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы въ пущахъ и лѣсахъ тамошнихъ поташу, клепки и никакихъ товаровъ лѣсныхъ, а также селитры и соли не выдѣлывалъ безъ нашего на то особливаго королевскаго позволенія» [1]).

Объ этомъ Обалковскомъ см. Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. I, стр. 375, гдѣ онъ, въ 1631 г., именуется администраторомъ королевскихъ имѣній (dobr), т. е. завѣдывавшимъ въ Полтавщинѣ «королевщизнами»... *(на этомъ рукопись прерывается).*

---

1) Записки Наукового Товар. імени Шевченка, кн 2, Miscellanea, 11.

СВЯТЫЙ ГОРОДЪ.

(Прысвячуется вичній памьяты любого мого дядька Хведора Хведоровыча Лащинського).

Праведная душе! прыймы мою мову,
Не мудру, та щиру,—прыймы, прывитай...
Т. Шевченко.

I.

Нызенько спустывся вже волосожаръ; не разъ и не два прошелестивъ по тополяхъ холодный витрець, шо налитá передъ схидъ-сонця, и давно вже все село спало; а у хати въ старого Якыма ще свитылося та чуты було гоминъ.

Ще передъ вечоромъ вернувся винъ зъ прощи, зъ далекого города, та якъ почавъ розсказуваты про ти дывовыжи, що тамъ бачывъ, то й балакавъ до самого свиту.

Сорокъ рокивъ прожывъ дидъ Якымъ крепакомъ, ще за панивъ, та трыдцять просыдивъ у пасици писля воли, а це вперше бувъ такъ далеко видъ свого села. Хотилося ёму хочъ передъ смертью помолытыся коло угодныкивъ Божыхъ. Дочка ёго Хымка,—вже й сама не дуже молода удова,—слухала, слухала про той городъ, а потимъ схылылася на стилъ та й задримала.

Старшый онукъ Якымивъ Степанъ,—вже здоровый парубокъ,—тежъ разъ-у-разъ позихавъ та чухався. Одна тилькы онучка Прися, гарненька, трохы меньша за Степана дивчына, слухала дида не здвыгаючысь зъ миста.

На ничъ вона почала розчисуватысь, та такъ и не дочесалася, а сыдила зъ гребинкою у руци. Довге, наче золоте іи волосся розсыпалося одніею частыною по плечахъ, а другою розислалося край столу. Тыхо пиднималыся и опускалыся молоди груды, а блыскучи розумни очи не зводылысь зъ дидовыхъ сывыхъ вусивъ, що колыхалыся видъ розмовы.

А старый гомонивъ та й гомонивъ:

— У насъ черезъ ричку треба переправлятысь човномъ або порономъ, а тамъ черезъ Днипро зализный мистъ изроблено такый, що по ёму сто чумацькыхъ возивъ йихатыме, а винъ и не сколыхнется.

— Ото у насъ у сели дзвиныця, кажуть, девьять чы десять сажнивъ заввышкы; а тамъ йе дзвиныця, такъ наша, мабуть, и до першыхъ іи дзвонивъ хрестомъ чы й досягне...

Отсе у нашого пана у викнахъ яки велыки шибкы, а тамъ скризь по лавкахъ таки шыбкы́, якъ наши ворота, о!

У насъ такій дивчыни, якъ отъ-це ты, у наймахъ дають десять чы пьятнадцять карбованцивъ на рикъ, а тамъ на мисяць,— ось якои, о!..

А якъ бы ты побачыла оту машыну, що людей по вулыцяхъ возе, такъ, мабуть, излякалась бы, що нема ни дыму, ни вогню, и не свыстыть и не пыхка, а бижыть такъ, якъ и парова. Дасы пьятака, такъ верстовъ дви або й тры и йидешъ. И попы, и жыды, и паны, и селяне, и охвыцеры—уси вмисти сыдять.

Бачывъ я ще, якъ на билыхъ коняхъ москали йихалы, а дали якъ заграють у мидни трубы, ажъ земля дрижыть.

А у собори пивча якъ заспива, такъ наче янголы зъ неба...

Такъ, такъ! Сыды жъ, мое серце, а я пійду воды напьюся, а то вже у горли наче сукнына стырчыть. Ой Боже жъ мій мылый, пересыдивъ я ногу!.. Ой лышенько, наче деревьяна зробылася...

Дидъ такы вылизъ зъ-за столу и пошкытыльгавъ у сины; тамъ трохы не впавъ и довгенько ляпавъ кухлемъ, покы на-

пывся воды. Дали выйшовъ на двиръ, постоявъ и зновъ вернувся до хаты.

— Отсе досыдились мы зъ тобою, онучко!.. И маты, й хлопець уже сплять, та й сонечко незабаромъ сходытыме; небо вже почервонило. Чуты, якъ пидъ Трохымовою хатою перепелъ у решети пидьпидёмка, а я усе балакаю та балакаю,—це тымъ, що дома дуже давно не бувъ. Гасить же каганець та лягайте спаты, а я ляжу у хыжи... Звыкъ у дорози ночуваты на двори; воно якъ кожухомъ накрыешся, то не холодно.

Дидъ пишовъ у хыжу. Прися наче прокынулася, збудыла матиръ та брата и почала слатысь на полу. Дали заплела косу, прочытала «отченашу», и молючысь усе держала на думци той городъ, шо про его розсказувавъ дидъ; писля ще трычи перехрыстылась и дмухнула на каганець.

II.

Зоряна, ясна та тыха ничъ у Петривку. Дивчата сыдять на колодкахъ, пидъ царыною, и спиваютъ:

Ой котылася та ясная зоря,
Гей та й не впала до-долу...
Просылася молода дивчына
Гей зъ юлыци до до-о-о-му..

А Прися не спива та дума: «Отъ-же жъ добре дивчата спиваютъ, а дидъ казалы, що у городи пивча краще спива; а воны жъ николы неправды не скажуть».

Попрыходылы зъ другого кутка парубкы, посидалы коло дивчатъ. Засвитылыся цыгаркы, запахло тютюномъ. Гоминъ дужчый ставъ, регитъ покотывся, а дали змовклы та зновъ заспивалы уси разомъ ще дужче, ще голоснише.

Высокый та тонкый парубокъ, у сынёму картузи, Иванъ Ложка чогось одразу змовкъ и зновъ почавъ робыты зъ газетного паперу цыгарку, потимъ пидійшовъ до Присы и спытавъ:

— А ты, дурне козеня, чого мовчышъ?

— Якъ дурне, то пиды пошукай соби розумнійшого.

— О, я пошуткувавъ, а вона вже й сердытся!

— Такъ чого жъ ты: «дурне, дурне»! Не хочу, то й не спиваю. Адже жъ и ты мовчышъ!

— Такъ мени безъ тебе не хочется спиваты.

— А мени яке дило, чы хóчется тоби, чы не хочется?

— Ось якои, о!.. Постій же жъ!...

— А устану, такъ и постóю.

— Дывиться, дывиться!—забелькотала Одарка Вивчаренкова: Иванъ зъ Приською завелысь лаятысь. Це, мабуть, у лиси щось велыке здохло!

— Такъ хиба жъ то я лаюсь? То жъ винъ почавъ: «дурне» та «чого не спиваешъ».

— А й справди, чомъ ты, Присю, не спиваешъ?—обизвалася іи подруга Наталка: на тимъ тыжни вже Пéтра-Павла, а дали й жныва. Якъ попогнешъ спыну у поли, то тоди у вечери й справди не схочется спиваты.

— Чого бо вы до мене уси прысикалысь? Не хочу, то й не спиваю.

— Ну, якъ ты не хочешъ, то я заспиваю,—одмовыла Наталка, пидморгнула на Ивана Ложку и почала:

На Петра-а-а
Хлибъ пекла-а,
А на Ивана
Вы-би-ра-ла-а-а...

Гулялы парубкы та дивчата до самого свиту. Иванъ Ложка мовчкы сивъ биля Приси. Бильшъ воны не сварылыся и не розмовлялы, тилькы до-дому йшлы умисти. Пидъ Ложчыною клунею зновъ спынылысь. Иванъ узявъ Присю за руку та й спытавъ:

— Чого бо ты, справди, наче смутна? Може, кого иншого полюбыла?

— Кого тамъ?...

— Ну, такъ чого жъ?

— Та такъ. Маты сёгодня у поли булы, такъ казалы, що жыта наврядъ чы й по девьять кипъ на десятыни буде, то й до Риздвяныхъ святъ хлиба вже не стане. Адже ты знаешъ, що у насъ теперъ усихъ пивторы десятыны зосталося, та пивъ-десятыны городу. Маты журятся, такъ и я журюся...

— А хиба въ дида нема грошей? Адже жъ винъ зимою разъ-у-разъ на панськый двиръ лазывъ, то й заробывъ.

— Казалы, що було двадцять карбованцивъ, такъ отсе жъ на прощу ходылы. Дуже стратылыся. Дви корогвы у церкву купылы, та намъ де-чого.

— Ну, а Степанъ хиба не заробе?

— Степанъ заробе! Тамъ такый, що цилый день лежыть на левади та на сопилку гра. Винъ и косыты гараздъ не вміе. Торикъ грабкы на ячменю побывъ, такъ и доси не наладнавъ, такъ коса й лежыть несправна; а цидъ не здужають усе.

— Пидожды, може такы й дожывемо, що старостивъ зашлю.

— Колы то воно ще буде! Адже-жъ тоби сю осинь на прызовъ, а якъ и не пидешъ у москали, то памьятаешъ, що тоби батько казалы: «якъ оженышся на такій, що немае землп, то й зъ хаты выжену», а наша жъ земля упада не мени, а Степанови.

— Заробымо...

— То жъ бо то воно и йе!..

— Ну, годи про це.

Иванъ узявъ Присю одніею рукою за плече и хтивъ обняты ще й другою.

— Що це бо ты? Дывысь, уже свитъ; люде побачять, то бо-зна що казатымуть.

Прися потыхеньку выкрутылася зъ ёго рукъ и побигла до своеи хаты.

Иванъ постоявъ ще, подывывся ій у слидъ, потимъ знявъ картузъ и кынувъ нымъ объ землю такъ, що ажъ пылъ закуривъ.

— Щось воно та йе!—сказавъ винъ самъ соби, пиднявъ картузъ, покрутывъ головою и пишовъ до-дому тыхою ходою.

III.

Черезъ два дни писля «Петра» сталы на жныва. Зъ самого ранку сонце наче вогнемъ пекло. Вода у барыльци зробылася тепла, ажъ наче кысла. Посылала Хымка до крыныци Степана, такъ не схотивъ иты, а налаять добре никому було. Прися жала, изигнувшы спыну. Болила въ неи и голова, та не такъ видъ сонця, якъ видъ думокъ.

— Господы мылосердный! Оце жъ и на себе и на людей працюешъ зъ усіеи сылы, а писля Риздва прыйдется позычаты борошна. Дидъ пійдуть соби у економію до пана, то ихъ тамъ и нагодують и напоять, а намъ зъ матирью нихто дурно й шматка хлиба не дасть. Степанъ десь у молотныкы найметея, що заробе, те на досвиткахъ пропье. А я де зароблю? Понесу до жыда пидъ заставу плахты та свое добре намысто, дасть винъ тры карбованци, купымо борошна, а дали—знову бида... Зберутся на «Кузьмы-Демьяна» на досвиткы парубкы та дивчата, почнуть складатысь на горилку та на млынци, а я що дамъ? Иванъ позыче копозычку, а потимъ тіею коповычкою цилый тыждень очи дратыме, скаже: «гроши берешъ, а до другыхъ залыцяешся»... И чого-то воны отти парубкы таки,—якъ справди любе, то наче здуріе, а якъ тилькы грается, то такъ и дывытся, щобъ покрыткою зробыты! Нема у ихъ правды, нема и справжнёи ласкы. Отъ хочъ бы й Иванъ: каже, що любе, а що-вечора грызе та й грызе: «ты кого-сь иншого кохаешъ»... Кого я тамъ кохаю? Наче й не баче, що мени изъ тымъ коханнямъ свитъ за очи ставъ... А якъ оженытся, то й быты буде. Адже торикъ Домаха зъ Косенковымъ Хведоромъ якъ цилувалыся та любылыся, а побралыся, то черезъ тры тыжни винъ ій коромысломъ голову проломывъ. Чы ёго покынуть усе та пійты на заробиткы у той городъ, де дидъ бувъ? Адже казалы дидъ, що тамъ у-наймахъ по десять карбованцивъ на мисяць платять»...

Передъ вечоромъ змучылася Прися зовсимъ. Рукы трусятся и поперекъ наче одпалкувавъ хто. Вернулыся до-дому, посидалы пидъ хатою вечерять. И дидъ, и маты, и Степанъ йидять ложкамы юшку, а Прися й ни.

— Чомъ ты, доню, не вечеряешъ?—пытають маты.

— Такъ,—не хочется.

— То тымъ, що затомылася. Я сама якъ була молодою, то отсе якъ першый день станешъ на жныва, такъ у вечери здается, що завтра й серпа въ рукахъ не вдержу, а на другый день и ни̂чого. А же якъ йихаты у далеку дорогу, то кони томлятся тилькы зразу, а дали убижатся, то йидуть тюпкы безъ-перестану. Такъ же воно и люде. Сёгодня мы не багато й нажалы, ще трычи стилькы на пни стоить. Отъ-же жъ завтра Богъ недиленьку дае,—одпочынешъ. Йижъ бо, доню, юшечку.

— Та не хочется жъ мени,—одмовыла Прися, а потимъ спытала:

— Диду!

— Га.

— А чы й у городи йидять такый хлибъ, якъ отсе у насъ?

— Ни, серце, тамъ усе булкы та бублыкы зъ макомъ йидять. Ну, а по манастырахъ, то правда, йидять такый хлибъ, якъ и въ насъ, тилькы наче солодкый якыйсь. Дурно й дають ёго.

— Дурно?

— Дурно. А на Велыкдень такъ и паску дурно давалы.

— Годи вже вамъ, тату, все про той городъ розсказуваты,—обизвалася Хымка: де жъ такы, щобъ усимъ людямъ та дурно хлибъ давалы!

— Ій-Богу, дають; отъ не дурно забожывся. Звисно, якъ ты сыдитымешъ тамъ у манастыри мисяць, то вже й не даватымуть, а зразу такъ дають.

— Та годи вже...

Прися глянула скоса на матиръ, устала и пишла у садокъ. Тамъ вона обиперлась на лису та й задумалась зновъ. Важко

чогось на серци було, и здавалося ій, що вона не молода дивчына, а вже стара баба.

— И сонечко зайшло, а такъ душно, наче й дыхаты ничымъ,—думала Прися,—чы то мени такъ здается. Зъ матирью и балакаты не хочется, а Иванъ наче божевильный якыйсь зробывся, одно грызе: «ты про кого-сь думаешъ». Хиба про те, що десь воно есть таки мисця, де люде лучче одъ нашого жывуть»...

Вона й не счулася, якъ до лисы й справди пидійшовъ Иванъ.

— Присько!..

— Це ты? Ой Боже жъ мій, якъ я злякалася!

— Чого?

— Не знаю.

— Не знаешъ? Такъ. А на вулыцю у вечери выйдешъ?

— Хиба жъ теперъ гуляють на вулыци? Саме жныва почалыся.

— Такъ завтра жъ недиля.

— Такъ що?

— Якъ «такъ що»? Спатымешъ хочъ и до-обидъ. Такъ не выйдешъ?

— Ни.

— Ну, гляды жъ!..

Иванъ плюнувъ и не оглядаючысь пишовъ вулыцею.

Хочъ и затомлена була Прися, а не скоро заснула ціеи ночи. Усе наче душно ій показувалося. Вона прыслухалася до писень, що чуты було зъ вулыци. Вже на думци було одягнутысь самій, та йты до гурту, а дали наче хто-сь звеливъ: «не ходы», вона й не пишла.

IV.

Якъ ишлы люде до церквы, такъ небо було сыне, а якъ служба одійшла, то зъ пивночи насунула велыка, наче олывьяна хмара зъ жовтымы краямы. Душно такъ стало, ще гиршъ нижъ

у суботу. Куры соби ямкы у писку повыкопувалы. Горобци десь пидъ стрихамы поховалыся. Зирвався разъ и другый витеръ; зачавъ накрапаты дощъ, зразу ридкый, а дали наче квасолею запырыщывъ. Диты повтикалы зъ улыци. Де-котра баба, напнувшысь спидныцею, що-духу бигла до-дому, ляпаючы босымы ногамы по грязи.

Загуркотивъ гримъ и налетивъ ще дужчый витеръ. Хряснула и зигнулася велыка горишына у саду, а дали выдно було, якъ одломыло крыло на тому млыни, що стоявъ биля выгона, а потимъ поставыло сторчъ и увесь млынъ.

Зновъ наче зъ десяты гарматъ ударыло, и тіеи жъ хвыли лынувъ дощъ помижъ изъ градомъ. Заторохтило по викнахъ, и вылетила одна шыбка. Побилило въ садочку и на двори наче зимою. У комини гуде та гуде.

Хымка кынулася свитыть страсну свичку. Рукы въ неи трусылыся, тры сирныкы збавыла, покы засвитыла, а дали почала голосыть:

— Ой пропалы жъ мы, несчасни! ой выбыло жъ и вымолотыло послидне наше жытечко, высыпалося, мабуть, воно чысто!.. А Боже жъ мій мылый, за що Ты такъ тяжко насъ покаравъ!.. Прися мовчкы сыдила на лави, зморщывшы чоло, а потимъ лягла на пилъ и укрылася зъ головою велыкою хусткою...

Дидъ вычытувавъ «Да воскреснеть»... и вусы ёго трусылыся.

Торохнуло знову наче у самій хати, ажъ кырпычына выпала зъ комину... Черезъ годыну олывьяна хмара посунулась геть-кудысь далеко, тремтило на деревьяхъ листячко зъ блыскучымы крапелькамы воды, а зъ сынёго неба дывылось та сміялось надъ людськымъ горемъ сонечко.

Хымка и Прися понадывалы чоботы и побиглы у поле. Тяжко дыхаты було имъ на бигу, у кожнои важко былося серце, наче отъ-отъ розирвется. Зналы обыдви, що тамъ побачять, але не хотилося йняты виры...

Мокри покосы не лежалы рядамы, а позбывалыся у купы. Жыто, що було на пни, полягло наче сковаными крыгою хвылямы. Высоко десь щебетавъ жайворонокъ.

Хымка плакала, втыраючысь рукавомъ. Прися тилькы побилила, и бривкы іи ныжче спустылысь надъ блыскучымы очыма. Мовчкы вернулыся дочка та матиръ до-дому.

На другый день поле высохло, а до суботы на Хымчыній ныви стояло вже симнадцять кипъ зъ порожними колоскамы. Богъ давъ погоду зновъ. Дни булы ясни, ночи тепли та душни. Парубкы изновъ почалы збиратысь на вулыци, и писни розлягалыся далеко за село.

Стари люды сумувалы. Хымка наче постарила. Прися никуды не ходыла, а все думала та инода у вечери гомонила зъ дидомъ пидъ хатою.

V.

На Иллю Хымка зъ Присею та зъ дидомъ посидалы пидъ хатою обидаты. Степанъ десь забарывся на панському двори. Прися зйила дви чы тры ложкы борщу, та й каже:

— Мамо!

— Чого?

— Я пійду у городъ.

— У якый?

— Ажъ у той, що дидъ ходылы на прощу.

— Такъ хиба жъ теперъ на прощу ходять? То жъ ходять на весни або на Пречысту.

— Такъ я пійду не на прощу, а у наймы.

— Богъ зъ тобою, що це ты мелешъ?

— Чого жъ тамъ «Богъ зъ тобою»? Адже жъ вы сами казалы, що въ насъ не стане борошна, мабуть, и до Покровы. А я стану у наймы на всю зиму, зароблю грошей, то й вамъ поштою подамъ.

— Де жъ ты наймешся?

— А де-небудь, адже тамъ панивъ багато.

— Э, ни, доню, ничого ты тамъ сама не вдіешъ.

— Чому? Хиба я дытына?

— Изъ кымъ же ты пійдешъ? Ты жъ сама й дорогы не знайдешъ.

— А зъ бабою Ковалыхою, воны ось на цимъ тыжни збираются туды говить иты.

— Мени таке наче й чудно слухаты; краще нехай уже Степанъ иде у наймы.

— Винъ такый, що й зъ голоду опухне, а никуды не пійде...

— Ни, моя доню, не йды ты никуды. Хиба вже до Шмуля наймыся, усе жъ такы у своему сели.

— Нехай вамъ той Шмуль сказытся, щобъ я за карбованець у мисяць жыденятъ няньчыла.

— Ой, страшно жъ мени: якъ такы ты сама пидешъ!

— Та кажу жъ бо, що не сама, а зъ Ковалыхою.

Дидъ слухавъ, слухавъ, а дали обизвався:

— Нехай иде, може й справди долю свою тамъ знайде. Вона дивка розумна. Хиба тилькы й свиту що у нашому сели?

Балакалы та спорылыся, покы й борщъ прохоловъ.

Ще й сонечко не сходыло, якъ Прися устала, убралася и оглядаючысь на матиръ, шо ще спала, выйшла за ворота. Вернулася вона тилькы передъ вечоромъ.

Хымка дуже розсердылася и цилый день ходыла наче несамовыта. Кого не пытала вона, то нихто не бачывъ Приси и не знавъ, куды вона ходыла. Побачывшы дочку, Хымка узяла коромысло и пидступыла до неи.

— Ты де була?

— У волости, ажъ у Самбури.

— Чого жъ тебе туды носыло?

— Хотила билетъ узять, бо по чужыхъ городахъ, кажуть, неможна безъ билета жыть.

— А ты матери спытала?

Прися уся затремтила.

— А матинко жъ моя любая, быйте мене, лайте, тилькы пустить. Занудылася я. Пустить мене... Ось побачыте, я грошей

зароблю и старисть вашу заспокою... А, пустить же мене у той городъ!..

Хымка покынула коромысло и тяжко зитхнула.

— Я ще такыхъ дивокъ и зроду не бачыла. Адже глянь, твои подругы ще бидниши одъ насъ, та й весели жъ, и спивають и никуды йты не збираются. А въ-осены де-котри до шлюбу стануть; може бъ, и тоби судылося. Хиба въ насъ на сели вже й гарныхъ парубкивъ нема? Ты не крыворота, не ряба, не калика, чорнобрыва та зъ лыця била, якъ намалёвана; невже жъ тебе не сватастымуть?..

— Ой мамочко, ой огыдлы жъ мени воны уси: здаются таки якъ звиры.

— Чого жъ такы люде та на звиривъ схожи будуть?

До самои глыбокои ночи балакалы маты зъ дочкою. Слухавъ и дидъ и де-колы свое слово вставлявъ.

Выйшло такы на Присыне,—пустылы іи.

У суботу вранци попрощалася вона зъ матирью, зъ дидомъ и зъ братомъ, узялаципокъ у рукы, перехрестылася та й пишла изъ бабою Ковалыхою шляхомъ.

Прися усе оглядалася: довгенько такы їй здавалося, що Иванъ Ложка за нею буде гнатысь.

А Иванъ не гнався, тилькы у вечери, не звисно зъ якои речи, напывся пьяный и не звисно за що повыбывавъ викна въ хати у Шмуля.

VI.

Двадцять верстовъ увійшлы Прися зъ Ковалыхою за першый день. Хотилы йты й ще, та потомылыся дуже. Ночувалы на зайиздному двори у невелычкому повитовому городи.

Ще й зиркы зъ неба не посходылы, якъ стара Ковалыха почала вже зновъ збиратысь у дорогу. Знову йдуть шляхомъ. Хытають шырокымы гильямы вербы, и здается Приси, що то ти сами вербы, котри й учора вона бачыла,—наче увійшлы одъ ридного села зъ верству, не бильшъ. Ковалыха, баба не бала-

куча, иде мовчкы, сопе таципкомъ землю довбае Жерстяный чайнычокъ за іи плечыма видъ кожного ступня злегенька брязчыть.

На другый день увійшлы трыдцять верстовъ, ще й пидвезлысь на вози въ якогось дядька. Чоловикъ бувалый трапывся, доводылося ёму жыты й по велыкыхъ городахъ. Прися трохы налякалася, якъ винъ почавъ розсказуваты, що тамъ выробляють зъ дивчатамы панычи та москали. Ну, та увечори Ковалыха іи заспокоила, що то усе видъ самои дивкы выходе,—котра схоче пустытысь, то й пустытся, а котра не схоче, то нихто ій ничого не вдіе.

Сама тяжка дорога була на третій день. Дуже сонце пекло и грунтъ ставъ писчаный. Люде ще скризь працювалы по пывахъ, а Приси наче соромъ було на ихъ дывытысь черезъ те, що вона не працюе.

На неби жаднои хмарочкы не выдно. Видъ спекы показуется, наче далеко-далеко овечкы бижать, а ще дали буцимъ то дерева стовбурамы догоры ростуть и помижъ нымы блыщыть водою ставокъ.

Пройихавъ у полотняній кыреи становый на рыжыхъ конихъ, и за брычкою наче чортяка пидхватывъ и закрутывъ цилый стовпъ писку.

У Ковалыхы репнула пьята, набылося землі у щилыну, и стара зачала шкытыльгаты, де дали то дужче, а потимъ и зовсимъ сила. Одпочыла зъ годыну, посунулы дали ще тыхше; люде на волахъ ихъ обганялы. Тяжко показувалося Приси йты, а усе жъ такы вертатысь до-дому не хотилося.

Надъ вечиръ прыйшлы у Володькову-Дивыцю, що пидъ городомъ Нижыномъ. Тамъ заночувалы въ якогось мищанына. Хотилы вранци зновъ збиратысь, такъ у Ковалыхы нога дуже спухла; зъ верству, може, й прошла бъ, а въ далеку дорогу й не подужа.

Мищанынъ той нараявъ иты у Нижинъ, а тамъ до вокзалу просытысь, щобъ дурно пидвезлы на машыни.

Такъ и зробылы. Покы дойшлы до Нижына, Ковалыха ще дужче натрудыла ногу. Сила стара на платхворми на вокзали

та й плаче, а Прися скризь по станціи ходе,—проха кондухторивъ, щобъ пидвезлы ихъ на машыни, а ти сміются.

Знайшовся одынъ молоденькый, обищався въ-ночи посадыты ихъ у вагонъ, тилькы не у людськый, а у той, що звется товарнымъ, де крамъ та скотъ возять. И за те сказалы спасыби.

Поночи прыйшовъ той молоденькый и повивъ Присю изъ бабою до вагона. Ледви улизлы воны обыдви. У вагони темно, вапною понатрушувано, ни на чому ни систы, ни лягты. Пойихалы. Гуде та трусе, ще гиршъ нижъ на вози. Ковалыха крекче та одно каже: «Мабуть, не дойиду—вмру»... На якійсь станціи улизъ до ихъ и кондухторъ Тилькы рушылы, а винъ заразъ почавъ лизты до Приси. Налякалась вона ще дужче, наробыла крыку. Кондухторъ давъ ій двичи по потылыци, такъ що ажъ хустка злетила, а потимъ вже й не займавъ; якъ машына спынылась, винъ кудысь утикъ.

Стало розвыднятыся. Пойихалы лисамы. Хочъ и не спала Прися, а трошкы ій легше зробылося, якъ изійшло сонце. Затыхла й Ковалыха.

Трохы згодомъ вылетивъ пойиздъ зъ лису, и далеко показався на гори городъ, наче сыній увесь, золоти бани на церквахъ тилькы блыщать. Глянула й Ковалыха, зачала хрестытысь та молытысь: «отсе, каже, той самый святый городъ».

Якъ перейизжалы черезъ мистъ, то Прися ажъ трусылася зъ переляку: унызу вода жовта та шырока, здается, якъ бы впала туды, то жывою не долетила бъ и до воды.

За мостомъ спынылася машына. Прибигъ знову молоденькый кондухторъ:

— Ну, бабы, давайте по рублю, та й ступайте къ чортовій матери!

— Ще жъ не зовсимъ дойихалы,—каже Ковалыха.

— Нечего тутъ разговаривать: давайте деньги и убирайтесь.

— А вы жъ казалы, що дурно йихатымемъ,—обизвалася Прися.

— Если бъ ты не была дурой, то и ѣхали бы дурно,— одповивъ кондухторъ и засміявся такъ гыдко; дали узявъ гроши, выйнявъ свыстокъ и затюрчавъ у ёго. Машына рушыла, а Прися зъ Ковалыхою пишлы помаленьку край реёкъ.

VII.

Чудно жъ показувалося Приси у городи! Быржовыкъ пройиде, то вона заразъ дывытся, якъ у ёго кинь запряженый. Ударе десь у дзвинъ,—вона прыслухается. Чоловикъ изъ дижкою на голови иде та щось крычыть не своимъ голосомъ,—зновъ ій чудно показуется.

Довго йшлы воны городомъ, може верстовъ изъ пьять, покы дійшлы до манастыря. Занедужала Ковалыха зовсимъ, опухла въ неи уся нога, ажъ сыня стала. Гукнувъ якыйсь монахъ хвершала, той подывывся на стару, полапавъ іи за ногу та й каже:

— Нужно положыть въ больныцю.

Прися пидбигла до старои:

— Бабусю, голубочко, а я жъ де динусь?

А Ковалыха мовчыть, тилькы очыма лупа,—наче зомлила.

Розсказалы ченци Приси, що у манастырську больныцю покладуть бабу и якъ и колы можна іи буде одвидаты, а дали пытають:

— А въ тебе жъ билетъ есть?

— Йе,—каже Прися, и выйняла ёго зъ-за пазухы й показуе.

— Ну и хорошо. Боже тебя благослови. Съ билетомъ вездѣ можно жить. Хочешь, у насъ молись; хочешь, по другимъ монастырямъ походи, посмотри...

Напойилы й нагодувалы Присю и грошей не узялы, такъ якъ и дидъ казавъ.

На другый день пишла вона скризь по городу, та трохы не заблудыла. Пытала, пытала того манастыря, де воны зъ бабою

зостановылысь,--такы допыталась. Ажъ туманъ у неи въ голови стоявъ, якъ увиходыла вона у-вечери у манастырськи ворота. Їй увыжалася то машына, що людей безъ пары и безъ коней возе, то той козакъ, що зъ булавою на кони сыдыть середъ улыци на камьяній гори. Дзеленчалы у вухахъ дзвинкы и нибы торохтилы быржовыкы.

Лягла вона спаты на двори, помижъ другымы жинкамы та дивкамы, що попрыходылы на прощу зъ далекыхъ сторинъ, и крипко, крипко заснула.

Прокынулася на другый день раненько, пишла до утрени и молылася дуже, и за матиръ, и за дида. Потимъ издумалося їй постановыты свичку. Торкнула Прися за кышеню, щобъ чересокъ выйнять, а кышеня порожня. Ажъ рукы въ неи затрусылыся...

— Мабуть, я учора, якъ лягала спаты, за пазуху ёго сховала,—подумала. Нема череска й за пазухою,—самъ билетъ. Злякалася Прися, трохы не упала, ледви зъ церквы выйшла.

По двори, швыденько, махаючы одніею рукою, бигъ чернець. Прися до ёго.

— Батюшко, батюшко, ой лышечко жъ зо мною скоилося! Чернець спынывся.

— Что такое?

— Ой обикрадено жъ мене у ночи... Було у мене чотыри карбованци у череску, такъ изъ черескомъ узято. Що мени теперъ у свити Божому робыты? Пропала я, несчасна!..

— Что жъ? это случается,--каже чернець: злыхъ людей много, нужно остерегаться.

— Такъ якъ же я теперъ зостанусь?

— А вотъ посмотримъ, я отцу эконому скажу, чтобы полиціи заявилъ.

— Такъ и найдутся гроши?

— Ну, это неизвѣстно.

Чернець здвыгнувъ плечемъ и побигъ дали. Кынулась Прися у больныцю, щобъ изъ Ковалыхою порадытысь Сказалы: «пидождy». Сыдила вона, ждала у колидори годынъ зо тры, а може й бильшъ. Нудно на серци такъ стало. Округы чужи люде

ходять и не дывлятся. Чимъ-сь вонючымъ душыть. Вода десь булька.

Диждалася такы. Повела іи мылосердна сестра у велыку кимнату, усю кроватямы позаставлювану. Трохы темно тутъ було и духъ наче ще тяжчый, нижъ у колидори.

Ледви пизнала Прися Ковалыху: жовта, наче мертва лежыть стара, у билу копту одягнена. Одна нога замотана такъ товсто, ще й билою стёжкою перевьязана. Поздоровкалася Прися, сила биля кровати, посыдила, а дали про свою биду стала розсказуваты. Выслухала іи Ковалыха та насылу прошепотила:

— Не въ добрый часъ, моя донечко, выйшлы мы зъ тобою... И я учора не сподивалася, що жыва зостанусь...

Отдыхала стара зъ хвылыночку и знову поманеньку загомонила:

— Крыкомъ крычала я усю ничъ, рвало у мене усю ногу, а у вечори якъ гній пишовъ, то наче трошкы легше изробылося... Казавъ дохторъ, що якъ бы не пишовъ гній, то ризалы бъ. Ой не далась бы я имъ ризаты, лучче бъ умерла...

Ковалыха замовкла. Тыхо. Чуты тилькы, якъ на другому кинци кимнаты хтось важко такъ стогне.

— Бабусю,—каже Прися, чы не позычылы бъ вы мени трошкы грошей.

— Чому бъ и не позычыла, якъ бы ихъ у мене бильше було, а то усихъ шисть карбованцивъ, а казавъ дохторъ, щобъ до-дому не йшла пишкы, а безпреминно йихала машыною... Хиба полтынныка можу тилькы даты.

— Дайте хочъ полтынныка.

Зновъ тыхо, и зновъ чуты, якъ хтось стогне.

— Бабусю!

— Чого, доню?

— Що жъ мени теперъ робыты?

— Не знаю, серце, не знаю. Абы жъ я одужала, то може бъ удвохъ кого-небудь роспыталы, чы не найшлося бъ якого мисця для тебе, а такъ я й сама ничого не знаю..

Прися ажъ похолола. Здавалося ій, наче вона у якусь глыбоку яму упала и нихто не хоче іи видтиля вызволыты.

— Бабусю, такъ куды жъ мени иты шукаты мисця?

— Попытай, доню, у ченцивъ...

Прыбигъ дохторъ и прогнавъ Присю, сказавъ—що теперъ ажъ у середу тилькы можна прыйты одвидаты бабу.

Вернулася Прися до манастыра, знайшла того ченця, що уранци розсказувала ёму про свою биду, и зновъ почала роспытуваты, чы не знайшлысь гроши.

— Нѣтъ,—каже манахъ,—теперь уже трудно найти.

Подывывся винъ на Присини заплакани оченята и параявъ ій такъ, якъ и баба Ковалыха,—щобъ шукала якогось мисця. До першои Пречыстои, мовлявъ, можна бъ було заробыть хочъ трошкы грошей, а на празныкъ прыйты у манастыръ, то тутъ зъ ихъ села певно хтось та буде, ну а свои люде вже не покынуть: тоди схоче—до-дому вернется зъ ными, а не схоче—служыть зостанется. Писля розмовы зъ монахомъ наче повеселійшало трохы на серци у Приси.

Щыро помолылася вона Богу и знову лягла спаты на двори. Хочъ и затомлена вона була, а нескоро заснула, усе дывылася на зиркы та думала про свою долю.

VIII.

Прокынулася Прися саме якъ сонечко устало. Жваво умылася вона, помолылася, потимъ почала роспытуваты у иншыхъ прочанъ, куды ій иты и въ кого просыты мисця. Такъ ти й сами не знають, да ще й балакають такъ чудно, нерозбирно.

Звернула Прися за воритьмы праворучъ та й пишла по камьяній дорижци, куды очи. Десь на вулыци купыла за копійку бублыка та выпыла кружку квасу, отъ-то такъ и пополуднувала. Сонечко пече. Торохтять быржовыкы.

Побачыла Прися велыкый садъ и ворота у ёму одчыняни. Пишла туды. Опынылася на гори; внызу Днипро, а за водою та за островамы сыни лиса мріють. «Черезъ отъ-ти лиса, мабуть,

на нашу сторону машына йиде», подумала Прися и знову на серци въ неи важко, наче ажъ душно зробылося.

Дийшла вона до кинця саду, глянула, ажъ стоить такый будынокъ, що вона ще й зроду не бачыла. Наче церква изъ срибнымы банямы, такъ на ихъ хрестивъ нема, сами шпыли, а округы балконы пороблени таки, якъ у пана коло дому. На тыхъ балконахъ столы стоять, билымы скатертямы понакрывани, и якись паничи у билыхъ хвартухахъ коло тыхъ столивъ похожають.

Спынылася Прися. Чуе, колы одынъ чорнявый панычъ на неи гука:

— Дивчыно, а йды сюды.

Вона подумала та й пидийшла, бо панычъ такый прывитный ій показався, на Ивана Ложку трохы схожый.

— А чого тоби тутъ треба?—пыта.

Прися уклонылася.

— Та отсе, панычу, мисця якого шукаю, чы не узялы бъ вы мене у наймы.

Той усмихнувся, подобалося ёму, що вона ёго панычемъ назвала.

— Пидожды,—зновъ каже,—я хазяина спытаю, намъ судомойку треба було.

— Що жъ то за судомойка?—миркуе соби Прися. Мабуть, то посуду мыть; я бъ на таку роботу согласна.

Вернувся зновъ чорнявый.

— Иды, каже, до хазяина.

Пишла Прися за нымъ. Хазяинъ тежъ на пана здае, товстый та червоный, шыя якъ у кнура, и пыво пье. Подывывся на неи.

— Паспортъ у тебя есть?—пыта.

— Есть.

Выйняла билетъ, оддала. Винъ прочытавъ, знову пиднявъ голову, та й каже:

— Больше семи рублей въ мѣсяцъ я дать не могу.

«И за те слава Богу!»—подумала Прися и спытала:

— А харчи жъ ваши будуть?

— Наши,—одвича. Ну, такъ остаешься?

— Та зостанусь.

— Ну, хорошо, паспортъ у меня будетъ... А дали каже на чорнявого:

— Иванъ, проводи ее на кухню и объясни, что слѣдуетъ.

«О! й Иваномъ звуть!»—подумала Прися. Одвивъ іи чорнявый Иванъ на кухню и почавъ розсказуваты, якъ и що робыты.

Такъ несподивано знайшла соби Прися мисце у ресторани. Того жъ дня узнала вона, що Иванъ и ёго товарыши не панычи, а таки жъ якъ и вона наймыты и лакеямы звутся.

У ресторани робота не тяжка, одно мый тарилкы, та й годи. У саду що-вечора музыка грае и Приси подобалось іи слухаты. Досада тилькы брала черезъ те, що найбильшъ робыты прыходылося у ночи, а зранку и вона и лакеи булы вильни до пивдня.

Друга досада була, що лакеи разъ-у-разъ до неи чиплялыся. Хтила вона одного вдарыть по пыци, та побоялася. Спала Прися у особій кимнати изъ старою клюшныцею. На балачку клюшныця наче була прыятна, а на лыце така, якъ сова, и очыма вона наче николы й не лупала. Тилькы вдосвита бувъ Приси покій, а то цилу ничъ клюшныця ходе та дверыма грюка. Прывыкла Прися и до цёго, натомытся та й спыть якъ зарізана.

Прослужыла вона тыждень, а у вивторокъ, саме на Спаса, побигла вранци до манастыря одвидаты Ковалыху. Въ больныци Ковалыхы не було вже: сказала мылосердна сестра, що баба одужала и вже два дни, якъ выпысалася.

Выйшла Прися у двиръ, колы дывытся, ажъ Ковалыха вже шкытыльгае мижъ другымы людьмы, зъ торбынкою и зъ чайнычкомъ на плечахъ, до ворить. Наздогнала вона іи. Поздоровкалася. Зрадилы обыдви. Розсказала ій стара, що стратылася дуже, двичи молебствія правыла и де-чого для подарунку ридни своій купыла и хотилося бъ ще по церквахъ походыты, такъ тилькы тры карбованци й зосталося.

— И за тебе усе думала: ну що я казатыму Хымци, якъ вернуся до-дому?.. Хочъ бы ты одвидаты прыйшла, я тебе ще у середу дожыдала...

Прися й соби усе чысто розсказала, що зъ нею скоилося и якъ вона мисце знайшла.

— А бабуню, риднесенька, якъ то мени кортило васъ одвидаты, такъ боялася жъ; така думка, щобъ хазяинъ або клюшныця не розсердылыся. Тилькы що на мисто поступыла, та вже й гуляты пиду... Перекажить матери, що якъ мисяця добуду, то заразъ и грошей подамъ, а якъ обрыдне дуже, то, може, й сама вернуся... Отсе якъ я знатыму, що васъ у городи вже нема, то мени наче страшно показуватыметься.

Хотила Прися проводыты Ковалыху до ваксалу, такъ побоялася, щобъ не забарытысь.

Попрощалася вона зъ старою, уклонылася ій та й побигла до свого ресторану.

IX.

Найбильше чиплявся до Приси Иванъ чорнявый.

— Я тебѣ мѣсто далъ, можетъ счастье твое устроилъ, а ты, пручаешся,—каже.

Не втерпила вона: сунула ёго разъ у груды, такъ, що трохы не покотывся. Думала, що Иванъ пиде жалитысь до хазяина колы ни,—ще писля цёго наче й посмырнійшавъ.

Стала Прися трохы прывыкаты у новому мисти...

На першу Пречысту у-вечери въ садъ назбиралося дуже багато панивъ. Лакеи позатомлювалыся, подаючы напыткы й найидкы. Не прыйшлося Приси ціеи ночи й хвылыны заснуты. Уже й сонечко зійшло, а лакеи усе носылы тарилкы. Ажъ рукы у неи порепалысь одъ окропу. Скинчыла Прися свою роботу, то вже й спаты ій перехотилося, важко тилькы на серци було и голова болила.

Пишла вона на край саду, лягла биля самои кручи, пидперла голову рукамы, та й дывытся на Днипро та на зелени

лисы. Трохы блыжче выдно ій остривъ, скризь винъ порисъ лозою и лоза та одбывается у тыхій води.

И згадалося Приси, якъ вона йшла изъ старою Ковалыхою шляхомъ и отдали тежъ здавалыся дерева, и наче у води ввыжалыся.

Ливоручъ, якъ сыня стёжка, простягся Днипро, а на ёму параходъ колесамы меле та пыхка, и наче дорога по небу, лигъ за имъ дымъ.

«Оттакый же дымъ йшовъ зъ машыны, якъ мы зъ бабою сюды йихалы,—дума соби Прися. И здалося ій, наче це дуже дуже давно було. И не схотилося Приси—тяжко стало дывытысь на ту роскишъ свиту Божого, що була передъ нею. Такъ не хочется дывытысь голодному на ти найидкы та напыткы, що не для ёго повыставлювани на викни у багатій лавци.

Наче якось охляла Прися и видъ думокъ, и видъ того, що не спала ничъ. Схотилося пійты до своеи кимнаты, лягты, укрытысь зъ головою та трохы подримать, але не прійшлося. У кимнати сыдилы: клюшныця, Иванъ чорнявый, та ще одынъ молоденькій лакей Пылыпъ, що дуже смишно перекривлявъ селянъ. Воны гралы у карты, пылы горилку та выно и закусювалы якоюсь рыбою.

Прися хтила повернутысь назадъ та зновъ иты до кручи, такъ клюшныця не пустыла, ухватыла іи за руку та й почала прохать сидаты до гурту, бо казала, шо справля сёгодня свои мыныны, чы що. Лакеи тежъ давай прохаты и соби и карты поклалы.

— Да погуляйте, намъ очень даже пріятно, что прыйшла такая красивая баришня.

— Хиба я барышня?--усмихнулася на ихъ речи Прися.

— А хотя и нѣтъ, то лучше отъ всякои барышни,—обизвався Пылыпъ.

— Ни вже, я лучше пиду у садъ.

— Та сядь дурная; ну што тебѣ издѣлается, какъ посидишь, злыняешь што ли?—вмишалась клюшныця.

«А справди, посыжу зъ имы. може тугу свою розважу»,—подумала Прися, та й сила. Иванъ заразъ налывъ чарку горилкы и зачавъ іи частуваты. Прися горилкы не схотила. Тоди сама клюшныця налыла у маленьку чарочку чогось чырвоного та густого, якъ запиканка, и почала прохаты, щобъ выпыла за іи здоровья, «невже я упьюся видъ такои маленькои чарочкы? Адже на досвиткахъ доводылося и бильшъ горилкы пыты, тай ничого», подумала Прися та й покоштувала того червоного. Крипке щось та солодке показалося.

Почалы прохаты щобъ вона выпыла ище одну чарочку.

— Ну, глядить же—послидню.

Выпыла вона й дргуу Посыдила, погомонила, наче й не довго, колы голова чогось завернулася и ногы помлилы, наче вона ихъ пересыдила, або що. Хотила встаты, такъ наче извязана. Ублагалы іи лакеи, щобъ вона выпыла ще стаканъ выпа.

Чы пыла, чы не пыла Прися те выно, уже й не памьятала. Памьятала тилькы, що и клюшныця и лакеи повыходылы зъ кимнаты, а вона зосталася сама та й лягла на своій кровати.

Пisля знову вернувся Иванъ чорнявый и зачынывъ двери на замокъ... Ключъ тилькы дзенькнувъ... И скоилося зъ Присею велыке лыхо...

У-вечери дуже лаявся та крычавъ на іи хазяинъ за те, що вже не мала сылы й тарилкы въ рукахъ держаты. Наименувавъ іи пьяныцею та ще такъ, що якъ бы ридна маты почула, то може бъ и вмерла видъ такого сорому. А музыка въ саду грала якоись веселои.

Хочъ и змучена и затомлена була Прися, а знову не спала и другу ничъ, усе плакала та думала, чы вертатысь ій до-дому, чы ни. И думкы не йшлы ривно, а наче переверталыся та горилы въ іи налытій кровью голови. Роспатлалося волосся, росхрысталася сорочка. Порвала и покыдала до-долу Прися намысто, що було на шыи.

Пысля схидъ-сонця тилькы заснула вона, а прокынулася видъ тяжкого гарячого дыхання Ивана, котрый знову опынывся биля неи.

Прися вже не крычала и не прогнала його; нею опанувала якась незвычайна байдужисть, та вона навить мало тямыла, що зъ нею робылося...

Мынувся тыждень и другый,—Прися служыла у ресторани. Схудла тилькы на лыци та пожовкла и одягнута була вже инакше. Справывъ ій Иванъ кохту и спидныцю шерстяну, та черевыкы изъ резыною. Здавалося ій иноди що вона його любе.

Одного дня Иванъ напывся пьяный и незвисно зъ якои речи вылаявъ хазяина. Заразъ ёму и росчотъ далы.

Збираючысь уходыты, винъ страшенно крычавъ та лаявъ, и хазяина, и клюшныцю и Присю.

Гукнулы полыцейського и забравъ винъ Ивана.

Бильше й не бачыла його Прися. Хочъ и не дуже вона його любыла, а теперъ стало наче ще страшнише жыты въ свити.

Послаты до-дому грошей такъ вона и не здумала, та й не було ихъ, бо якъ получыла такъ Иванъ позычывъ та й не виддавъ.

Наступала осинь.

Ничъ подовшала, а ранкомъ дуже холодно бувало и шыбкы на викнахъ потилы. Вода у Днипри наче не така сыня стала, а далеки лисы, що такъ подобалося Приси на ихъ дывытысь, наче пожовклы. Меньше вже збиралося у вечери панивъ до саду.

Черезъ тыждень хазяинъ перебрався зъ усимъ своимъ ресторномъ и зъ лакеямы у городъ.

Перейихала зъ нымы й Прися и знову такъ же мыла тарилкы до самого ранку, а натомывшысь ишла до своеи кимнаты, тилькы спала тамъ уже не зъ Иваномъ, а съ Пылыпомъ.

Борысъ Лазаревськый.

Севастополь, 22 декабря 1902 г.

Украинскія колядки.[1]

II.

Колядка-легенда.

Безъ сомнѣнія, какъ всякое эволюціонное движеніе, въ какой бы области явленій оно ни наблюдалось, эволюція идей, представленій и образовъ въ интеллектуальной жизни и словесномъ творчествѣ даннагó народа слишкомъ многообразна, слишкомъ переплетена въ отдѣльныхъ элементахъ, чертахъ и черточкахъ стараго и болѣе новаго; поэтому весь матеріалъ, котораго она касается, нельзя подѣлить рѣзкими гранями на извѣстныя, вполнѣ опредѣленныя и обособленныя части. Съ этой точки зрѣнія, конечно, нельзя и колядки наши, на всемъ пути, который онѣ прошли въ своемъ развитіи, подѣлить на рѣзко обособленныя группы; но всё-же можно намѣтить, какъ предположено было мною, выдающіеся типы, носящіе особенно характерныя черты, опредѣляющія собою состояніе мысли и чувства, создававшихъ пѣсню.

Вторая намѣчаемая мною группа *колядокъ-легендъ* представляетъ собою такія, въ которыхъ появляется уже христіанскій элементъ. Этотъ элементъ не является сразу въ видѣ пѣсенъ-гимновъ, или хотя бы и пѣсенъ эпическаго характера, но болѣе или менѣе близко передающихъ евангельскій текстъ разсказа о рож-

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 2.

дествѣ Христовомъ и связанныхъ съ нимъ событіяхъ; христіанскій элементъ является вначалѣ въ колядкахъ даже не въ видѣ народной передачи апокрифовъ, а въ совершенно своеобразномъ видѣ: онъ воплощаетъ въ себѣ черты культа языческаго, со всею его непосредственностью представленій, образовъ и выраженія въ словѣ.

Для того, чтобы видѣть это яснѣе, приведемъ прежде образцы колядокъ, въ которыхъ выражено съ полной наивностью поклоненіе видимымъ силамъ природы, а именно—возвеличиваются солнце, мѣсяцъ и дождь.

№ 1.

Ой тамъ на гори свитлонька стоить.
Ой дай Боже!
А въ тій свитлоньци трое виконцивъ:
Въ першимъ виконци—яснее сонце,
Въ другимъ виконци—ясненькій мисяць,
Въ третимъ виконци—дрибненькій дощыкъ.
Чымъ ся похвалыть яснее сонце?
— Ой якъ я зійду рано на зори,
То врадуются горы, долыны,
Горы, долыны й весь мыръ на земли.—
Чымъ ся похвалыть ясненькій мисяць?
— Ой якъ я зійду темнои ночи,
То врадуется весь звиръ у лиси,
Весь звиръ у лиси и гисть въ дорози,
Гисть у дорози и рыба въ мори.—
Чымъ ся похвалыть дрибненькій дощыкъ?
— Ой якъ я впаду тры разы на ярь,
То врадуется жыто, пшеныця,
Жыто пшеныця, всяка пашныця.—
Ой дай Боже!
(Новоградволынскій уѣздъ).

Въ слѣдующемъ варіантѣ (тоже волынской колядки) тѣ-же персонажи, олицетворенные въ видѣ гостей, являются въ домъ пана-господаря:

№ 2.

Чи дома есы, господареньку?
Якъ дома есы, на зустричъ иды:
Иде до тебе трое гостонькивъ,
Трое гостонькивъ, трое свитленькихъ;
Первый гостонько—ясне сонечко,
Другый гостонько--ясный мисячыкъ,
Третій гостонько—дрибный дощыкъ.

Всѣ трое обѣщаютъ выказывать тѣ-же благодѣтельныя свойства, о которыхъ говорилось въ первой колядкѣ (радовать міръ, свѣтить, растить).

Далѣе одно изъ этихъ лицъ, небесныхъ посѣтителей, замѣняется уже именемъ Господа. Вотъ варіантъ, въ которомъ этимъ именемъ замѣняется солнце:

№ 3.

...У поли, поли церковця стоить,
Зъ трёма верхами, зъ двома викнами.
Въ першому викни—ясный мисячыкъ,
Въ другому викни—ясная зоря,
А на дверечкахъ—самъ Господь стоить,
Самъ Господь стоить, мыръ благословыть.
Или: Самъ Господь стоить, службоньку правыть,
Службоньку правыть, за господаря.
Здоровья въ твій димъ, на челядоньку,
Щастя у твій двиръ, на худибоньку.
На челядоньку, на домовую,
На худибоньку, на роговую.
(Ковельскій уѣздъ, много варіантовъ).

Въ слѣдующей колядкѣ замѣняется «товарышъ»-дождь.

№ 4.

У господаря добре діется,
Въ ёго свитлонька чысто метена,

Тисови столы позастылани,
Що на тыхъ столахъ, та все обрусы,
А ти обрусы все шовковыи.
На тыхъ обрусахъ калачи лежать,
Калачи лежать—все пшенышныи,
По пры ихъ стоять злоти кубочкы [1]);
Въ однимъ кубочку—червоне выно,
Въ другимъ кубочку—кудряве пыво,
Въ третимъ кубочку—медокъ-солодокъ.
За столомъ сыдять тры товарыши:
Першый товарышъ—яснее сонце;
Другый товарышъ—ясный мисячыкъ,
Третій товарышъ—самъ Господь зъ неба.
Выхваляется першый товарышъ,
Першый товарышъ,—ясный мисячыкъ:
— Ой якъ я зійду пизнимъ вечеромъ,
То я освичу горы й долыны,
Горы й долыны, й гостямъ дорогы;
Выхваляется другый товарышъ,
Другый товарышъ,—яснее сонце:
— Ой якъ я зійду ранымъ раненько,
То обигрію горы, долыны,
Горы, долыны, поля диброви:
Выхваляется третій товарышъ,
Третій товарышъ, самъ Господь зъ неба:
— Ой якъ я спущу дрибного дощу,
То я звеселю горы й долыны,
Горы й долыны, поля ярыны,
Жыта, пшеныци, всяки пашныци,
Всяки пашныци, всяки сивбыци.—

Есть колядки, въ которыхъ всѣ три «товарыша», какъ небесныя могучія силы, называются именами святыхъ. Но прежде

[1]) Или: «На столи стоять повни шкляночкы».

я приведу колядку, въ которой дѣйствія трёхъ товарышивъ выставляются не всегда благодѣтельными; такъ, о нихъ поётся:

№ 5.

...Мисяць хвалытся *заморозыты*
Горы, долыны, потокы-ричкы;
Сонце хвалытся розморозыты
Горы, долыны, потокы-ричкы;
Дощыкъ хвалытся зазеленыты
Горы, долыны, поля—ярыны.

Въ параллель этому и служитъ, съ указанной выше замѣной, колядка слѣдующая, почти буквально повторяющая слова о дѣйствіяхъ стихійныхъ товарышивъ, лишь съ замѣною ихъ именами святыхъ.

№ 6.

Ой тамъ на гори древо рубають,
Древо рубають, церкву будують.
У тій церковци престолы стоять,
А на престолахъ тры святці сыдять:
Першее святце—святый Мыкола,
Другее святце—святе Юрія,
Третее святце—самъ Богъ небесный.
Що першый казавъ—святый Мыкола:
Ой якъ я схочу, то й поморожу
Горы, долыны, поля, дибровы;
Що другый казавъ—святе Юрія:
Ой якъ я схочу, то й зазеленю
Горы, долыны, поля, дибровы;
А третій казавъ—самъ Богъ небесный:
Ой якъ я схочу, все розморожу,
Все розморожу и обигрію,—
Горы, долыны, поля-ярыци,
Поля-ярыци, жыта-пшеныци.

(С. Скулинъ, ков. уѣзда).

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ называются только святые, съ перемѣною имёнъ:

Що святый Юрій поля окропля,
А святый Петро жыта зажына,
А святый Илля копоньки збира.

Такая-же замѣна лицъ происходитъ и въ колядкахъ того же типа съ другимъ мотивомъ,—гдѣ выводится миѳологическій *играющій пастухъ*. Привожу прежде, какъ мнѣ кажется, первообразный варіантъ:

№ 7.

Ой изъ за горы, выйшлы туманы;
То жъ не туманы, не темна хмара,
Не темна хмара,—овець отара.
За нымы иде гречный молодець,
Злотымъ поясомъ пидперезався,
Трема трубамы та й обтыкався:
Що одна труба та роговая,
А друга труба та мидяная,
А третя труба та золотая,
Ой якъ заграе у роговую,
То врадуется весь звиръ у поли,
А якъ заграе у мидяную,
То врадуется рыба у мори,
А якъ заграе у золотую,
То врадуется весь мыръ на земли.

Въ слѣдующей колядкѣ играющими пастухами являются святые:

Захмарылася высока гора [1];
Чы хмара-туманъ, чы били вивци?

---

1) Какъ и въ предыдущей колядкѣ гора—символическое изображеніе неба.

Не хмара-туманъ, а били вивци.
За ными ходять тры вивчарыкы,
Тры вивчарыкы, а все святыи:
Ой воны ходять и трубы носять,
А все разніи, все голосніи:
Ой якъ заграе святый Мыколай
У свою трубу, у мидяную,
Пидуть голоса въ темныи лиса,
Горы-долыны та й побилиють;
А якъ заграе та святый Юрій
У свою трубу, у роговую,—
Горы, долыны зазеленіють;
А якъ заграе самъ Богъ небесный
У свою трубу, у золотую,
Пидуть голоса по-пидъ небеса,
Райскіи двери одчынылыся,
Ясныи свичкы засвитылыся.

Къ этимъ колядкамъ, записаннымъ мною въ новоградв. уѣздѣ, относится также одинъ небольшой отрывокъ изъ ковельскаго уѣзда потворяющій начало предыдущей колядки, съ добавкою, что на пастухѣ—«сывый жупанець» [1]). При всей кажущейся исключительности содержанія этихъ колядокъ, говорящихъ о стихійныхъ «товарышахъ» и небесныхъ пастухахъ, есть много варіантовъ ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ малорусскихъ [2]). Я думаю, что хотя въ нихъ и упоминаются имена христіанскихъ святыхъ, но колядки эти—до-христіанскаго происхожденія; мнѣ кажется, на приведенныхъ параллеляхъ совершенно ясно видно, какъ новыя имена были только приложены къ представленіямъ и олицетвореніямъ очень древняго миѳа. Это мнѣніе согласуется съ объясненіями глубокаго знатока нашей народной пѣсенности г-на Потебни, образовъ стараго миѳа и противорѣчитъ мнѣнію г. А. Веселов-

[1]) Риѳмуется съ словами «стадойко овець».

[2]) Они есть во всѣхъ малор. этногр. сборникахъ.

скаго, который думаетъ иначе,—говоря слѣдующее: «Нельзя сомнѣваться, что типъ колядки о посѣщеніи дома святыми и Богородицей или тремя товарищами сложился подъ вліяніемъ рождественскихъ обходовъ, въ коихъ являлись Богородица и Риздво (Берта) и 3 царя волхва».

Конечно, это мнѣніе дѣлается понятнымъ, разъ мы знаемъ, какое большое значеніе придаетъ г. Веселовскій вліянію христіанской легенды и связанныхъ съ нею обычаевъ на наши духовные стихи, въ томъ числѣ и на колядки, но въ данномъ случаѣ текстъ вышеприведенныхъ колядокъ совершенно не даетъ основанія для такого сближенія, тѣмъ болѣе въ такой категорической формѣ. Я уже не говорю, что странно ставить «Риздво» *синонимомъ* Берты, но и «рождественскіе обходы» съ тремя волхвами [1]) никакъ не могли обусловить созданіе колядокъ *того* типа, къ которому относятся колядки о «трёхъ товарышахъ». У насъ есть колядки, обусловленныя вліяніемъ христіанскихъ «дѣйствъ», въ томъ числѣ и «вертепныхъ» представленій, въ которыхъ три волхва играютъ извѣстную роль, но такія колядки имѣютъ совсѣмъ другой характеръ. Я возвращусь къ нимъ въ главѣ о колядкѣ-виршѣ, теперь же скажу, что, по моему мнѣнію, колядки о трёхъ товарышахъ и играющемъ пастухѣ, или трёхъ пастухахъ, несмотря на упоминаніе въ нихъ именъ христіанскихъ святыхъ, должны были сложится внѣ всякаго вліянія «рождественскихъ обходовъ трехъ царей волхвовъ»; слишкомъ очевиденъ ихъ гораздо болѣе древній, космогоническій характеръ не говоря о томъ, что въ приведенныхъ колядкахъ безъ всякаго даже маскированія являются дѣйствующими лицами «ясне сонечко», «свитлый мисячокъ» и «дрибный дощыкъ», самые «святи овчари» слишкомъ напоминаютъ и небесныхъ пастуховъ ведъ, и Аполлона, «гоняющаго стада» - облака, этого Бога-музыканта, и гремящаго Тора, и меньшихъ боговъ съ тѣми же свойствами. Все это божественные герои того-же небеснаго миѳа,—миѳа солнечнаго, облачнаго и громового (съ его свѣтомъ, огнемъ, звукомъ и благодѣтельною влагою).

---

[1]) Если они когда-либо у насъ были?

Мнѣ кажется, что тотъ же образъ «небеснаго музыканта» виднѣется и въ слѣдующемъ отрывкѣ колядки, находящейся въ сб. Чуб. (III т. стр. 429):

У поли, поли
Плужокъ ходыть,
А за тымъ плужкомъ
Самъ Богъ изъ рожкомъ.
А Божа Маты...
Оддай, Господы, рогъ...

Конечно, для объясненія отрывочныхъ пѣсенъ, притомъ для объясненія въ нихъ образовъ, уже утратившихъ для поющихъ свое прежнее символическое значеніе и потому приводящихся сбивчиво [1]), требуется большая осторожность. Несоблюденіе этой осторожности послужило причиной тому, что г. Ящуржинскій, объясняя [2]) миѳологическое значеніе вожденія «козы», цитировалъ этотъ же отрывокъ, видя въ немъ отраженіе образа «Волоса—скотьяго бога»; очевидно, г. Ящ-скій принялъ рожокъ не за инструментъ, а за рогъ растущій... Между тѣмъ какъ, принимая во вниманіе колядки, гдѣ говорится о трубящихъ святыхъ, слѣдуетъ думать, что здѣсь говорится—объ инструментѣ. (Да и слова, хотя отрывочныя, «оддай, Господы, рогъ», показываютъ, что рѣчь идётъ о вещи, которую можно отдавать, или не отдавать, о вещи движимой)..

Изображенія же Бога въ видѣ пастуха именно съ рожкомъ или другимъ инструментомъ (свирѣлью), находило себѣ мѣсто даже въ представленіяхъ первыхъ христіанъ, уже отвергнувшихся отъ языческой религіи, фанатическихъ приверженцевъ религіи отвлеченной,—но не оторвавшихся отъ языческихъ образовъ божества.

---

[1]) Съ «рожкомъ» выведенъ въ пѣснѣ не богъ-пастухъ, а богъ-плугатарь, который въ лучше сохранившихся варіантахъ изображается съ «пугою».

[2]) Въ Кіев Ст. за 1889 г. февр. («Бѣлор. колядки»).

Въ римскихъ катакомбахъ,—мнѣ лично приходилось этому удивляться лѣтъ 20 назадъ,—можно видѣть изображенія Христа въ видѣ Апполлона, Орфея, а Дѣву Марію въ видѣ Діаны и другихъ языческихъ богинь. Мнѣ это многое объяснило и часто вспоминалось впослѣдствіи, при мысляхъ объ аналогичныхъ явленіяхъ въ мірѣ искусства и идей.

Но возвратимся къ тексту волынскихъ колядокъ, въ которыхъ главныя дѣйствующія лица называются святыми и низводятся уже на землю. Къ какому культу могутъ относиться слѣдующія колядки?

№ 8.

Ой ты спышъ, чи ни, господареньку?
Святый вечеръ!
Пидведы свою та головоньку.
Подывыся ты у виконечко,
Уже билый день, зійшло сонечко;
По твоимъ двори самъ Господь ходыть,
Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
Ставыть волыкы та у тры плугы,
А за рикъ, за два буде въ чотыри.

—

Ой ты спышъ, чи ни, господареньку?
(Повторяются слѣдующіе три стиха).
По твоій стайни самъ Господь ходыть,
Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
Ставыть коныкы у тры табуны,
А за рикъ, за два буде чотыри.

—

...По твоихъ хливцяхъ самъ Господь ходыть,
Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
Ставыть коривкы на тры черидкы,
А за рикъ, за два буде чотыри.

—

...По твоимъ току самъ Господь ходыть,
Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
Ставыть стиночкы[1]) у тры рядочкы,
А за рикъ, за два буде чотыри.

—

...Въ тебе въ комори самъ Господь ходыть,
Ой ходыть, ходыть, та все лагодыть:
Кладе золоти́, у тры боднонькы [2]),
А за рикъ, за два буде чотыри.

—

...Въ тебе въ пасици самъ Господь ходыть,
Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
Рои, па-рои ставыть въ тры ряды,
А за рикъ, за два буде чотыри.

—

№ 9.

Ой ишло, ишло тры пахолыкы,
Святый вечеръ, тры пахолыкы!
А стричае ихъ Божая маты:
— Чи не бачылы сына моего,
Сына моего, Бога вашого?
Ой одынъ каже:—я-жъ бо й не бачывъ,
А другый каже:—я мовъ забачывъ,
А третій каже:—я й добре бачывъ:
У господаря за столомъ сыдыть,
За столомъ сыдыть, тры суды судыть:
Одынъ судъ судыть—у поли вроджай.
Другый судъ судыть—жывотынци плидъ,
Третій судъ судыть—пчилци ярыи,
Пчилци ярыи,—меды густыи,

---

1) Стинкою называется на полѣсьи плотный рядъ сноповъ въ клунѣ.

2) Круглая деревянная утварь съ крышкою, служитъ какъ сундукъ.

Меды густыи,—гости свитлыи.
А за тымъ словомъ та й бувай здоровъ,
Ой самъ собою, зъ своею жоною,
Зъ своею жоною, изъ дитойкамы,
Ще й изъ блызькымы сусидойкамы.
(Ковельскій уѣздъ, с. Запрудье).

№ 10.

Ой рано, рано куры запилы,
А господыня ще раній встала.
Господынейко, одчыняй двери,
Маешъ гостойкы въ своёму двори;
Одчыняй двери вси тисовыи,
Стелы килымы та все новыи,—
Маешъ гостойкы вельмы свитлыи:
До тебе иде свята Пьятюнка,
Даруе тебе отъ якъ матюнка:
Въ коморы иде замыканыи,
Одчыня скрыни малёваныи:
У одну кладе—тонке прядево,
У другу кладе—биле полотно,
У третю кладе—добрее сукно—
Свята Пьятныця дары давала,
Бо господыня мудрая була:
Що у пьятныцю кужиль не пряла,
Свичъ не сукала, хустя не прала,
Хустя не прала, въ золу не клала.
А за цымъ словомъ бувай здорова,
Сама собою и зъ дитойкамы,
И зъ кумойкамы, зъ сусидойкамы!
(Луцкій уѣздъ, с. Незвиръ).

Таковы въ колядкахъ этого типа божества, сходящія на землю. Несмотря на христіанскія имена, онѣ совершенно не имѣютъ отвлеченнаго христіанскаго характера, напротивъ, являются

въ совершенно языческомъ олицетвореніи, съ чѣмъ согласуются и ихъ дѣйствія, на пользу хозяевъ (къ которымъ онѣ какъ бы призываются),—среди самой реальной обстановки. Въ этомъ отношеніи Пьятныця ничѣмъ не отличается отъ другихъ божествъ,—она одинаково языческая по представленію о ней и одинаково христіанская по имени. (Св. Параскевея,—замѣняющая Пятницу потому, что Παρασκευή по гречески значитъ пятница). Пятница играетъ большую роль въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ и представленіяхъ; во всѣхъ нашихъ этнограф. сборникахъ, старыхъ и новыхъ (послѣднее собраніе—г. В. Милорадовича) [1]) есть записанныя въ разныхъ мѣстахъ сообщенія о ней, прозаическія, отчасти и стихотворныя (изъ послѣднихъ напомню извѣстный «стихъ о пятницѣ», имѣющій значеніе амулета). Народъ нашъ представляетъ себѣ Пятницу въ совершенно реальномъ видѣ,—въ образѣ женщины, съ исколотыми пальцами и пораненными ногами, причиною чему служитъ то, что не всѣ чтятъ ея день, а прядутъ и рубятъ дерево въ пятницу. «Св. Пьятныця»—божество, могущее карать и миловать.

На волынскомъ полѣсьи мнѣ не разъ приходилось слышать разсказы о томъ, что Пятница приходитъ въ хату и можетъ спутать, вообще испортить пряжу тѣмъ, кто «не шануе» ея дня, и, наоборотъ, невидимо напрясть, прибавить на веретенахъ пряжи тѣмъ, кто въ пятницу не прядетъ.

Пятницу сближаютъ съ нѣсколькими женскими божествами, въ миѳологіи разныхъ народовъ (съ Фреей, Венерой, Бертой) и несомнѣнно, что *общія* черты есть. Но, скажемъ и здѣсь,—сходство не есть заимствованіе; въ особенности-же нѣтъ основаній утверждать, что вѣрованія въ пятницу сложились подъ вліяніемъ христіанскихъ апокрифическихъ жизнеописаній святыхъ [2]) и церковнаго поученія соблюдать постъ въ пятницу. Скорѣе могло быть наоборотъ...

---

[1]) Изданіе 1902 г. Малор. нар. повѣрья о Пятницѣ.

[2]) См наведенія этого рода (въ Опыт. разв христ. легенды Веселовскаго), по поводу средневѣковыхъ жизнеописаній.

По тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ нашей этнографіи, «Пьятныця» божество несомнѣнно происхожденія языческаго и очень древняго. Это божество домашняго, такъ сказать, женскаго обихода, поэтому у нея есть общія черты съ «Покровою», «св. Недилею», а такъ какъ въ народныхъ обращеніяхъ къ Пятницѣ [1]) есть эпитеты «Пьятинка-матинка», «свята Пьятныця наша пречыстая матинка»,—«небесна царыця», то, пожалуй, можно предположить, что въ послѣдней приведенной колядкѣ, на ряду съ приходомъ Господа, Пятница (гостья «вельмы свитлая», «отъ, якъ матюнка»), является какъ бы синонимомъ Дѣвы Маріи, отождествляется съ нею; но вполнѣ утвердительно сказать этого нельзя. Справедливо замѣчаетъ покойный Потебня, что «сомнѣніе полезнѣе утвержденія»... Какъ-бы то ни было, если, по имени, то есть по эпитетамъ, «Пьятинка-матинка» и сходится съ «Маты-Божою» то все-таки по существу она является въ приведенной колядкѣ въ совершенно языческомъ представленіи, т. е. такъ, какъ она является и во всѣхъ прозаическихъ народныхъ разсказахъ о ней.

Но въ какихъ же чертахъ является въ колядкахъ даннаго типа и сама Дѣва Марія? Въ приведенныхъ мною образцахъ, въ колядкѣ № 9, она является впервые, какъ ищущая сына. Этотъ мотивъ сближаетъ колядку № 9 съ тѣми колядками (имѣющимися въ нѣсколькихъ варіантахъ въ сборникахъ Головацкого и Чуб.), гдѣ Христа ищетъ, или видитъ—(у господара, или въ другомъ мѣстѣ)—зоря, «мисяцева сестрычка». Также точно колядка-легенда и далѣе связываетъ съ Дѣвою Маріею ту символику, которая вообще въ народной пѣснѣ связывается съ зарей, утренней зарей, близкой къ солнцу, являющимся въ народной фантазіи то ея милымъ, то ея сыномъ. Зарю же наша пѣсня постоянно олицетворяетъ въ дѣвушкѣ, чистой и прекрасной. И замѣчательно, какъ запѣвы колядокъ-веснянокъ, гдѣ говорится о дѣвушкѣ, сходны съ запѣвами колядокъ о Дѣвѣ Маріи: «Дивка Ганнуся—биль билыла... хустя прала» и «Дива Марія—рызы

---

[1]) См. молитвы въ сборникѣ Драгоманова «Малор. преданія».

прала»; «дивчына саду стерегла. мицно заснула»,—въ такой-же ситуаціи изображается и Дѣва Марія,—«Божее дытя заколыхала, твердо уснула». Но пусть говорятъ сами тексты колядокъ, болѣе полно.

1, а).

Була въ батенька нова свитлонька,
А коло неи садокъ садженый,
Садокъ садженый, злотомъ ряшеный [1]),
Стерегла жъ ёго дивка Ганнуся и т. д.

Въ параллель къ этому:

1, b).

Пане господару, твій двиръ осаженъ,
Твій двиръ осаженъ все выноградомъ,
А въ выногради свитлонька стоить,
А въ тій свитлоньци Дива Марія.

2, а).

Тамъ у бережку, на тыхій води,
Прала дивчына (имя) шовкове хусте,—
Вишала ёго на срибнимъ шнурку;
Десь узялыся буйныи витры,
Понеслы хусте по тыхій води.

(Хусте находить милый).

2, b).

Ой на ричци на Ордани
Тамъ Пречыста рызы прала,
Повисыла на ялыни;
Прылетилы два ангелы,
Взялы рызы на крылечка,

1) Рясá, роса—постоянная спутница, зари.

Та понеслы на небеса,
А небеса розтворылысь,
Вси святыи поклонылысь.

Или конецъ такой:

...Сами дзвоны задзвонылысь,
Сами свичи запалылысь,
Царськи врата отворылысь.
(Господь надѣваетъ ризы).

Очень любимымъ мотивомъ въ колядкахъ-легендахъ, гдѣ говорится о Дѣвѣ Маріи и рожденномъ Христѣ, является--«рожевый садъ», «квитка зъ рожи» и просто «рожа», которая есть однимъ изъ любимыхъ въ нашихъ обрядовыхъ пѣсняхъ (купальск., весн. и свад.) символомъ дѣвичьей красоты и вообще дѣвичества. Да и не только въ обрядовыхъ: всякому, сколько нибудь знакомому съ малор. пѣснями, должны придти на память отрывки въ родѣ.—

— Ой колы мы поберемся, *дивчынонько-рожe*,
У осены, козаченьку, якъ Богъ намъ поможе».

Вслѣдъ за полнымъ уподобленіемъ, синонимомъ, какъ это вообще бываетъ въ пѣснѣ и миѳѣ, та-же «рожа»—*синонимъ* является уже *атрибутомъ:* дѣвушка «рожою» заквитчуется, даетъ её милому, посылаетъ своему роду:

— Ой зирву я зъ рожи квитку,
Та й пущу на воду,
Плывы, плывы, зъ рожи квитко,
Ажъ до мого роду...

Сочетаніе рожевого цвиту съ водою считается, съ полнымъ основаніемъ, отраженіемъ представленія о зарѣ (какъ «розоперстой» Ἠώς), что «росыцею умывается, у крыныцю выдывляется».

Но возвратимся къ тексту колядокъ:

А. (колядка дивчынѣ).

Ой чого ты, роженько, сама въ горо́ди,
Рожо моя повна, червона, багрова?
Та чого ты, Марьечко, сама у батенька?
(Не сама,—есть браты и мылый).

В).

У пана господаря двиръ у горожи,
Двиръ у горожи, у червоній рожи,
А туды збиралысь та уси святіи,
Та уси святіи, до Дивы Маріи,
Щобъ Хрыста назваты, имья ёму даты.

А вотъ цѣльная колядка, съ тѣмъ же символомъ, относящимся къ Маріи и переходящимъ къ Христу.

№ 11.

Ой на ричци тыхая вода стояла,
Тамъ Панна Марія билого сына купала,
А укупавшы, въ тонки рубочкы вповыла,
А уповывшы, на престоли положыла,
Рожеву квитку ёму у ручку дала.
Ой квито, квито, рожева квито ясна́я,
Усёму свиту, усёму мыру дывная!
(Ковельск. уѣздъ, с. Облапы).

Любопытна колядка, говорящая о самомъ рожденіи Христа изъ «рожи».

№ 12.

Ой тамъ на гори церковця стоить,
Зъ трёма викнамы, зъ трёма дверямы,
А у церковци престолы стоять,
За престоламы святыи сыдять:

За першымъ столомъ сыдыть Сусъ Хрыстосъ,
За другымъ сыдыть святе Илія,
За третимъ столомъ Дива Марія.
Надъ Сусомъ Хрыстомъ янголъ спивае,
Надъ святымъ Иллемъ свичка палае,
Надъ Маріею *рожа процвита*,
А зъ теи рожи та вылетивъ птахъ,
Полетивъ же винъ по-пидъ небеса,
Ёму небеса ростворитеся,
Уси янголы уклонитеся.
(Ковельскій уѣздъ во многихъ варіантахъ).

Повидимому, «рожа» прикрѣпилась въ колядкахъ еще и по созвучію съ словомъ «Рожество»; по крайней мѣрѣ, это символическое слово «рожа», является иногда и безъ непосредственнаго отношенія въ Дѣвѣ Маріи, а какъ символъ самого «Рожества», о чемъ прямо говорится въ слѣдующей колядкѣ; да и нѣтъ ничего страннаго въ народной символизаціи Рождества Христа цвѣткомъ: вѣдь даже сама богословская псальма говоритъ о Рождествѣ Христовомъ—«днесь солнце возсія міру», а однимъ изъ символовъ солнца, по народнымъ представленіямъ, есть также цвѣтокъ; поэтому если даже богословская, завѣдомо книжная, псальма поетъ о Рождествѣ—«Цвѣтъ мысле́нный днесь ся родитъ», или же—«Цвѣтъ красній произниче», то тѣмъ болѣе можетъ пѣть наивная, простонародная колядка такъ:

№ 13.

На Ордани тыха вода стояла,
Тамъ Пречыста свого сына купала;
А скупавшы, въ пелюшечкы вповыла,
А сповывшы въ васылечкы вложыла.
Надъ нымъ волы своимъ духомъ дыхалы,
А янголы надъ нымъ писни спивалы.
Туды ишло та тры цари на зори,
А прынеслы Ёму тры дары дороги:

Що перший царь Його злотомъ дарувавъ,
А другый царь святымъ Рожествомъ назвавъ,
А третій царь золотую *квитку* давъ.
Тожъ *не квитка тожъ святе Рожество*
Всёму мыру воно радисть прынесло.
(Звягель,—г. Новоградволынскъ).

Слова Іордань и «цари» служатъ отголоскомъ уже евангельскаго преданія; но эти отголоски совершенно поглощены старымъ содержаніемъ и складомъ колядки. Любопытно сравнить эту колядку съ предпослѣднимъ номеромъ 11-мъ,—тогда явственно выступитъ болѣе старая основа, т. е. представляемая колядкою № 11. Не говоря о томъ, что «тыхая вода» была въ пѣсняхъ, конечно, раньше, чѣмъ «Іордань», но и сами цари, называющіе Христа «Рожествомъ», дающіе ему квитку—по существу выходятъ иными, чѣмъ евангельскіе волхвы... Кажется, они по происхожденію древнѣе евангельскихъ, во всякомъ случаѣ они сошлись съ мотивами болѣе старыми, чѣмъ въ то время, когда къ нашему народу могла проникнуть книжная христіанская традиція.

Говоря о рожденіи Христа, но сильно отступая при этомъ отъ евангельской передачи этого событія, наша народная колядка-легенда подъ словомъ «Рожество» какъ бы представляетъ себѣ не событіе, рожденіе,—а особое миѳическое олицетвореніе:—въ иныхъ варіантахъ, среди именъ святыхъ, (св. Петра, св. Иліи [1]), упоминается какъ лицо—«святе Рожество» св. Риздво». Среди этихъ варіантовъ особенно странною является въ сборникѣ Чубинскаго, (стр. 351, т. III), слѣдующая колядка (записанная въ подольской губ., въ ушицкомъ уѣздѣ):

а.

А вси святи ослономъ силы
Тилькы нема святого Риздва.

---

[1]) Являющихся на небѣ, или на землѣ.

Рече Господь святому Петру:
Петре, Петре, послуго моя,
Пиды, прынесы святе Риздво!
Це ввійшовъ Петро, якъ пивъ дорогы,
Здыбало Петра чудо чудное,
Чудо чудное, вогнемъ страшное.
Петро жахнувся, назадъ вернувся.
Рече Господь до святого Петра:
— Ой Петре, Петре, послуго моя,
Чомъ ты не прынисъ святе Риздво?
— Ой здыбало мене чудо-чудное,
Вогнемъ страшное,
А я жахнувся, назадъ вернувся.
Ой не есть-то, Петре, ніяке чудо,
А то есть святе Риздво;
Було ёго взяты, Петре, на рукы,
Сюды прынесты, па стилъ покласты.
Зрадовалы бы ся вси святыи,
Що передъ нымы Риздво сило.
Ой дай Боже!

Слѣдующій варіантъ, начинающійся на той же страницѣ того же сборн. Чуб., даетъ ключъ къ пониманію этого образа, на первый разъ такого страннаго.

b.

До пана господаря самъ Богъ завитавъ,
Госпо́дь зо своимы святымы.
А вси святи ослономъ силы,
Тилькы нема святого Риздва.
Сталы судъ судыть, на що́ врожай буде.
А Господь каже: Петре, Петре, послуго моя,
Послужы мени бардзо-немного.
Въ далеку дорогу.
Ой вже Петрови, ой пивъ до́рогы,

Здыбается зъ святымъ Иліемъ,
Здыбается, та й пытается:
— Святый Илія, чомъ на судъ не йдешъ?
— Я на судъ не йду, часу не маю,
Часу не маю, пшеныцю стережу,
Видъ буйного витра;
Щобъ колосочка не хылыло...
(Помѣтка, что записано тамъ же, въ ушицкомъ уѣздѣ).

Варіантъ этотъ, очевидно, прерванный,—въ концѣ какъ-будто не достаетъ чего-то (обыкновенно, въ законченныхъ варіантахъ послѣдняя строка съ чѣмъ-нибудь риѳмуется, хоть отдалённо), да и записывавшій поставилъ въ концѣ многоточіе. Но даже и при томъ, что́ въ этомъ варіантѣ есть, видна тождественность «вогнемъ страшного» Риздва,—ужаснувшаго св. Петра,—съ Иліею, на котораго народныя представленія перенесли свойства громовника, гремящаго по небу колесницею и палящаго небеснымъ огнемъ копы («вогнемъ страшного»)... Такъ какъ божество упоминается въ благожелательной колядкѣ,—(святые «завитали во дворъ до господаря»),—то на этотъ разъ оно милостиво: не палитъ, а стережетъ копы.

Такъ во всѣхъ колядкахъ, названныхъ мною *колядки-легенды*, проступаютъ черты стараго языческаго типа, сливающагося съ именами христіанскими.

Предлагаемыя ниже колядки говорятъ о событіяхъ евангельскихъ, лишь касаясь ихъ, или же берутъ только имена лицъ священной исторіи, привязывая къ нимъ событія, въ евангельской передачѣ не находящіяся вовсе.

№ 14.

Панна Марья мандрувала,
Мандруючы заплакала;
Мандрувала въ чысте поле,
Ажъ тамъ хлопко плужкомъ оре.
— Помагай-бигъ тоби, хлопку,

Що ты робышъ?—Сію пшонку [1]).
— Теперъ сіешъ, завтра зажнешъ,
Господь тоби допоможе.—
Биглы жыды у погоню,
Надыбалы хлопка въ полю.
— Помагай-бигъ тоби, хлопку,
Що ты робышъ?—Сію пшонку.
— Чы не бачывъ Панны Марьи,
Якъ тутенька мандрувала?
— Въ той часъ бачывъ, въ той часъ выдивъ,
Якъ сю пшонку въ полю сіявъ.—
Тіи жыды полякалысь,
Каменямы поставалы.
Ой гоните, не гоните,
Панны Марьи не зловыте.
Панна Марья мандрувала,
Мандруючы заплакала.
Мандрувала цилу ничку
До славного чоловичка.
— Ой ты славный чоловичку,
Переночуй [2]) хоть сю ничку!
— Есть у мене шопа [3]) въ полю,
Панни Марьи для спокою.
Панна Марья ночувала,
Тая шопа злотомъ стала;
Тая шопа злотомъ стала,
На цилый свитъ засяяла.

(С. Запрудье, Ков. у).

№ 15.

Въ Почаеви, въ манастыри,
Божа Маты сына мала (2)

[1]) Пшеныцю.

[2]) Переночуй мене—частый оборотъ въ укр. пѣснѣ. (Ой ты переночуй мене молодого).

[3]) Сарай (по большей части для сѣна).

У пелюшкы вповывала;
У пелюшкы уповыла,
На престоли положыла,
Одъ престола одступыла.
А янголы кныгы бралы
И всихъ святыхъ пыталы:
Яке ёму менне даты?
— Даймо ёму святый Пéтро.—
Божа Маты не вхвалыла (2)
Уси кныгы зачыныла,
Одъ престола одступыла.

—

Въ Почаеви въ манастыри...
(повторяется все то же, что вначалѣ, до слѣдующихъ словъ):
— Даймо ёму святый Пáвло.
Божа Маты не вхвалыла (и т. д.)
Въ Почаеви у манастыри
Божа Маты сына мала
(опять повторяется все то же, до слѣдующаго стиха):
— Даймо ёму самъ Сусъ-Хрыстосъ!
Божа Маты ухвалыла,
Божа Маты ухвалыла,
До престола прыступыла,
Уси кныгы одчыныла,
Усе свитло засвитыла;
На ручейкы сына брала,
У лычейко цилувала!

(С. Запрудье, Ков. уѣзда [1]).

№ 16.

Пане Господарю, выйды-но на двиръ!
Святый вечоръ, выйды-но на на двиръ! [2])

---

[1]) Та же колядка была записана мною и въ Звяглѣ.

[2]) Послѣ каждаго стиха—«святый вечоръ» и вторая половина стиха.

Выйды-но на двиръ,—щось тоби давъ Бигъ:
Ой давъ тоби Бигъ нову крыныцю,
А въ тій крыныци—Пресвятая Дива,
Пресвята Дива сына купала.
Прыйшло до іи *трое жыдове*:
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла ёго въ велыки лиса.—
Пишлы жыдове лисы рубаты,
Лисы рубаты, Хрыста шукаты;
Лисы зрубалы, Хрыста не знайшлы.
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла жъ ёго въ густыи гаи.—
Пишлы жыдове гаю рубаты.
Гаю рубаты, Хрыста шукаты.
Гаи зрубалы, Хрыста не знайшлы.
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла его въ шовкову траву.—
Пишлы жыдове траву косыты;
Траву скосылы, Хрыста не знайшлы.
Пресвята Дива Хрыста купала.
Прыйшло до неи трое жыдове:
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла жъ ёго на сыне море.—
Море вылылы. Хрыста не знайшлы.
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла жъ ёго на круту гору.—
Гору скопалы. Хрыста не знайшлы.
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла жъ Хрыста по-пидъ небеса.
Вы—те, небеса, росворитеся,
Янголы Хрысту уклонитеся!

(С. Запрудье, Ковельск. у.)

№ 17.

Ой сивъ Хрыстосъ та вечеряты,
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!

Прыйшла до ёго та Божая Маты.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ! [1]
— Ой сыну мій, сыну мылый!
Прошу жъ тобе ключи даты.—
— На що, Маты, ключи даты?—
— Гришни души выпускаты,
На свитъ билый погуляты.
Тилькы жъ теи не пустыты,
Що тяженько зогришыла
И покуты не зложыла:
Що батенька не слухала,
Ридну неньку зневажала
И простыты не вблагала,
Що пьяныци не глядила,
Що сыроту окрывдыла.—
(Звягель,—г. Новоградволынскъ.)

Въ такихъ колядкахъ, какъ приведенныя, нѣкоторые видятъ отраженіе апокрифической литературы, считаютъ даже, что именно она и создала ихъ. Но что такое самые апокрифы?.. Развѣ они, эти произведенія непризнанныхъ книжниковъ, не содержатъ въ себѣ элементовъ бродячихъ народныхъ вымысловъ, знакомыхъ подробностей, привычныхъ образовъ, подходящихъ къ извѣстной ситуаціи?

Такимъ образомъ и въ приведенныхъ колядкахъ развѣ подробности, при которыхъ Дѣвѣ Маріи удается уйти отъ преслѣдующихъ жидовъ и спрятать сына, не напоминаютъ подробностей нашихъ сказокъ,—ухода доброй царевны или царевича отъ змія, или злой мачехи?

Таковы колядки-легенды. Онѣ, какъ мы видѣли, имѣютъ глубокіе корни въ до-христіанскихъ миѳическихъ представленіяхъ: христіанское книжное вліяніе не породило ихъ, а легло добавочными красками на ихъ старую основу, которая довольно прозрачно сквозь нихъ просвѣчиваетъ.

---

[1]) Послѣ каждаго стиха.

Съ точки зрѣнія, такъ сказать, психологической, христіанское вліяніе все же внесло элементъ морализующій. Въ то время какъ колядка-веснянка болѣе жизнерадостна, эта болѣе вдумчива,—въ ней нерѣдко выдвигается вопросъ о грѣхѣ и покаяніи. Правда, и въ этомъ направленіи можно находить старые прототипы: такъ, есть у насъ богатая варіантами древняя колядка-легенда о томъ, какъ мѣсяцъ звалъ съ собою «сестрыцю зорю», она же отказалась, пошла на землю—посмотрѣть, такъ ли живутъ люди, какъ должно, какъ было «зъ передъ-вику», и находитъ, что не такъ: «братъ на брата мечъ пидиймае», «сестра на сестру чары готуе» и т. д. Правда, интересъ къ этимъ этическимъ вопросамъ выражается въ очень наивной формѣ: такъ, зорю прежде всего интересуетъ,—«чы сытять меды, чы варять пыво» къ «роковымъ» праздникамъ?..

Въ колядкахъ, затронутыхъ элементомъ христіанскимъ, эти вопросы опущены, берутся только вопросы болѣе важные; затѣмъ относительно «гришнои души» выдвигается играющее такую большую роль въ кругу христіанскихъ идей—покаяніе (напр., въ послѣдней колядкѣ: «которая згришыла и покуты не зробыла»... «ридну неньку зневажала и простыты не вблагала»...)

Относительно музыкальныхъ мотивовъ, на которые поются колядки этого типа, можно сказать, что многія изъ нихъ поются на мотивы прежніе; но въ нѣкоторыхъ мелодіяхъ слышатся уже минорныя ноты. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія, по задушевности минорной мелодіи, послѣдняя колядка («Ой, сивъ Христосъ та вечеряты»), довольно распространенная, исполняемая, съ незначительными варіаціями, «по всихъ Украинахъ».

Не могу не привести здѣсь одной сценки, связанной въ моемъ воспоминаніи съ этой колядкой

Это было очень давно, еще въ дни моего «невозвратнаго дѣтства»,—въ полтавской губ., въ г. Гадячѣ. Былъ одинъ изъ рождественскихъ вечеровъ; старшіе куда-то уѣхали, оставивъ насъ, дѣтей, на вѣрномъ попеченіи разныхъ Улянъ и Марынъ (тогдашнихъ нашихъ крѣпостныхъ),—съ которыми-то мы и сидѣли въ

дальней комнатѣ, гдѣ помѣщались ближайшія дворовыя женщины. Какъ мы, такъ и всѣ остальные были довольно свободны въ своемъ времяпрепровожденіи; хорошо помню, что мы, въ сообществѣ нашего друга дѣтства, «Параскы малои», занимались перетапливаніемъ въ серебряной ложкѣ, на свѣчкѣ, кусочковъ сахара,—для того чтобы вылить этотъ сплавъ въ чашку съ водой и получить леденецъ (въ то далекое время конфекты, даже для панскихъ дѣтей, не были такимъ банально доступнымъ благомъ, какъ теперь). Во время нашихъ кондиторскихъ занятій, пришли колядники, взрослые хлопцы,—тоже «наши», изъ нашего ближайшаго хутора. Ихъ было всего двое; вѣроятно первые дни они колядовали у себя, теперь же, попавши въ городъ, зашли и къ намъ, «до своихъ панивъ». Ихъ позвали въ комнаты, и мы даже оставили для нихъ свое занятіе. Надо полагать, что, по обычаю, они пропѣли вначалѣ кому-нибудь изъ насъ,—на то время представлявшихъ хозяевъ,—соотвѣтствующую величальную колядку. Можетъ быть, это было что-нибудь въ родѣ «Ой ягидочко, красна панночко, N!».. Эта колядка также памятна мнѣ еще съ тѣхъ временъ; но почему то вызываетъ всегда въ моей памяти цѣлую гурьбу колядующихъ, стоящихъ подъ окномъ нашего отцовскаго дома и потомъ призываемыхъ «у горныци»; въ этотъ же разъ колядовавшихъ было всего двое и изъ пѣнія этихъ случайныхъ колядниковъ у меня осталась въ памяти не эта, или подобная ей свѣтло-веселая колядка, а именно эта—«Ой сивъ Хрыстосъ та вечеряты!...» Былъ ли у главнаго пѣвца особенно хорошій голосъ, или же сами слова и трогательная мелодія колядки могли на насъ,—(составлявшихъ эту наивную аудиторію, не слыхавшую ни концертовъ, ни оперъ)—произвесть такое впечатлѣніе, но только я и теперь, черезъ многіе годы, какъ будто вижу передъ собою стоящихъ у двери колядниковъ, какъ будто слышу: «...Прыйшла до Ёго та Божая Маты, щедрый вечоръ»!.. Можетъ быть, пѣніе было особенно проникновеннымъ, но только я хорошо помню, что наша главная пѣстунья, баба Марына, заплакала, а за нею и мы, дѣти... Такую роль играютъ колядки среди непосредственной аудиторіи...

Съ тою же колядкою я встрѣтилась опять, спустя значительное время,—на Волыни, гдѣ я жила уже своимъ домомъ, въ Звяглѣ (такъ мѣстные люди зовутъ этотъ уѣздный городокъ, перекрещенный оффиціально въ Новоградволынскъ). Признаюсь, что въ первое же Рождество, которое я тамъ проводила, я, въ своей полтавской самомнительности, происходившей отъ невѣжества, была очень удивлена, что «и на Волыни» колядуютъ,—да еще такъ похоже, какъ «у насъ въ Гадячѣ!..» Пришелъ къ намъ и лирникъ (ихъ на Волыни и теперь довольно много); онъ былъ уже знакомъ съ нашимъ домомъ, такъ какъ я даже записывала отъ него нѣкоторыя псальмы и пѣсни; по случаю Рождественскихъ праздниковъ онъ зашелъ тоже къ намъ, поколядовать. Онъ спѣлъ, подъ аккомпаниментъ своей лиры, нѣсколько «божествéнныхъ» колядокъ, потомъ одну-двѣ попроще. И какая странная игра случая: въ числѣ ихъ оказалась, съ незначительными варіаціями, та жъ самая колядка:—«Ой сивъ Христосъ та вечеряты»!.. Собственно говоря, страннаго ничего не было въ этомъ совпаденіи: вѣроятно, многія изъ приводимыхъ мною въ этихъ двухъ главахъ волынскихъ колядокъ покажутся моимъ лѣвобережнымъ землякамъ въ общемъ похожими на давно знакомыя имъ колядки, которыя они слыхали далеко отъ Волыни... Но, попавши, между прочимъ, на ту колядку, которая оставила такой глубокій слѣдъ въ моей душѣ, печальная лира волынскаго лирника особенно меня тронула. Снова поднималось умиленное чувство, снова хотѣлось заплакать, какъ въ тѣ далекіе дѣтскіе годы...

Здѣсь мы опять пришли къ тому вопросу, о которомъ я уже упоминала въ первой главѣ,—къ вопросу о языкѣ, которымъ поетъ и говоритъ народъ на Волыни. Напоминая о предубѣжденіи противъ этого языка со стороны моихъ земляковъ, возражая на это предубѣжденіе, которое, можетъ быть, основано лишь на незнакомствѣ съ предметомъ, а слѣдовательно могло бы исчезнуть при бóльшемъ знакомствѣ съ нимъ (какъ это и показалъ мой личный опытъ),—я спрошу въ заключеніе: гдѣ въ этихъ 27 образцахъ народныхъ волынскихъ пѣсенъ, приводимыхъ въ этихъ

двухъ главахъ, можетъ быть усмотрѣнъ «испорченный языкъ», «смѣсь польскаго съ жидовскимъ?» Кто не признаетъ въ этихъ волынскихъ пѣсняхъ чисто малорусскій языкъ,—быть можетъ даже лучше сохранившійся, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ?

О. Пчилка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Розыски волшебниковъ и отравителей въ Нѣжинскомъ полку въ 1767—1777 гг. Въ архивѣ покойнаго А. М. Лазаревскаго имѣется подлинное дѣло гродскаго Нѣжинскаго суда 1777 года подъ заглавіемъ: «Дѣло по репортамъ полку Нѣжинского сотенныхъ канцелярій о проискиваніи въ техъ сотняхъ розъездною и обходною командами волшебниковъ, составляющихъ вреднія питя, и о притверждеціи обивателямъ в обереженіи себе от того». Несмотря на многообѣщающее заглавіе, здѣсь, собственно говоря, нѣтъ никакого дѣла, а есть лишь пустая канцелярская переписка, возникшая по такому необычайному поводу. Въ концѣ 1776 или въ самомъ началѣ 1777 г. въ Почепской волости, въ селѣ Витовкѣ, былъ обнаруженъ маловѣроятный случай, будто какіе-то „злодѣи волшебники наповали вреднимъ зеліемъ посполитыхъ оного села Василія Кормаченка с товарищи и протчиихъ жителей". Подробности этого страннаго происшествія остались невыясненными, виновники преступленія не были задержаны, и это обстоятельство побудило Нѣжинскій гродскій судъ разослать въ сотенныя канцеляріи указы (отъ 27 марта 1767 г.) съ предписаніемъ разыскивать «оныхъ злодѣевъ волшебниковъ по ихъ примѣтамъ, тако жъ и другихъ такихъ же злочинцовъ между шатаючимись безпашпортными и проезжаючими по какимъ-либо пашпортамъ прилѣжно присматривать, не будетъ ли кто гдѣ зелія и вредного питія составлять, и всѣ мѣры к поимки таковыхъ употреблять и за поимкою тотъ же часъ представлять на уряды», при чемъ въ указахъ было обѣщано 20 рублей «награждения тому, кто таковаго злодѣя или таковія зелія составляющаго объявит и зобличитъ; и кто би къ тому приличной

оказался и пойманъ былъ, и какого онъ званія и куда отправленъ»; равно и вообще объ успѣхѣ этихъ розысковъ ежемѣсячно рапортовать гродскому суду, «а обывателямъ в обереженіи себе от оныхъ волшебниковъ притверждать».

Такъ какъ Почепская волость, гдѣ были обнаружены преступныя дѣйствія отравителей, въ Стародубскомъ полку, а указы объ ихъ поимкѣ разсылаетъ Нѣжинскій гродскій судъ, то слѣдуетъ предполагать, что подобныя распоряженія быди сдѣланы по всѣмъ малороссійскимъ полкамъ или, по крайней мѣрѣ, сосѣднимъ съ Стародубскимъ; но въ лежащемъ передъ нами «дѣлѣ» мы имѣемъ лишь донесенія сотенныхъ канцелярій Нѣжинскаго полка, и при томъ не всѣхъ, а лишь пяти: Батуринской, Кролевецкой, Шаповаловской Веркіевской и Бахмачской. Всѣ онѣ. изъ года въ годъ, ежемѣсячно рапортовали гродскому суду, что «во исполненіе Е. И. В. указу, таковие волшебники розъездною и обходною командами проискиваются и обивателямъ в обереженіи себе от того притверждается, токмо въ истекшемъ мѣсяцѣ нѣкого с таковихъ злочинцовъ не сискано и о составлѣваніи кымъ-либо таковаго вреднаго зѣлля нѣ отъ кого не представлѣвано». А сотникъ батуринскій неизмѣнно рапортовалъ, что въ его сотнѣ «какъ чародѣевъ и чародѣйницъ, такъ волшебныковъ и волшебныць в семъ мѣсяцѣ не сискалось».

Напомнимъ, что связка рапортовъ, которой мы пользуемся, относится къ 1777 году, значитъ рапортованіе продолжалось уже 11 лѣтъ, послѣ вызвавшаго его событія. Долго ли еще тянулись эти безцѣльные розыски и канцелярскіе рапорты—не извѣстно.

О. Л.

Къ вопросу о происхожденіи названія Полтавы. Время основанія Полтавы—въ точности неизвѣстно. Есть свѣдѣніе, что она была основана въ 1608 году [1], но свѣдѣніе это врядъ ли можно считать вполнѣ достовѣрнымъ [2]. Вопросъ о времени основанія Полтавы, равно какъ и о происхожденіи ея названія былъ очень внимательно обслѣдованъ Л. В. Падалкой [3], но Л. В. Падалка не рѣшилъ вопроса,

[1]) Кіев. Ст. 1900 г. т. 69. Отд. II, стр. 161.
[2]) Кіев. Ст. 1891 г. т. 34. Стр 359.
[3]) Чтенія въ Общ. лѣт. Нестора, кн. X. Отд. II, стр 15 и слѣд.

а высказалъ только рядъ болѣе или менѣе основательныхъ и интересныхъ соображеній, которыя могутъ быть еще очень оспариваемы. Съ этой точки зрѣнія является не лишеннымъ интереса и мнѣніе по этому вопросу, высказанное извѣстнымъ славистомъ О. М. Бодянскимъ въ одной изъ его раннихъ критическихъ статей. Мнѣніе это помѣщено въ примѣчаніи къ разбору «Малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, собранныхъ В. Н. С.» [1]).

«Замѣчателенъ случай, подавшій поводъ къ названію Полтавы—говоритъ О. М. Бодянскій. Въ 1608 году, по словамъ одной малороссійской лѣтописи (издан. Рубаномъ), козакъ миргородскаго полка *Масло* вышелъ съ шестью семьями изъ *Олтавы* (Олтвы и Голтвы), бывшей тогда малороссійскимъ городомъ, поселился на мѣстѣ нынѣшней Полтавы, которую, вѣроятно, и назвалъ по имени прежняго своего жительства *По-Олтавою* (о-оо) *Полтавою*, (оо-у) Пултавою, *По-Олтвою*, т. е. *другою*, *новою* *Олтавою*. Самая же *Олтава*, безъ сомнѣнія, названа по рѣкѣ Олтавѣ, при которой и рѣкѣ Пслѣ она находится, и въ которую впадаютъ еще двѣ маленькія рѣчки одна *Олтава—Олшана*, а другая *суха Олтва* (см. карту Украины Боплана). Но откуда сіи рѣчки получили свое названіе? Для рѣшенія сего нужно сообразить такое же имя одной изъ рѣкъ, при которой стоитъ Переяславъ (Переяславъ малороссійскій, или, какъ говоритъ Никоновская лѣтопись, *Переяславль Русскій, иже въ Кіевъ,* именно рѣки *Альты*, по Нестору *Олты*, *Олуты* (по малоросс. *Ильты*, уменьш. Ильтыци (а-о-и); припомнить объ одной провинціи Руссовъ Черноморскихъ и столичномъ ихъ городѣ, названныхъ по словамъ арабскихъ писателей: *Иби-ел-Варди* (около 1232) и *Касвини* (въ первой полов. XIV стол.), Атлава (Отлава, Олтава, а-о-т переставлено), Тлава (Отлава, Лтава, Олтава); далѣе въ Валахіи есть рѣка *Алута* и еще, не помню гдѣ, другая какая то *Алута*. Многія украинскія рѣки имѣютъ названія совершенно непонятныя для самихъ украинцевъ, напр. *Воръсколъ*, нынѣ *Ворскла*, *Супой*, *Псёлъ*; подобныя встрѣчаются и на Кавказѣ: *Субай*, *Пса*, *Псё*; также въ степяхъ кавказскихъ и за-уральскихъ находится и озеро Ильмень». (Телескопъ, 1834 г. кн. XXI. Критика, стр. 345—346).

Н. В—ко.

---

[1]) Телескопъ, 1834 г., кн. XXI. Критика, стр. 345.

Къ біографіи Кіевскаго митрополита Серапіона Александровскаго. Письмо м. Серапіона къ сенатору тайному совѣтнику С. С. Кушникову, предсѣдателю Дивановъ Молдавіи и Валахіи—1809 г.

Превосходительный Господинъ,

Милостивый Государь!

Въ уваженіе особы Вашей, по почтеннѣйшему Вашему писанію и по отношенію ко мнѣ Высокопреосвященнаго Гавріила митрополита и Экзарха, уволилъ я изъ Кіевской епархіи въ молдо-влахійскую митрополію регента, коллежскаго регистратора Петра Гетопанова. Что же увольненіе его мною было замедлѣно,—хотя съ моею непріятностію, а объяснить я долженъ, что виною тому самовольная его, безъ всякаго моего вѣдома, изъ моей въ другія епархіи отлучка, а затѣмъ послѣдующіе не только непріятные, но и оскорбительные для меня и для всего дому моего его поступки, кои въ послужномъ о немъ, посланномъ изъ Кіевской дикастеріи въ молдо-влахскую, спискѣ всѣ означены; однако, во всемъ, такъ какъ и въ причиненномъ имъ чрезъ то мнѣ личномъ оскорбленіи, онъ совершенно мною прощенъ, а посему и отъ законнаго за все сужденія освобожденъ. Въ прочемъ, я съ истиннымъ моимъ къ особѣ Вашей почитаніемъ честь имѣю пребыть навсегда Вашего Превосходительства, милостиваго государя покорнѣйшій слуга и богомолецъ Серапіонъ митрополитъ Кіевскій.

№ 29-й.

Марта 3 дня 1809 г. Кіевъ.

Примѣч. Приведенное письмо будетъ не безъинтересно для характеристики Кіевскаго митрополита *Серапіона Александровскаго* (1803—1822 г.г.), еще ожидающаго своей полной біографіи.—Мы помнимъ еще его ставленниковъ, священниковъ Кіевской епархіи, въ домахъ которыхъ, рядомъ съ рукоположительной грамотой, надписанной извѣстнымъ его четкимъ, стариннымъ, весьма красивымъ почеркомъ, висѣлъ и портретъ его. Памятно намъ, какъ впечатлѣніе дѣтства, это лицо его на рисункѣ—съ большою окладистою бородою, при чемъ на усахъ и подъ нижнею губою совсѣмъ не было волосъ [1]).

---

[1]) Кстати—о портретѣ м. Серапіона. Существуетъ очень искусно сдѣланный *силуэтъ его*—въ альбомѣ извѣстнаго въ Петербургѣ и Москвѣ послѣднихъ временъ Екатерины II и Павла I силуетиста *Фридриха Антинга*—снятый въ бытность Серапіона въ Москвѣ епископомъ Дмитровскимъ, викаріемъ Московск. митрополита *Платона Левшина.*

Тихость нрава, миролюбіе, аккуратность и точность въ служебной и домашней жизни были, какъ это видно изъ разсказовъ о немъ лично знавшихъ его и изъ документовъ, отличительными чертами этого кіевскаго архипастыря. Онъ ежедневно велъ записи въ своемъ *домашнемъ журналѣ*, гдѣ отмѣчалъ кратко, но рельефно—съ примѣсью латыни—всѣ переживаемыя имъ впечатлѣнія жизни—и крупныя и мелкія... Извлеченія изъ этого Серапіоновскаго дневника напечатаны покойнымъ проф. Кіевской Академіи и университета св. Владиміра *Фил. Ал. Терновскимъ* († 1884 г.) отчасти въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи» 1880-хъ г.г., а отчасти въ «Кіевской Старинѣ». О регентѣ Серапіона *Петрѣ Гетопановѣ*, котораго онъ уступилъ молдо-влахійскому экзарху Гавріилу, и о дальнѣйшей судьбѣ этого, повидимому, безпокойнаго человѣка мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.—Любопытенъ фактъ послѣдняго времени жизни м. Серапіона. Тогда какъ другіе архипастыри, несмотря на свою старость и дряхлость, рѣдко желали добровольно оставлять службу, а считали для себя лучшимъ, какъ говорится, *in cathedra mori*,—а если и отказывались по необходимости отъ власти, то обыкновенно пристраивались или были пристраиваемы при какомъ-либо монастырѣ,—митр. Серапіонъ самъ добровольно уволнился отъ службы и доживалъ послѣдніе свои годы въ Кіевѣ—въ *частномъ* домѣ, купленномъ имъ вблизи Кіево-Софійскаго собора, пользуясь уходомъ и услугами своихъ ближайшихъ родственниковъ—именно родной сестры и племянницъ [1]). Здѣсь онъ и скончался въ 1824 г. Сколько намъ извѣстно, бумаги его домашнія съ теченіемъ времени перешли къ проф. Кіевской дух. Академіи протоіерею *Александру Мих. Воскресенскому,* который, по женѣ своей—кіевлянкѣ,—приходился родственникомъ м. Серапіону. Онъ-то, т. е. Ал. М. Воскре-

---

Подъ силуэтомъ есть и собственноручная подпись Серапіона—на латинскомъ языкѣ—слѣдующая:

„Vivos exanguis imago refert vultus
Efficit hoc docti artificis manus.
Serapion, Dei gratia episcopus Dmitrovensis".

(Смотр. *Русскій Архивъ*—1899 г. № 5, стр. 136-я въ статейкѣ: „Замѣтка объ Альбомѣ Антинга".

[1]) Одна изъ его племянницъ вышла замужъ за *Тимоѳея Сухобрусова*, который былъ сначала священникомъ въ Троицкой церкви и жилъ у тещи своей въ домѣ, купленномъ Серапіономъ; послѣ онъ былъ ключаремъ Кіево-Софійскаго собора и скончался въ 50-хъ годахъ XIX в.

сенскій и передалъ вышеупомянутый *дневникъ* Серапіона Ф. А. Терновскому.

Выше помѣщенное письмо м. Серапіона къ Кушникову списано нами еще въ 1880 г. съ подлинника, хранившагося въ Архивѣ Бессарабскаго Губернскаго Правленія—въ отдѣлѣ его такъ называемомъ: «Архивъ господъ сенаторовъ» (1809 г. № 492: «дѣло о присылкѣ изъ Кіева къ его высокопреосвященству митрополиту и экзарху Гавріилу регента, коллежскаго регистратора Гетопанова). Во время турецкой войны 1808—1812 г.г., кончившейся присоединеніемъ къ Россіи Бессарабіи,—русскія войска заняли княжества Молдавію и Валахію и утвердили въ нихъ русское управленіе—и гражданское и церковное. Первымъ представителемъ русскаго гражданскаго управленія въ княжествахъ былъ сенаторъ, тайный совѣтникъ *Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ* (1808–1810 г.г.), а послѣ него—сенаторъ *Вас. Ив. Красно-Милашевичъ*. Они носили титулъ «Предсѣдательствующій въ Диванахъ Молдавіи и Валахіи». Представителемъ же русскаго церковнаго управленія—во весь означенный періодъ—съ титуломъ экзарха св. Синода былъ митропол. *Гавріилъ Банулеско-Бодони*, предшественникъ по кіевской митрополіи Серапіона. Уволенный въ 1803 г. отъ управленія кіевской митрополіей *(причины этого увольненія еще доселѣ не разъяснены)*, м. Гавріилъ Банулеско проживалъ нѣкоторое время *на покоѣ*—сначала въ Одессѣ, а потомъ въ Дубоссарахъ; но затѣмъ, по занятіи Россіей Молдавіи и Валахіи, найденъ былъ наиболѣе подходящимъ лицомъ для занятія поста представителя власти русскаго св. Синода въ этихъ княжествахъ. Когда же, по заключеніи мира съ Турціей,—къ Россіи отошла только Бессарабія,—тогда всѣ письменныя *дѣлá*,—какъ по гражданскому, такъ и по церковному управленію княжествъ—въ періодъ оккупаціи ихъ Россіей—переведены были изъ Яссъ въ Кишиневъ, и первыя—подъ именемъ «Архива господъ сенаторовъ»—легли въ основу нынѣшняго Бессарабскаго Губернскаго (прежде—областного) архива, а вторыя—т. е. по управленію экзарха Гавріила—составили начало нынѣшняго Архива Кишиневской духовной консисторіи. Оба эти Архива заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ вообще для исторіи русской, въ частности—для исторіи бытовыхъ отношеній Малороссіи къ Молдавіи и Валахіи, существовавшихъ между этими народностями спононъ вѣка; въ особенности же для исторіи заселенія Бессарабіи, послѣ присоединенія къ Россіи, бывшими *запорожскими выходцами*, возвращавшимися изъ-за границы, а

также выходцами—бѣглыми крестьянами изъ Кіевщины, Подоліи и Волыни [1])... Къ сожалѣнію, архивы эти доселѣ не обращали на себя должнаго вниманія изслѣдователей. Только въ послѣднее время, съ учрежденіемъ Бессарабской губернской ученой архивной коммиссіи, сокровища этихъ архивовъ начали выступать на свѣтъ Божій... Коммиссія эта пріобрѣла себѣ замѣчательнаго дѣятеля—въ лицѣ нынѣшняго правителя ея дѣлъ, кандидата Кіевской д. академіи Ивана Николаевича Халиппы... Подъ его редакціею вышло уже два тома «Трудовъ Бессарабской ученой Архивной Коммиссіи», наполненныхъ, въ существенныхъ своихъ частяхъ, работами самого Ив. Ник. Халиппы, который, по своей талантливости, по своей горячей любви къ изысканіямъ въ области Бессарабской старины и по рѣдкому трудолюбію, составляетъ просто кладъ для Бессарабіи... Въ вышедшихъ двухъ томахъ «Трудовъ Бессарабской Архивной Коммиссіи» И. Н. Халиппа уже началъ помѣщать и свое подробное описаніе «Архива гг. сенато-

---

[1]) Въ хронологическомъ порядкѣ—за Архивомъ сенаторовъ слѣдуетъ „Архивъ канцеляріи г. полномочнаго намѣстника Бессарабской области“. Въ 70-хъ годахъ и мы имѣли возможность нѣсколько познакомиться съ этими архивами, коимъ есть предметно-хронологическая и алфавитная опись. Вотъ заглавіе нѣкоторыхъ изъ дѣлъ, намѣченныхъ нами тогда для разсмотрѣнія: 1) на букву Г: „Гуменный Степанъ“ выходецъ, 1882 г., „Грищенко Андрей“—выходецъ; „Губа Петръ и Чарминдеръ Кузьма“—выходцы, 1823 г.; „Гусь Иванъ Запорожецъ“, 1825 г.; „Гоголь-Яновскій и Воскобойниковъ штабсъ-капитанъ“, 1821 г.; 2) На букву Л: „Люди разнаго званія, населяющіе Бессарабію“, 1817 г.; „Ляшенко Запорожецъ“, 1822 г.; „Левченко Запорожецъ“, 1824 г.; „Люди изъ-за границы“, 1825 г.; 3) На букву Н: „Навроцкій Иванъ, турецкій запорожецъ“, 1824 г.; „Неводченко-выходецъ; Никитенко-Потай, турецкій выходецъ; Негода Петръ, турецкій запорожецъ“, 1824 г.; 4) На букву С: „Скарбекъ графъ военно-плѣнный - 1816 г; Суботный Иванъ—выходецъ, 1818 г.; Сербиновичъ Леонтій (онъ же уніатскій священникъ), 1819; Степуринъ Ѳ., Стирный, Скоробогатенко,—запорожцы; Иванъ Сидоровъ запорожецъ; Смерть отъ голода въ селѣ Градештахъ, 1823 г.; Старгоусъ—выходецъ“; 5) разныя буквы: „Ефименко, некрасовецъ, 1826 г.; Нерубаенко и бѣжавшіе съ нимъ великороссійскіе народы (sic!)—1826 г.; Запорожцы Стаси—1226; Запорожецъ Перхогубъ—1821 г.; Петровъ Иванъ—малороссъ—1823 г., Нечай—выходецъ—1821 г., Щербакъ запорожецъ, 1825 г. и проч.. Въ 1885 г. полныя выписки изъ этихъ и другихъ подобныхъ „дѣлъ“ сдѣлалъ, по нашей просьбѣ, Кириллъ Тимофеевичъ М-чъ, бывшій тогда преподавателемъ Кишиневскаго духовнаго училища. Но теперь нѣтъ у насъ подъ руками этой любопытной рукописи...

ровъ» и во 2-мъ томѣ довелъ его уже до № 300 (а всѣхъ №№—4415, въ 95 связкахъ»).—Отъ всей души желаемъ ему успѣха въ добровольно взятомъ имъ на себя великомъ подвигѣ. «Боже поможы»!...

Сообщ. **Л. М.**

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *Заботы генералъ-губернатора Анненкова о строеніи въ юго-западномъ краѣ православныхъ храмовъ и снабженіи ихъ утварью.* 10 апрѣля 1864 г. генералъ-губернаторъ Анненковъ обратился къ супругѣ кіевскаго уѣзднаго предводителя дворянства Бутовича, Софьѣ Васильевнѣ, съ письмомъ, въ коемъ сообщалъ, что, по всеподданнѣйшему его докладу, государь императоръ высочайше соизволилъ на отпускъ до 400 тыс. р. изъ казны на строеніе православныхъ храмовъ въ губерніяхъ юго-западнаго края, съ приглашеніемъ благотворителей по всей имперіи къ добровольнымъ приношеніямъ. «Зная усердіе Ваше къ святой вѣрѣ и благотворенію, а также что подъ руководствомъ Вашимъ вышиваются разныя вещи, приносимыя въ жертву церквамъ, я счелъ долгомъ довести о сказанной выше Монаршей волѣ до Вашего свѣдѣнія, на тотъ конецъ, не изволите ли признать возможнымъ церковныя приношенія Ваши и Вашихъ сотрудницъ распространить и на здѣшній край»... писалъ между прочимъ Анненковъ. 17 мая полученъ отвѣтъ: «движимая усердіемъ къ святой вѣрѣ, я нѣсколько лѣтъ уже занимаюсь работами въ пользу православной церкви и поставленіемъ церковной утвари въ болѣе нуждающіеся храмы. Учредивъ въ зимніе мѣсяцы, по пятницамъ, вечера для работъ, я, по благости Божіей и при содѣйствіи моихъ сотрудницъ, успѣла пріобрѣсти церковной утвари и облаченій 800 предметовъ. Предметы эти были разсылаемы мною въ разныя епархіи Россійской имперіи, а также на Востокъ. Кромѣ отправленныхъ вещей, находится у меня въ остаткѣ до 150 разнородныхъ предметовъ, которые нынѣ же, по назначенію Вашего Высокопревосходительства, могли быть распредѣлены въ болѣе нуждающіеся приходы въ краѣ, ввѣренномъ управленію Вашему». Далѣе она писала: «Я бы полагала необходимымъ открыть общество святой Ольги, на подобіе существующихъ уже въ столицѣ и другихъ городахъ Имперіи»... Прилагался проектъ устава. Общество поставляло себѣ ближайшею цѣлью снабженіе приличною утварью церквей въ предѣлахъ ге-

нералъ-губернаторства (облаченія, покровы, плащаницы, священные сосуды, иконы, книги и т. п.). Часть предметовъ предполагалось пріобрѣтать, а что возможно, изготовлять руками членовъ. Въ цѣляхъ выполненія заказовъ и принятія на себя посредничества—имѣлось въ виду учрежденіе собственной мастерской. Предсѣдательство предлагалось супругѣ генералъ-адъютанта Анненкова. Попечителемъ имѣлъ быть митрополитъ кіевскій. Членами распорядителями назывались: предсѣдательница, ея помощница; непремѣнный членъ изъ состава православнаго духовенства, казначей, секретарь и его помощникъ. Общество составлялось изъ трехъ категорій членовъ: почетныхъ, жертвующихъ не менѣе 50 р. ежегодно; дѣйствительныхъ—жертвующихъ не менѣе 12 р., и сотрудниковъ—содѣйствующихъ цѣлямъ общества личнымъ трудомъ, или сборомъ пожертвованій. Въ маѣ 1864 г. Уставъ представленъ въ С.-Петербургъ, но, полагать можно, утвержденъ не былъ, ибо въ іюлѣ уже, при Софійскомъ соборѣ, открыло дѣйствія Свято-Владимірское братство, и, на запросъ генералъ-губернатора о судьбѣ Ольгинскаго Общества, въ дѣлѣ не содержится отвѣта.

—

Къ исторіи нѣмецкихъ колонистовъ на Волыни. Во время проѣзда императора Николая I 15 сент. 1847 года въ г. Дубно была подана ему жалоба уполномоченными незадолго поселившихся тамъ будто бы до 200 семействъ нѣмцевъ.

По ихъ заявленію, владѣлецъ города, князь Любомирскій весною 1845 г. пригласилъ ихъ къ себѣ изъ Царства Польскаго, гдѣ заработки стали слишкомъ скудны. Владѣлецъ продолжаетъ быть милостивымъ, но полиція ихъ притѣсняетъ, не дозволяя пришельцамъ учредить отдѣльный, собственный нѣмецкій судъ, стѣсняя въ работѣ, произвольно лишая свободы и взимая за освобожденіе изъ-подъ стражи плату.

Колонисты не желали присоединяться ни къ городовому обществу, ни къ цехамъ, а просили Государя даровать имъ къ руководству *особый статутъ*, необходимый имъ въ виду незнакомства съ русскимъ языкомъ.

Дознаніемъ обнаружено, что нѣмцами открыты, безъ надлежащаго разрѣшенія, ткацкія фабрики, а въ многочисленныхъ пивныхъ и шинкахъ по ночамъ безобразничаетъ нѣмецкая молодежь.

Губернаторъ, доставляя свѣдѣнія главному начальнику края, высказывается за сохраненіе дѣйствующей у колонистовъ собственной

расправы съ подчиненіемъ таковой, однако же, Дубенскому ремесленному головѣ, избираемому всѣми ремесленными управами раіона.

Ближайшія распоряженія администраціи изъ переписки не видны.

Къ исторіи учрежденія графомъ Потоцкимъ крестьянскихъ пріютовъ. 26 мая 1847 года графъ Болеславъ Станиславовичъ Потоцкій просилъ генералъ-губернатора разрѣшить ему „учредить собственнымъ коштомъ въ вотчиныхъ имѣніяхъ, подольской губерніи, брацлавскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Немировѣ пріютный, а въ с. Коваліовкѣ крестьянскій сиротскій, на 25 мужеска и 25 женска пола дѣтей домы". Капиталъ для содержанія крестьянскаго пріюта опредѣленъ въ 3000 р. сер. Учителя Немировской гимназіи изъявили согласіе давать уроки безденежно. Пріютъ въ Немировѣ на 46 чел. открытъ 21 апрѣля 1848 г.; въ томъ же мѣсяцѣ учрежденъ и Ковалевскій домъ, на что въ январѣ 1849 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Немировскіе евреи воспользовались сочувствіемъ графа Потоцкаго дѣлу народнаго образованія и выпросили у вотчинника, въ томъ же 1847 году, передачу имъ дома, въ которомъ пріютилось еврейское училище, обслуживавшее цѣлыхъ три уѣзда..

Сообщ. **Алексѣй Мёрдеръ.**

Къ біографіи украинскаго философа Григорія Савича Сковороды. На XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ мною прочитанъ былъ рефератъ о первомъ (малороссійскомъ) періодѣ жизни и научно-философскаго развитія Григорія Савича Сковороды[1]), имѣвшій въ виду установить хронологическую канву жизни украинскаго философа въ этомъ періодѣ его жизни и намѣтить, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ вліянія, подъ которыми складывались философскія воззрѣнія Сковороды. Рефератъ этотъ, уже по напечатаніи его, вызвалъ нѣсколько важныхъ сообщеній, которыя существенно измѣняютъ нѣкоторыя сдѣланныя нами заключенія о разныхъ событіяхъ въ жизни Сковороды или восполняютъ пробѣлы въ его біографіи. Мы имѣемъ въ виду 1) списки студентовъ Кіевской духовной Академіи за 9 лѣтъ, съ 1736—7 по 1744—5 учебные годы, и 2) нѣсколько доку-

---

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ Кіевской Дух. Академіи за декабрь, 1902 года.

ментовъ, объ учительствѣ Сковороды въ „прибавочныхъ классахъ" при Харьковскомъ Коллегіумѣ въ 1768—9 учебномъ году.

I.

По словамъ біографа Сковороды, Мих. Ковалинскаго, Сковорода родился въ 1722 г. въ селѣ Чернухахъ, Лубенской округи; послѣ домашняго обученія отданъ былъ отцомъ въ кіевскую Академію, при вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны выбранъ былъ ко двору въ пѣвческую капеллу, но въ 1744 году, при возвращеніи императрицы изъ Кіева въ Петербургъ, «остался въ Кіевѣ и паки началъ учиться». На этотъ разъ его сотоварищемъ по Академіи будто бы былъ Самуилъ Миславскій, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій [1]), что, повидимому, подтверждалось и спискомъ студентовъ Кіевской Академіи, переписывавшихъ для Кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго полемическій трактатъ Адама Зерникова «Объ исхожденіи Св. Духа»: въ этомъ спискѣ значатся и Сковорода, и Миславскій [2]). О Самуилѣ же Миславскомъ извѣстно, что онъ окончилъ полный курсъ ученія въ Кіевской Академіи въ 1754 году, и слѣдов. въ 1744—5 году, въ которомъ Сковорода вторично поступилъ въ Кіевскую Академію, учился въ классѣ грамматики [3]). А между тѣмъ означенные списки студентовъ Академіи за 1736—1745 годы совершенно опровергаютъ собою этотъ выводъ.

Списки эти хранятся въ архивѣ Св. Синода [4]). За первые два года въ нихъ обозначены ученики не только духовнаго, но и свѣтскаго происхожденія, тогда какъ въ спискахъ за остальныя семь лѣтъ поименовываются только студенты духовнаго происхожденія. Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ спискахъ нѣтъ имени Сковороды: въ первыхъ двухъ, конечно, потому, что Сковорода въ 1736—7 и 1737—8 учебныхъ годахъ еще не учился въ Кіевской Академіи, а въ остальныхъ потому, что онъ былъ не духовнаго происхожденія. Но за то въ этихъ послѣднихъ спискахъ мы встрѣчаемъ имена школьныхъ товарищей Сковороды духовнаго происхожденія, вмѣстѣ съ которыми онъ переписывалъ впослѣдствіи трактатъ Зерникова. Въ 1744 году, когда Ско-

---

[1]) „Сочиненія Гр. С. Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ", Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. 2 и 3.

[2]) Рукопись библіотеки Кіево-Софійскаго собора, № 312.

[3]) „Труды Кіевской Дух. Академіи", декабрь, 1902 г., стр. 591.

[4]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1737 г., № 380 въ пяти томахъ.

ворода вторично поступилъ въ Кіевскую Академію, они перешли въ классъ піитики. Между ними есть и Миславскій, но не Семенъ, какъ звали въ мірѣ Самуила Миславскаго, а Тимофей, тогда какъ Семенъ Миславскій въ этомъ году только-что поступилъ въ самый низшій классъ Академіи—аналогію или фару, и слѣдов. по ученію былъ моложе Сковороды на 4 года[1]).

Если же Г. С. Сковорода, возвратившись въ 1744 году въ Кіевскую Академію поступилъ въ классъ піитики, а съ другой стороны, его нѣтъ въ спискахъ за 1736—7 и 1737—8 годы, то слѣдуетъ заключить, что первый разъ онъ поступилъ въ Кіевскую Академію въ 1738—9 учебномъ году, четыре года учился здѣсь въ фарѣ или аналогіи, инфимѣ, грамматикѣ и синтаксимѣ и въ 1742 году выбылъ въ придворную капеллу, пробывъ въ ней около двухъ лѣтъ.

Съ 1744—5 учебнаго года Сковорода уже не покидалъ Академіи вплоть до 1750 года, послѣдовательно проходя классы піитики, реторики, философіи и богословія. Въ 1744—5 году онъ былъ въ піитикѣ въ 1745—6 году въ реторикѣ, въ 1746—7 и 1747—8 годахъ въ философіи и въ 1748—9 и 1749—50 г.г. въ богословіи. Будучи въ богословскомъ классѣ, Г. С. Сковорода и участвовалъ въ перепискѣ трактата Адама Зерникова для кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, посвященнаго въ этотъ санъ лишь весною 1748 года[2]).

Опредѣливши точно годы ученія Г. С. Сковороды въ Кіевской Академіи, мы можемъ съ такою же точностію указать и непосредственныхъ учителей Сковороды по Кіевской Академіи и отчасти даже оставшіеся отъ нихъ учебники и учебные курсы. Въ фарѣ или аналогіи, въ инфимѣ и грамматикѣ учителемъ Сковороды былъ іеродіаконъ Сильвестръ Добрына, въ синтаксимѣ—Варлаамъ Иваницкій[3]); въ піитикѣ—іеромонахъ Гедеонъ Слонимскій[4]); въ реторикѣ—іеро-

---

[1]) Тамъ же, т. V, л. 360 и 376.

[2]) „Труды Кіевской Дух. Академіи", декабрь, 1902 г., стр. 591.

[3]) Объ этихъ учителяхъ см. тамъ же, за май 1902 г., въ статьѣ Д. К. Вишневскаго „Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія".

[4]) Объ учителяхъ піитики и реторики см. тамъ же, за октябрь того же года. Экземпляръ рукописнаго учебника іеромонаха Гедеона Слонимскаго по піитикѣ, 1744—5 года имѣется въ распоряженіи профессора университета Св. Владиміра. Н. П. Дашкевича.

монахъ Тихонъ Александровичъ[1]) и Досиѳей Галяховскій[2]). Философію первый годъ слушалъ онъ у іеромонаха Гедеона Сломинскаго[3]), а второй—у іеромонаха Георгія Конисскаго[4]); богословіе же, около двухъ лѣтъ, слушалъ у ректора и профессора, архимандрита Сильвестра Ляскоронскаго[5]). Въ учебникахъ и курсахъ этихъ профессоровъ, начиная съ піитики и по богословіе включительно, и нужно искать ключа къ разъясненію литературныхъ пріемовъ и религіозно-нравственныхъ воззрѣній Сковороды, начинавшихъ слагаться или сложившихся у него еще въ бытность студентомъ Кіевской Академіи. Особенное значеніе должны были имѣть для него философскія лекціи Гедеона Сломинскаго и Георгія Конисскаго и богословскія—Сильвестра Ляскоронскаго.

О дальнѣйшихъ похожденіяхъ Г. С. Сковороды, по выходѣ его изъ академіи и до 1766 года, въ настоящее время мы не можемъ прибавить ничего новаго. Въ 1750 году, прослушавъ около половины богословскаго курса, Г. С. Сковорода отправился съ полковникомъ Гавріиломъ Вишневскимъ въ Токайскую миссію, въ Венгрію, пробылъ тамъ около $2^1/_2$ лѣтъ и возвратился въ Малороссію уже въ первой половинѣ 1753 года. Въ этомъ же году онъ поступилъ въ учители поэзіи въ Переяславскую семинарію, но вскорѣ былъ изгнанъ изъ нея переяславскимъ епископомъ Іоанномъ Козловичемъ и осенью того же года нанялся въ домашніе учителя къ малорусскому помѣщику Стефану Томарѣ. Въ 1754 году онъ оставилъ это мѣсто и въ концѣ этого года или въ началѣ слѣдующаго 1755 года отправился съ іеромонахомъ Владиміромъ Каллиграфомъ въ Москву и посѣтилъ Троице-Сергіеву Лавру и Троицкую семинарію, гдѣ свелъ знакомство и дружбу съ намѣстникомъ Лавры архимандритомъ Кирилломъ Ляшевецкимъ. Но въ томъ же 1755 году Г. С. Сковорода возвратился въ Переяс-

---

[1]) Начало учебника Тихона Александровича по реторикѣ, 1746 г., см. въ библіотѣ Кіево-Соф. собора, № 487.

[2]) Учебникъ Галяховскаго по реторикѣ, 1746—7 г., подъ заглавіемъ Jnstitutiones Rhetoricae, см. въ „Описаніи рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи“, Н Петрова, № 427, стр. 391.

[3]) Объ его философскомъ курсѣ см. въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, октябрь, 1892 г., стр. 311 и 312.

[4]) См. „Описаніе рукописей церковно-археологич. музея при Кіев. Дух. Академіи“, Н. Петрова, № 51, стр. 25, и № 565, стр. 548.

[5]) Тамъ же, №№ 88 и 89, стр. 38 и 39.

славъ и снова поступилъ въ домашніе учители къ тому же помѣщику Томарѣ и на этотъ разъ прожилъ у него около 4 лѣтъ. Въ 1759 году, по рекомендаціи архимандрита Гервасія Якубовича, Г. С. Сковорода приглашенъ былъ въ Харьковъ и, по волѣ мѣстнаго епископа Іоасафа Митковича, занялъ должность учителя поэзіи въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Черезъ годъ онъ оставилъ эту должность, но въ 1762 году снова приглашенъ былъ въ учители въ Харьковскій коллегіумъ и два года преподавалъ здѣсь синтаксиму и греческій языкъ. Эту должность онъ оставилъ въ 1774 году, при новомъ Бѣлгородскомъ епископѣ Порфиріѣ Крайскомъ[1]). Но послѣдній эпизодъ изъ служебной дѣятельности Сковороды въ «прибавочныхъ классахъ» при Харьковскомъ коллегіумѣ мы имѣемъ возможность освѣтить нѣкоторыми новыми данными.

II.

«Прибавочные классы» при Харьковскомъ коллегіумѣ для дворянскихъ дѣтей проектированы были еще въ 1765 году. Предполагалось къ преподававшимся въ Харьковскомъ коллегіумѣ наукамъ «прибавить еще классы французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи и рисованія, а особливо инженерства, артиллеріи и геодезіи». Но тогдашнему Бѣлгородскому епископу Порфирію Крайскому очень не понравился этотъ инородный придатокъ къ коллегіуму, и преосвященный употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы отклонить учрежденіе этихъ классовъ при коллегіумѣ. Они открыты были уже по смерти преосвященнаго Порфирія Крайскаго[2]), скончавшагося 7 іюля 1768 года[3]). Къ этому времени и относится послѣдняя попытка привлечь Г. Ҫ. Сковороду къ преподавательской дѣятельности.

Замѣчательно, что въ самый день смерти преосвященнаго Порфирія Крайскаго Г. С. Сковорода подалъ губернатору Щербинину прошеніе о назначеніи его преподавателемъ катехизиса въ «прибавочныхъ классахъ». Прошеніе это, писанное какимъ-то канцеляристомъ довольно безграмотно, только подписано собственноручно Г. С.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей статьѣ о Г. С. Сковородѣ, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, декабрь, 1902 года.

[2]) „Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности“, А. С. Лебедева, Харьковъ, 1902 г., стр. 146—149.

[3]) „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви“, Павла Строева. С.-Петербургъ, 1877 г., стр. 634.

Сковорода и, очевидно, подсунуто было ему для подписи уже въ готовомъ видѣ. Вѣроятно, позаботился объ этомъ самъ губернаторъ Щербининъ. Приводимъ самое прошеніе:

«Его Превосходительству опредѣленному в слободскую украинскую губернію с властію губернаторскою господину генералъ-маиору леиб-гвардіи примеръ маиору и ковалеру евдокиму алексеевичу Щербинину

Доношеніе.

Я предсимъ находился въ здешнемъ коллегіумскомъ монастыре учителемъ школы піитики, ныне же осведомился что надобность есть во вновь прибавочныхъ здесь классахъ в учителе для толкованія вступившимъ во оные классы ученикамъ катахизиса, то к симъ трудамъ желаніе имею быть того катахизиса учителемъ; чего ради вашего превосходительства прошу об определеніи меня в те классы в учители, и о произведеніи жалованья в годъ пятидесяти рублевъ зъ свободною квартирою учинить разсмотрѣніе.

Къ сему доношенію учитель Григорій Сковорода руку приложилъ.

Іюля 7 дня 1768 году [1]).

На слѣдующій день, 8 іюля, губернаторъ Щербининъ далъ такой приказъ по поводу приведеннаго прошенія Сковороды:

«1768 года іюля 8 дня.

Опредѣленный въ слободскую украинскую губернію съ властію губернаторскою, генералъ-маіоръ лейбъ-гвардіи премієръ-маіоръ и кавалеръ Щербининъ по доношенію учителя Григорья Сковороды, которымъ объявляетъ, что онъ предъ симъ находился въ здѣшнемъ коллегіумскомъ монастырѣ учителемъ школы піитики, нынѣ же освѣдомился, что надобность есть во вновь прибавочныхъ здѣсь классахъ въ учителѣ для толкованія вступившимъ въ оные классы ученикамъ катехизиса, то къ симъ трудамъ желаніе имѣетъ онъ Сковорода быть того катехизиса учителемъ и тѣмъ доношеніемъ проситъ объ опредѣленіи его въ тѣ классы въ учители и о произведеніи жалованья въ годъ пятидесяти рублевъ, съ свободною квартирою, *приказалъ:* оного

[1]) Архив. Харьков. Губерн. Правленія, дѣло 1768 г. „о прибавочныхъ классахъ", л. 1. Копія любезно сообщена мнѣ архиваріусомъ Историческаго Архива при Харьковскомъ университетѣ Евг. Мих. Ивановымъ.

Сковороду причисля въ учители, жалованья производить ему съ числа сего опредѣленія по пятидесяти рублевъ въ годъ, по опредѣленіямъ губернской канцеляріи, съ запискою въ расходную книгу, съ росписками, изъ входящихъ на содержаніе оныхъ прибавочныхъ классовъ получаемыхъ съ вступающихъ въ тѣ классы для наукъ вольныхъ дворянскихъ и прочихъ дѣтей, противъ учиненнаго и въ правительствующій Сенатъ представленнаго прожекту штата, 16 пункта, денегъ, о чемъ въ Слободскую Губернскую Канцелярію предложить и къ имѣющему въ дирекціи тѣ классы коллежскому ассессору господину Выродову ордеръ дать, съ тѣмъ, чтобы распоряженіе времени, въ которое ему Сковородѣ въ толкованіи ономъ катехизиса, упражняться, учинилъ онъ господинъ Выродовъ отъ себя, не повреждая нынѣшняго въ прочихъ наукахъ тамо теченія, и о томъ генералъ-маіору и кавалеру репортовалъ бы.

Въ подлинномъ подписано такъ: Евдокимъ Щербининъ
протоколистъ Максимъ Павловъ [1]).

Въ «прибавочныхъ классахъ» Г. С. Сковорода преподавалъ свой предметъ и въ слѣдующемъ 1769 году. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая выписка изъ вѣдомости 13 апрѣля 1769 года о расходахъ на содержаніе «новоприбавочныхъ классовъ», представленной Щербинину директоромъ классовъ Николаемъ Выродовымъ: «учителю катахизиса Григорію Сковородѣ заслуженаго жалованя двадцать три рубли» [2]).

Но и въ «прибавочныхъ классахъ» Г. С. Сковорода былъ учителемъ недолго, не болѣе года, если не менѣе. Для своихъ учениковъ онъ написалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Начальная дверь къ христіянскому добронравію для молодаго шляхетства харьковской губерніи». «Сочиненіе сіе,—говоритъ біографъ Сковороды Ковалинскій,—содержало въ себѣ простыя истины, краткія коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали въ ономъ чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движущія сердце къ подобному себѣ концу высокому; но какъ все то основывалось на познаніи Бога и достойномъ почтеніи онаго, то епископъ Бѣлградскій, бывшій тогда епархіальнымъ, почитая такое раз-

---

[1]) Тамъ же, л. 2. Сообщено тѣмъ же Евг. Мих. Ивановымъ.

[2]) Архивъ Харьков. Губерн. Правл., „связка о классахъ 1769, № 39. Сообщено Евг. Мих. Ивановымъ.

сужденіе въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ, вознегодовалъ на него съ гоненіемъ: требовалъ книжицу на разсмотрѣніе; нашелъ нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія въ рѣчахъ и образъ ученія несоотвѣтсвующій обыкновенному правилу; почему и препоручилъ своимъ спросить Сковороду, для чего онъ преподавалъ наставленіе христіанскаго благонравія различнымъ образомъ отъ обыкновеннаго. Сковорода отвѣтствовалъ: «дворянство различествуетъ знаніемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣть оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли,—продолжалъ онъ въ отвѣтъ,—государя разумѣетъ и почитаетъ пастухъ и земледѣлецъ, какъ министръ его, военачальникъ, градоначальникъ? Подобно и дворянству такія ли прилично мысли имѣть о верховномъ существѣ, какія въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ урокахъ?—По семъ отвѣтѣ все замолчало» [1]).

Этотъ Бѣлгородскій архіерей, котораго біографъ Сковороды выставилъ передъ читателями въ невыгодномъ для него освѣщеніи, былъ не кто иной, какъ Самуилъ Миславскій, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, котораго Сковорода, повидимому, считалъ своимъ школьнымъ товарищемъ по Кіевской Академіи и поставлялъ ниже себя по умственному развитію. Самуилъ Миславскій хиротонисанъ былъ въ епископа Бѣлгородскаго 28 декабря 1768 года [2]) и могъ вступить въ управленіе своей епархіи въ началѣ слѣдующаго 1769 года. Въ «прибавочныхъ классахъ», къ которымъ преосвященный Порфирій Крайскій отнесся такъ неблагосклонно, преемникъ его Самуилъ Миславскій призналъ полезное дополненіе коллегіумской программы, почему и расписаніе учебныхъ часовъ въ коллегіумѣ и прибавочныхъ классахъ приказалъ составить такъ, чтобы для учениковъ коллегіума не было никакого препятствіи къ хожденію въ эти классы [3]). Весьма вѣроятно, что преосвященный Самуилъ Миславскій обратилъ вниманіе и на Г. С. Сковороду, какъ преподавателя катехизиса въ «прибавочныхъ классахъ», и указалъ на несоотвѣтствіе его книжки съ катехизическою программою; но, во всякомъ случаѣ, замѣчанія пре-

---

[1]) „Сочиненія Г. С. Сковороды", Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. 24.

[2]) „Списки іерарховъ" П. Строева, 1877 г., стр. 634.

[3]) „Бѣлогородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности". А. С. Лебедева. Харьковъ, 1902 г., стр. 165.

освященнаго Самуила не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій, неблагопріятныхъ для Сковороды. «По семъ отвѣтѣ,—говоритъ біографъ Сковороды М. Ковалинскій,—все замолчало». Но Сковорода все-таки оставилъ учительскую должность въ прибавочныхъ классахъ, едва ли даже закончивъ учебный 1768—9 годъ.

Послѣ этого, Сковорода не дѣлалъ уже никакихъ попытокъ занять какую либо общественную или,—точнѣе, оффиціальную учительскую должность и въ теченіе послѣднихъ 28 лѣтъ своей жизни постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто, рѣдко останавливаясь гдѣ-либо на болѣе предолжительное время, и всюду проповѣдывалъ словомъ, писаніемъ и самою жизнію то религіозно-нравственное ученіе свое, которые вырабатывалъ доселѣ путемъ науки, созерцаніемъ природы и богатымъ жизненнымъ опытомъ. Съ этого времени собственно появляются и болѣе капитальныя произведенія его, какъ напр. «Наркизъ», «Книга Асхань», и др., тогда какъ доселѣ онъ писалъ только малыя отрывочныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Умеръ онъ, какъ извѣстно, 29 октября 1794 года, въ селѣ Ивановкѣ, принадлежавшемъ помѣщику Ковалевскому [1]).

Н. Петровъ.

Текущія извѣстія.

Итоги занятій Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. *По кіевской губерніи.* Наиболѣе важныя постановленія комитетовъ кіевской губерніи сводятся, конечно, къ заявленіямъ о настоятельной необходимости скорѣйшаго введенія у насъ выборнаго земства въ полномъ его объемѣ, мелкой земской единицы и всеобщаго образованія съ объединеніемъ дѣла завѣдыванія народнымъ образованіемъ въ рукахъ одного вѣдомства—министерства народнаго просвѣщенія, въ виду единогласно признанной всѣми комитетами полной несостоятельности церковно-приходскихъ школъ. Пожеланія эти, такъ же, какъ и постановленіе о необходимости уравненія правъ крестьянъ съ другими сословіями (и въ томъ числѣ объ освобожденіи ихъ отъ тѣлеснаго наказанія), не только составили въ ко-

---

[1]) „Сочиненія Гр. С. Сковороды", Харьковъ, 1894 г., стр. 24—40.

митетахъ предметъ самостоятельнаго обсужденія каждаго изъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности, но кромѣ того неоднократно выражались комитетами и при обсужденіи другихъ вопросовъ, правильное разрѣшеніе которыхъ представлялось для комитетовъ немыслимымъ безъ осуществленія этихъ главнѣйшихъ пожеланій. Безъ введенія выборнаго земства, всеобщаго образованія, мелкой земской единицы и уравненія правъ, признавалось невозможнымъ ни широкое распространеніе въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній, ни сельскохозяйственнаго опытнаго дѣла, ни борьбы съ врагами сельскаго хозяйства, ни охраны земельной собственности, ни хорошаго устройства содержанія мѣстныхъ дорогъ общаго пользованія и пр и пр.;--словомъ, при разсмотрѣніи всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ программы то тотъ, то другой комитетъ, а иногда единодушно и всѣ комитеты вспоминали либо о земствѣ, либо о всеобщемъ образованіи, или объ уравненіи правъ, о мелкой земской единицѣ,—или обо всѣхъ ихъ разомъ, какъ объ основныхъ требованіяхъ, безъ осуществленія которыхъ невозможно ожидать дѣйствительнаго улучшенія сельско-хозяйственной промышленности въ краѣ и повышенія уровня экономическаго благосостоянія его населенія. Всѣ постановленія по этимъ кардинальнымъ вопросамъ прошли въ комитетахъ единогласно, или за малыми исключеніями—почти единогласно, въ то время какъ нѣкоторые другіе вопросы возбудили оживленные, а иногда даже и довольно жестокіе споры. Таковы вопросы о разселеніи крестьянъ на хутора, неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и установленіи у крестьянъ личной собственности на надѣльныя земли, а также вопросъ о разверстаніи и сервитутахъ. Ставя весьма широко вопросъ объ уравненіи правъ крестьянъ съ другими сословіями и находя, что наивысшая степень сельскохозяйственной культуры возможна только при полной собственности на землю, многіе настаивали на установленіи у крестьянъ права личной,—а не семейной только (какъ теперь)—собственности на землю. Другіе же, не отрицая необходимости уравненія въ правахъ, настаивали только на одномъ ограниченіи—ограниченіи въ правахъ распоряженія надѣльною землею, опасаясь, что въ настоящее время крестьянинъ не подготовленъ еще къ вполнѣ самостоятельной жизни достаточнымъ образованіемъ (которое теперь только признано необходимымъ ввести въ возможно ближайшемъ будущемъ) и что поэтому предоставленіе ему полныхъ правъ распоряженія надѣлами можетъ повести къ ускоренію и безъ того замѣчаемаго уже процесса обезземеленія крестьянства. Разница въ этихъ взглядахъ членовъ комитетовъ

на вопросъ о личной собственности на надѣльныя земли и на неотчуждаемость таковыхъ и обусловила ту оживленность споровъ по этимъ вопросамъ, которая съ особенною силою сказалась въ засѣданіяхъ губернскаго комитета. Собственно говоря, засѣданія послѣдняго отразили какъ въ фокусѣ всю сущность засѣданій уѣздныхъ комитетовъ по этимъ вопросамъ и, говоря о первомъ, можно уже не говорить объ остальныхъ, тѣмъ болѣе, что губернскій комитетъ обладалъ при обсужденіи ихъ и наибольшею массою данныхъ, да и пренія въ немъ отличались, повидимому, большею обстоятельностью и подробностію. «Въ оправданіе своего стремленія уничтожить неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ—сообщается въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1903, № 45) о засѣданіяхъ кіевскаго губернскаго комитета—большинство доказывало, что выдѣленіе въ средѣ крестьянъ и безземельныхъ все равно неизбѣжно при всякихъ условіяхъ и, что съ теченіемъ времени уже и при наличныхъ ограниченіяхъ надѣльной собственности, вся масса населенія все равно превратится въ безземельный и малоземельныйп ролетаріатъ. Государство же и общество, по мнѣнію большинства, прямо заинтересованы въ томъ, чтобы земля принадлежала тѣмъ, кто въ состояніи наилучше ее использовать, а такой подборъ наиболѣе умѣлыхъ, энергичныхъ владѣльцевъ возможенъ лишь при свободномъ передвиженіи собственности». Въ виду всего этого большинство и высказалось за личную (а не семейную) собственность. Надо сказать, что пренія по этому вопросу были, такъ сказать, преддверіемъ къ рѣшенію вопроса о разселеніи крестьянъ по хуторамъ, такъ какъ отъ рѣшенія перваго вопроса зависѣло и рѣшеніе второго. Разъ большинство высказалось за отчуждаемость, полную свободу распоряженія землей, личную собственность и пр., то уже этимъ самымъ предрѣшено было и постановленіе о желательности предоставленія отдѣльнымъ крестьянамъ права, вопреки даже согласію крестьянскаго міра, выселяться по хуторамъ, заставляя такимъ образомъ всѣхъ крестьянъ общества по единичному желанію одного выселяющагося на хуторъ, перемѣрять каждый разъ между собою всѣ земли, чтобы отвести разбросанныя въ разныхъ частяхъ надѣла полосы этого домохозяина къ одному мѣсту. Такимъ образомъ, какъ совершенно вѣрно замѣтили по этому поводу «Р. Вѣд.», «большинство, во имя полнаго уравненія правъ и полной свободы распоряженія, далеко въ то же время не чуждо было и мѣръ принужденія; обезземеленіе же большинства считало даже благомъ для государства. Немудрено, что при такихъ взглядахъ большинства, ко-

митетъ высказался и противъ допущенія крестьянскихъ переселеній изъ кіевской губ., несмотря на то, что, по показаніямъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетовъ, около 90% крестьянскихъ хозяйствъ находятся въ упадкѣ, такъ какъ не обладаютъ живымъ инвентаремъ, хуже обрабатываютъ землю и получаютъ все худшіе урожаи. Основаніемъ же къ такому взгляду на вопросъ о переселеніи выставлялось то соображеніе, что «для прироста своего населенія губернія даетъ еще достаточно средствъ и заработковъ по свекловичному производству и вообще въ интенсивныхъ хозяйствахъ, и что улучшенія экономическаго положенія крестьянъ легче и лучше можно достигнуть выселеніемъ ихъ на хутора съ дарованіемъ правъ личной собственности на надѣлы».

По вопросу о разверстаніи и сервитутахъ два уѣздныхъ комитета, Кіевскій и Бердичевскій, высказались—за добровольное разверстаніе, Каневскій, Уманскій и Звенигородскій, за обязательное, при условіи требованія одной изъ сторонъ, Липовецкій, Радомысльскій, Васильковскій, Черкасскій и Чигиринскій—за общее обязательное разверстаніе. Въ губернскомъ комитетѣ первенство осталось за первымъ мнѣніемъ, отчасти можетъ быть потому, что много членовъ самаго многочисленнаго изъ уѣздныхъ комитетовъ—Кіевскаго—вошли и въ составъ губернскаго комитета. Большинство высказалось въ губернскомъ комитетѣ за добровольное разверстаніе, какъ это видно изъ печатныхъ матеріаловъ о засѣданіяхъ комитета, потому, что выдача крестьянамъ земельнаго вознагражденія за утрачиваемые при разверстаніи сервитуты была бы безусловно обязательна при обязательномъ разверстаніи, но такая выдача въ то же время была бы безусловно непосильною для помѣщиковъ, особенно въ виду высокой задолженности ихъ имѣній. Поэтому такая мѣра была бы или разорительна для землевладѣльцевъ, или же убыточна для крестьянъ—въ томъ случаѣ, еслибы вознагражденіе было выдано имъ только въ томъ размѣрѣ, который выгоденъ помѣщикамъ. При такихъ условіяхъ, по мнѣнію большинства, оставался одинъ выходъ—оставить дѣло такъ, какъ оно есть, предоставя въ то же время заинтересованнымъ сторонамъ вступать въ тѣ добровольныя соглашенія о разверстаніи ихъ имѣній, которыя, по показанію меньшинства, за 40 лѣтъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы облегчить все-таки помѣщикамъ освобожденіе отъ тяготы пастбищныхъ сервитутовъ, большинство высказалось за предоставленіе имъ полнаго права измѣненія

общаго съ крестьянами сѣвооборота, наличность котораго только и удерживаетъ еще существованіе начинающаго уже исчезать и весьма важнаго для крестьянъ толочнаго сервитута. Этою мѣрою, а также и поощреніемъ крестьянъ къ (невозможному безъ добровольнаго разверстанія и неминуемо ведущему къ уничтоженію всѣхъ сервитутовъ) разселенію крестьянъ по хуторамъ имѣлось въ виду устранить всякую необходимость обязательнаго разверстанія и возможно болѣе ускорить быстро идущій процессъ исчезновенія сервитутовъ. Тогда ни въ какихъ разверстаніяхъ не было бы надобности и сервитуты исчезли бы сами собой безъ всякаго за нихъ вознагражденія. Постановка дѣла— весьма хитроумная и предусмотрительная, и для крестьянъ, конечно, невыгодная и едва ли бы они высказались за нее, еслибы находились въ числѣ членовъ комитета.

—

По подольской губерніи. Наибольшее вниманіе удѣлено было комитетами подольской губ. вопросамъ: о разселеніи крестьянъ на хутора, о переселеніяхъ, объ отхожихъ сельско-хозяйственныхъ заработкахъ, объ уничтоженіи пастбищныхъ сервитутовъ, охранѣ частной земельной собственности, а также вопросу о распространеніи въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній. Вопросъ этотъ, какъ и въ комитетахъ другихъ двухъ губерній юго-западнаго края, въ виду общепризнанной некультурности населенія и полной неподготовленности его къ воспріятію сельскохозяйственныхъ знаній выдвинулъ на очередь общее пожеланіе о скорѣйшемъ введеніи всеобщаго обязательнаго обученія, о полной несостоятельности церковно-приходскихъ школъ и объединеніи всѣхъ школъ подъ руководствомъ министерства народнаго просвѣщенія въ виду желательности прекращенія существующей розни между школами разныхъ вѣдомствъ. Вопросъ о необходимости поднятія уровня умственнаго развитія населенія путемъ введенія всеобщаго образованія возникъ и при обсужденіи вопроса объ охранѣ частной земельной собственности отъ захватовъ ея крестьянами, какъ явленія, зависящаго въ значительной мѣрѣ отъ неразвитости крестьянъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. При обсужденіи этого же вопроса объ охранѣ земельной собственности, возникъ впервые, возбуждавшійся затѣмъ и при обсужденіи вопроса объ урегулированіи отношеній между нанимателями и работниками и вопросъ о необходимости всесословной волости, какъ органа мѣстнаго управленія, дающаго возможность «мѣстной сельской интеллигенціи» принять въ

немъ личное участіе и обезпечивающаго возможность твердаго и разумнаго вліянія на неразумныя массы, нуждающіяся въ твердой власти, которая совершенно отсутствуетъ въ существующемъ крестьянскомъ самоуправленіи. Рядомъ съ всесословной волостью, комитетами выдвинутъ былъ вопросъ о необходимости скорѣйшаго введенія въ губерніи выборнаго земства въ полномъ объемѣ на началахъ положенія 1864 года.

При обсужденіи вопросовъ о переселеніи и отхожихъ промыслахъ комитетамъ пришлось коснуться выясненія вопроса объ экономическомъ положеніи мѣстнаго крестьянскаго населенія и въ нѣсколькихъ прочтенныхъ по этому поводу докладахъ отдѣльныхъ членовъ приведены были весьма интересныя и далеко не утѣшительныя въ этомъ отношніи данныя. Такъ, въ Винницкомъ комитетѣ констатирована была необходимость мѣръ къ «прекращенію дальнѣйшаго роста малоземелья въ уѣздѣ», въ ямпольскомъ—указано было на необезпеченность сельскохозяйственныхъ рабочихъ и на малоземелье крестьянъ, какъ на явленія, «особенно тягостно отражающіяся на состояніи крестьянскаго хозяйства, въ гайсинскомъ комитетѣ, съ чѣмъ согласился губернскій комитетъ, было признано, что главнымъ источникомъ средствъ существованія являются для крестьянъ сельскохозяйственные заработки въ крупныхъ экономіяхъ, а совсѣмъ не надѣльная земля, вслѣдствіе чего «большую часть населенія надо считать сельскимъ рабочимъ классомъ, а не исключительно хлѣбопашцами», при чемъ однимъ изъ докладчиковъ отмѣчено было также, что, при существующемъ малоземельи, крестьянинъ является у насъ рабочимъ, прикрѣпленнымъ къ данному району своимъ клочкомъ земли и «принужденнымъ за безцѣнокъ продавать свой трудъ, чѣмъ пользуются крупныя хозяйства, платя крестьянамъ нищенское вознагражденіе»—и т. д.

Любопытно, что губернскій комитетъ, обсуждавшій вопросъ уже при наличности всѣхъ данныхъ, имѣвшихся въ распоряженіи уѣздныхъ комитетовъ, пришелъ по вопросу о переселеніи къ такому заключенію, что такъ какъ губернія имѣетъ весьма плодородную почву, дающую населенію достаточное пропитаніе и такъ какъ то же населеніе находитъ обильные заработки на многочисленныхъ заводахъ, перерабатывающихъ сельскохозяйственные продукты (т. е. на сахарныхъ заводахъ), то и нѣтъ надобности въ поощреніи переселеній. По вопросу же объ отхожихъ заработкахъ губернскій комитетъ призналъ желательнымъ учрежденіе обязательной общегосударственной эмеритальной

кассы по германскому образцу, отмѣтивъ при этомъ, что всестороннее упорядоченіе рабочаго вопроса въ интересахъ обѣихъ сторонъ находится въ тѣснѣшей связи съ подъемомъ умственнаго развитія населенія путемъ широкаго школьнаго образованія.

По вопросу о разселеніи крестьянъ на хутора комитеты подольской губерніи единогласно высказались за разселеніе. Постановленія уѣздныхъ комитетовъ по этому вопросу получили наиболѣе полное выраженіе въ резолюціи губернскаго комитета, призначшаго переходъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству «важнѣйшимъ вопросомъ, на разрѣшеніи котораго зиждется подъемъ сельскохозяйственной культуры и экономическаго благосостоянія, урегулированіе аграрныхъ отношеній и укрѣпленіе правового сознанія населенія». Въ виду этого комитетъ призналъ необходимымъ «поощрять хуторское разселеніе и коммассацію (уничтоженіе крестьянской чрезполосицы и выдѣлъ каждому двору земли въ одномъ отрубѣ)». Ради осуществленія этого разселенія комитетъ предложилъ, чтобы вопросъ объ общемъ разселеніи рѣшался не $^2/_3$ голосовъ крестьянъ, а простымъ большинствомъ для полученія же разрѣшенія на выдѣлъ отдѣльныхъ хозяевъ достаточно было желанія $^1/_4$ или $^1/_3$ части состава схода, но не иначе какъ при согласіи мѣстнаго владѣльца чрезполоснаго имѣнія,—и чтобы выселяющимся выдавались ссуды, съ нихъ слагались бы выкупные платежи и уменьшались страховыя преміи съ возведенныхъ ими хуторскихъ построекъ. Признано, кромѣ того, необходимымъ, чтобы крестьянскій банкъ выдавалъ ссуды на покупку земли только тѣмъ крестьянамъ, которые обязуются селиться хуторами.

По вопросу о правѣ выпаса крестьянскаго скота и на чрезполосныхъ земляхъ, находящихся въ общемъ—крестьянъ и помѣщиковъ—сѣвооборотѣ (особый видъ пастбищнаго сервитута), губернскій комитетъ высказалъ, что нѣтъ никакого основанія выдавать крестьянамъ вознагражденіе за этотъ сервитутъ въ случаѣ его принудительнаго уничтоженія, такъ какъ это право (выпасы) обоюдное; но имѣя въ виду мнѣнія комитета министровъ 1875 г., постановленія государственнаго совѣта 1886 г. и 1889 г. и особаго совѣщанія по сервитутному вопросу въ 1889 г. о необходимости выдачи этого вознагражденія, рѣшилъ «принять это къ руководству». При обсужденіи этого вопроса констатировано было, что названный видъ сервитута постепенно самъ собою исчезаетъ съ развитіемъ культуры края и, что есть надежда, что съ теченіемъ времени онъ пропадетъ безъ слѣда, такъ что данный вопросъ «разрѣшается естественнымъ путемъ безъ всякихъ

потрясеній, подчиняясь общему порядку культурнаго развитія страны» и безъ необходимости для помѣщиковъ выдавать крестьянамъ вознагражденіе за безслѣдно утрачиваемыя ими права. Поэтому комитетъ высказался противъ принудительнаго уничтоженія этого сервитута, при которомъ выдача такого вознагражденія была бы неизбѣжною и призналъ только желательнымъ изданіе закона о правѣ землевладѣльцевъ измѣнять по своему усмотрѣнію общій сѣвооборотъ, какъ стѣсняющій возможность улучшеній въ хозяйствѣ, чтобы тѣмъ самымъ содѣйствовать вящшему ускоренію уже совершающагося процесса исчезновенія этого сервитута.

Разсмотрѣвъ возбужденный нѣкоторыми уѣздными комитетами вопросъ о необходимости ограничить срокъ аренды крестьянскихъ земель въ видахъ охраны крестьянства отъ разоренія со стороны кулаковъ, для которыхъ право долгосрочной аренды крестьянскихъ надѣловъ является одною изъ формъ эксплуатаціи, губернскій комитетъ не призналъ желательнымъ вводить такое ограниченіе, мотивируя его тѣмъ, что для защиты крестьянъ отъ кулаковъ необходимы другія мѣры, а именно раціональная организація крестьянскаго кредита и вообще мѣры, непосредственно направленныя къ поднятію экономическаго благосостоянія населенія; но каковы должны быть мѣры этого рода, комитетъ не указалъ и вообще вопроса объ этихъ мѣрахъ не обсуждалъ.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить еще одинъ вопросъ, привлекшій особое вниманіе многихъ уѣздныхъ и самого губернскаго комитета, это—вопросъ о народныхъ праздникахъ. Комитетами заслушано было нѣсколько докладовъ разныхъ лицъ (нѣсколькихъ помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ) относительно чрезмѣрнаго изобилія у народа праздниковъ, не установленныхъ закономъ и упадающихъ главнымъ образомъ на лѣтнее рабочее время, что ставитъ крупныя хозяйства въ тяжелое положеніе вслѣдствіе невозможности своевременно имѣть достаточное число рабочихъ. Нѣкоторыми докладчиками указано было при этомъ, что изобиліе такихъ излишнихъ праздниковъ находитъ поддержку у сельскаго духовенства, такъ какъ крестьяне, считая грѣхомъ работать въ такіе дни «на себя», охотно работаютъ даромъ на церковныхъ земляхъ. Въ виду всего этого комитеты высказались за необходимость строгаго и законодательнаго установленія дней, въ которые народъ можетъ не работать съ тѣмъ, чтобы и всѣ табельные отнесены были къ числу дней рабочихъ. Нельзя не отмѣтить по этому

случаю, что тѣ же комитеты подольской губ. высказались также и за «уравненіе правъ», т. е. за предоставленіе крестьянамъ тѣхъ же правъ, которыя имѣютъ другія сословія, что какъ будто стоитъ въ противорѣчіи съ ходатайствомъ о законодательномъ установленіи для крестьянъ числа рабочихъ дней. Впрочемъ, такое распоряженіе объясняется самымъ составомъ комитетовъ, большинство членовъ которыхъ принадлежало къ числу людей, сильно заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ.

—

По волынской губерніи. На первомъ же вопросѣ, подлежавшемъ обсужденію комитетовъ—на вопросѣ о распространеніи въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній и умѣній—и уѣздные, и губернскій комитетъ высказались за необходимость введенія всеобщаго обязательнаго обученія въ виду полной неподготовленности мѣстнаго населенія къ воспріятію даже элементарныхъ сельскохозяйственныхъ знаній: „сельскохозяйственныя знанія немыслимы—говорится въ постановленіи губернскаго комитета—и недѣйствительны безъ общаго развитія крестьянской массы, почему и первой заботой въ этомъ направленіи должно быть поднятіе общей культуры крестьянъ. Необходимо всеобщее обязательное обученіе, которое должно быть признано такимъ же государственнымъ дѣломъ первѣйшей важности, какъ и другія государственныя нужды и потребности, для которыхъ находятся и колоссальныя средства». По поводу средствъ на народное образованіе указано было, что нынѣ казна на всѣ школы всѣхъ вѣдомствъ тратитъ въ губерніи всего 150 т. руб., получая съ одной только продажи питей свыше $7^1/_2$ милліоновъ дохода. Коснувшись при этомъ вопроса о завѣдываніи дѣломъ народнаго образованія, «въ виду доказанной опытомъ несостоятельности церковно-приходскихъ школъ», комитетъ высказался за объединеніе всѣхъ народныхъ школъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Обсужденіе даннаго вопроса о поднятіи уровня умственнаго развитія народа привело комитеты также и къ мысли о необходимости введенія земства. Указавъ на эту необходимость при обсужденіи перваго же вопроса, подлежавшаго ихъ обсужденію, комитеты волынск. губ. возвращаются затѣмъ къ нему не разъ при обсужденіи то тѣхъ, то другихъ вопросовъ программы, каждый разъ указывая на необходимость введенія земства и въ концѣ концовъ, выдѣливъ этотъ вопросъ въ предметѣ особаго обсужденія

внѣ указанной программы, высказываются за введеніе земства въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало по положенію 1864 г.

Въ житомирскомъ губернскомъ комитетѣ возникъ кромѣ того и вопросъ объ уравненіи правъ крестьянъ съ другими сословіями, но возникъ онъ не изъ принципіальныхъ, а изъ чисто практическихъ соображеній такого рода. Члены комитета, обсуждая программный вопросъ объ охранѣ земельной собственности, высказали, что, по ихъ наблюденіямъ, склонность крестьянъ къ земельнымъ захватамъ все болѣе увеличивается, нанося иногда немалый ущербъ частному землевладѣнію. Указавъ при этомъ на то обстоятельство, что нарушенія земельныхъ владѣній значительно облегчаются чрезвычайной черезполосицею и неразверстанностью многихъ имѣній, вслѣдствіе чего является настоятельная необходимость въ производствѣ обязательнаго разверстанія имѣній, они высказали, что главная причина захватовъ заключается «въ неуваженіи крестьянина къ правамъ другого». Поэтому, въ устраненіи даннаго явленія, «прежде всего нужны общія мѣры для поднятія личности селянина, такъ какъ отсутствіе у крестьянина всѣхъ правъ свободной личности» и составляетъ «главную причину того, почему нашъ крестьянинъ не можетъ относиться съ уваженіемъ къ правамъ другого».

Но не остановившись на одномъ этомъ, комитетъ указалъ еще на необходимость «точной законодательной регламентаціи имущественныхъ отношеній крестьянъ и подчиненія ихъ общимъ гражданскимъ законамъ», а въ видахъ этого предложилъ «упразднить въ крестьянскомъ быту въ отношеніи судебныхъ дѣлъ примѣненіе обычнаго права, являющагося нынѣ анахронизмомъ и уничтоживъ волостной судъ подчинить крестьянъ общимъ гражданскимъ законамъ» и сверхъ того предоставить крестьянамъ право личной, а не семейной собственности на землю.

Интересно, что тотъ же мотивъ, т. е. стремленіе къ охранѣ земельной собственности, на почвѣ котораго «помѣстными землевладѣльцами ведется съ крестьянами крупная экономическая борьба за потравы, порубки и прочія правонарушенія», послужилъ для всѣхъ уѣздныхъ комитетовъ волынской губерніи, а также и для комитета губернскаго главнымъ основаніемъ къ тому, чтобы высказаться за скорѣйшій переходъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству (такъ какъ съ этимъ переходомъ захваты крестьянами помѣщичьихъ земель должны значительно сократиться).

При разсмотрѣніи вопроса объ упорядоченіи сельскохозяйственныхъ отхожихъ промысловъ членами комитетовъ, по преимуществу состоявшихъ изъ мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, было высказано почти единодушное мнѣніе, что при многоземельности губернія не даетъ излишка въ рабочихъ, нуждающихся въ отхожихъ промыслахъ, и этотъ вопросъ наиболѣе интересуетъ ее, наоборотъ, въ смыслѣ привлеченія большого количества рукъ извнѣ, такъ какъ существующія въ губерніи свекловичныя, кортофельныя и хмѣлевыя плантаціи, нуждающіяся въ срочной и массовой обработкѣ, не могутъ довольствоваться мѣстными рабочими». На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Совершенно вѣрно, конечно, что въ періоды спѣшныхъ работъ болѣе или менѣе крупныя плантаціи нуждаются въ настолько значительномъ контингентѣ рабочихъ, что, не ограничиваясь крестьянами ближайшихъ деревень, имъ приходится производить наемку со стороны. Но въ то же время «нельзя не имѣть въ виду, что «многоземелье» крестьянъ волынской губерніи, т. е. сравнительно болѣе крупная величина нарѣзанныхъ имъ надѣловъ, обусловлена плохимъ качествомъ и слабой производительностью ихъ земель (болота и пески Полѣсья и мѣстности прилегающей къ нему), что вызываетъ, напр., широкое развитіе такихъ промысловъ, какъ рубка и сплавъ лѣса, смолокуреніе и т. п., значеніе которыхъ все болѣе падаетъ съ сокращеніемъ площади лѣсовъ, заставляя крестьянъ искать себѣ какихъ-нибудь новыхъ заработковъ.

Обсуждая данный вопросъ въ подробностяхъ, губернскій комитетъ остановился, между прочимъ, на ходатайствѣ нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ комитетовъ «объ оставленіи и на будущее время вольныхъ работъ войскъ» въ имѣніяхъ. Чрезвычайно интересно отмѣтить, что такія работы войскъ «вопросъ щекотливый, такъ какъ, преслѣдуя выгоды помѣщиковъ, онѣ нарушаютъ интересы крестьянъ въ смыслѣ пониженія рабочей платы, низкій уровень которой, и незначительные будто бы земельные надѣлы, въ связи съ обостренными часто взаимными отношеніями крестьянъ и помѣщиковъ и служатъ причиною трудности найма крестьянъ и вызова пришлыхъ рабочихъ со стороны». Однако, возраженіе это не было принято во вниманіе и большинство комитета высказалось не только за «упорядоченіе» даннаго вопроса— главнымъ образомъ съ точки зрѣнія облегченія, удешевленія и ускоренія передвиженія сельскохозяйственныхъ рабочихъ по желѣзнымъ

дорогамъ, но и «за сохраненіе на будущее время вольныхъ работъ войскъ».

Наибольшій интересъ среди членовъ и уѣздныхъ и губернскаго комитетовъ возбудилъ вопросъ о необходимости уничтоженія пастбищныхъ сервитутовъ, т. е. права крестьянъ пасти скотъ въ лѣсахъ помѣщика и права пасти его на «толокѣ» (парахъ и пожнивьѣ въ поляхъ общаго—помѣщика и крестьянъ—сѣвооборота). При значительной чрезполосицѣ земельныхъ владѣній въ губерніи и значительномъ же поэтому развитіи сервитутныхъ отношеній вопросъ объ уничтоженіи сервитутовъ имѣетъ здѣсь дѣйствительно весьма важное значеніе, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Наличность «права толоки» стѣсняетъ помѣщиковъ въ установленіи новыхъ сѣвооборотовъ «на чрезполосныхъ земляхъ общаго сѣвооборота», слѣдовательно, препятствуетъ улучшенію хозяйства. Право пастьбы по лѣсу стѣсняетъ помѣщиковъ въ пользованіи послѣднимъ, а волынская губернія и отличается изобиліемъ лѣсныхъ пространствъ отъ остальныхъ губерній юго-западнаго края. Съ другой стороны, уничтоженіе этихъ сервитутовъ увеличитъ весьма значительно доходность помѣщицьихъ имѣній именно тѣмъ, что лишенные выпасовъ крестьяне вынуждены будутъ нанимать ихъ за дорогую цѣну. Но именно, въ виду важности пастбищныхъ сервитутовъ для крестьянъ, послѣдніе всецѣло за сохраненіе послѣднихъ и обыкновенно не идутъ въ этомъ отношеніи ни на какія соглашенія съ помѣщиками. Для волынскихъ крестьянъ пастбищные сервитуты имѣютъ тѣмъ больше значеніе, сравнительно съ крестьянами другихъ губерній края, что благодаря меньшей производительности земли и большей обширности надѣловъ у нихъ значительно болѣе развито скотоводство. При этомъ сѣверные уѣзды губерніи отличаются большимъ развитіемъ чрезполосицы, большимъ развитіемъ скотоводства у крестьянъ и большею распространенностью сервитутовъ, въ особенности лѣсныхъ, чѣмъ южные, болѣе въ этомъ отношеніи сходные съ подольской и большею частью кіевской губерніи, гдѣ наиболѣе развитъ сервитутъ, заключающійся въ правѣ общей толоки. Соотвѣтственно этой разницѣ мѣстныхъ условій опредѣлилась и разница въ мнѣніяхъ комитетовъ. Меньшинство (главнымъ образомъ острожскій комитетъ, принадлежащій къ южнымъ уѣздамъ), признало возможнымъ не настаивать на введеніи обязательнаго разверстанія земель съ уничтоженіемъ сервитутовъ, а предоставить рѣшеніе вопроса добровольнымъ соглашеніямъ сторонъ, но съ тѣмъ, чтобы изданъ былъ

законъ, предоставляющій помѣщикамъ право «свободно распоряжаться сѣвооборотомъ», т. е. измѣнять его по своему усмотрѣнію даже и такъ, что для крестьянъ устранится всякая возможность осуществить свое право выпаса на чрезполосныхъ земляхъ, которыя такимъ образомъ перестанутъ уже стоять и въ общемъ съ крестьянами сѣвооборотѣ. Также рѣшеніе вопроса имѣло еще ту несомнѣнную выгоду для помѣщиковъ, что съ замѣчаемымъ нынѣ постепеннымъ фактическимъ исчезновеніемъ сервитутовъ, устраняло для нихъ непріятную и даже тяжелую необходимость вознаградить крестьянъ за теряемые сервитуты, что было бы неизбѣжно при введеніи принудительнаго разверстанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ введеніе проектируемаго закона только облегчило бы и ускорило уже происходящій на нашихъ глазахъ процессъ исчезновенія сервитутовъ.

Но большинство комитетовъ губерніи (главнымъ образомъ комитеты сѣверныхъ уѣздовъ) и въ томъ числѣ комитетъ губернскій, высказалось за разверстаніе принудительное и за желательность его скорѣйшаго осуществленія, такъ какъ, при полной противоположности интересовъ входящихъ въ это дѣло сторонъ, на рѣшеніе его путемъ добровольныхъ разверстаній нѣтъ никакой надежды, а между тѣмъ въ скорѣйшемъ уничтоженіи сервитутовъ для помѣщичьихъ имѣній ощущается настоятельная надобность. Но, высказавшись всецѣло за скорѣйшее обязательное разверстаніе, комитетъ предусмотрительно умолчалъ о вознагражденіи за нихъ со стороны помѣщиковъ.

На случай же, если скорѣйшее введеніе обязательнаго разверстанія будетъ почему либо признано неосуществимымъ, большинство предложило, чтобы дѣла о добровольныхъ разверстаніяхъ крестьянъ съ помѣщиками рѣшались на сельскихъ сходахъ не двумя третями крестьянскихъ голосовъ, а простымъ большинствомъ, и чтобы законъ предоставилъ помѣщикамъ право измѣнять общій съ крестьянами сѣвооборотъ безъ ихъ согласія по собственному усмотрѣнію, какъ это предложилъ острожскій комитетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду того, что въ сенатской практикѣ по сервитутнымъ дѣламъ есть нѣсколько рѣшеній, изъ которыхъ одни толкуютъ сервитутный вопросъ въ ограничительномъ, а другіе разъясняютъ его въ распространительномъ для крестьянъ порядкѣ, рѣшено ходатайствовать «объ изданіи закона, чтобы судебныя установленія, при возбужденіи исковъ объ убыткахъ, не дѣлали распространительнаго толкованія сервитутныхъ правъ».

Такимъ образомъ исключительный составъ нашихъ комитетовъ далеко не гарантировалъ справедливаго рѣшенія вопросовъ и по большинству наиболѣе серіозныхъ изъ нихъ далъ лишь возможность представителямъ крупнаго заводо- и землевладѣнія, подъ видомъ радѣнія сельскаго хозяйства въ губерніи, постоять за свои интересы.

Комитеты высказались также за желательность введенія всесословной волости, мотивируя это главнымъ образомъ особенностью крестьянскаго міра и управленія, увеличивающею существующую рознь интересовъ и отсутствіемъ въ нынѣшней волости разумной и твердой руководящей власти.

Л. С. Л.

Преобразованіе кіевскаго центральнаго архива. Состоящій при университетѣ св. Владиміра центральный архивъ для древнихъ актовъ 3-хъ губ. ю.-зап. края—кіевской, подольской и волынской—съ января настоящаго 1903 г. получилъ новую организацію, въ которой давно уже ощущалась настоятельная потребность. Вводимые новые штаты значительно увеличиваютъ служебный персоналъ архива; этимъ дается возможность болѣе плодотворной работы надъ изслѣдованіемъ цѣннаго архивнаго матеріала.

Архивъ учрежденъ 2-го апр. 1852 г. одновременно съ Виленскимъ и Витебскимъ (для губ. сѣв.-зап. края). Въ эти архивы повелѣно было сосредоточить всѣ древнія актовыя книги различныхъ присутственныхъ мѣстъ до 1799 г. включительно. Кіевск. центр. архивъ явился и учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ при университетѣ, въ зданіи котораго и былъ помѣщенъ. Библіотекарь университета получилъ и завѣдываніе архивомъ; учреждены были должности: одного штатнаго помощника завѣдующаго, двухъ помощниковъ по вольному найму и одного штатнаго писаря. При такомъ бѣдномъ штатѣ скорое изданіе описей архива, конечно, было невозможно. Въ архивѣ находится 6.000 актовыхъ книгъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе 1000 документовъ. Кромѣ книгъ, хранится около 500.000 актовъ и разныхъ документовъ въ связкахъ, около 100.000 дѣлъ и др. документовъ. Въ общемъ въ архивѣ имѣется около 4.000.000 документовъ—XVI, XVII, XVIII и отч. XIX в.в. По языку большинство документовъ—польскіе, затѣмъ слѣдуютъ документы на латинскомъ, русскомъ, французскомъ, греческомъ, еврейскомъ языкахъ. Весь этотъ матеріалъ весьма цѣненъ для исторіи ю.-з.

края. Изученіемъ его занимались многіе выдающіеся ученые, написавшіе впослѣдствіи изслѣдованія на основаніи изученныхъ актовъ. Труды такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ проф. В. Б. Антоновичъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, И. М. Каманинъ--написаны главнымъ образомъ на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ кіевскомъ архивѣ.

Годовое собраніе общества имени Т. Г. Шевченка. 23 февраля, подъ предсѣдательствомъ Д. И. Эварницкаго, состоялось годовое собраніе общества имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга. Какъ видно изъ прочтеннаго на собраніи отчета общества за 1902 годъ, въ общество вступило вновь 131 членъ; всего въ настоящее время въ обществѣ состоитъ 410 членовъ. Сумма прихода за годъ является 4,862 руб., расходъ равнялся 4,047 руб. Неприкосновенный капиталъ общества составилъ къ 1 января 1903 года 2,176 руб. На пособіе было выдано въ теченіе года 3,864 руб., наименьшій размѣръ единовременнаго пособія былъ въ 20 руб., а наибольшій—въ 100. Большинство лицъ, получившихъ стипендіи—слушательницы женскаго медицинскаго института и студенты технологическаго института и университета. Самое большее число пособій пришлось на уроженцевъ полтавской и черниговской губерній. Отказано въ пособіяхъ было въ теченіе года 15 лицамъ.

Желая установить рессурсы общества на болѣе твердыхъ основаніяхъ, правленіе обратилось за помощью къ общественнымъ учрежденіямъ южной Россіи и съ печатными обращеніями во всѣ городскія управы, а также земскія управы, губернскія и уѣздныя, но получило неутѣшительные результаты, такъ какъ только семь учрежденій отозвалось на нужды общества.

Индифферентное отношеніе нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій южной Россіи, тѣмъ болѣе неутѣшительно, что общество имени Т. Г. Шевченка удовлетворяетъ пособіями учащихся изъ южной Россіи всѣхъ ея предѣловъ.

Въ виду этого правленіе пришло къ заключенію, что наиболѣе вѣрнымъ источникомъ пріобрѣтенія благотворительныхъ средствъ должны быть признаны членскіе взносы. Съ ростомъ личнаго состава общества будутъ возрастать и постоянныя его средства, и обезпечиваться будущее.

Затѣмъ правленіемъ была высказана весьма симпатичныя идея, а именно: чтобы выдавать въ исключительныхъ случаяхъ лицамъ не ссуды, а пособія (безъ возврата). Собраніе единогласно присоединилось къ мнѣнію правленія. Далѣе, на ежегодныя панихиды по Т. Г. Шевченку рѣшено ассигновать сумму изъ средствъ общества, а не производить ежегоднаго сбора.

Къ изученію кобзарнаго искусства. 7 марта, въ 8 ч. вечера, *въ засѣданіи Екатеринодарскаго общества любителей изученія Кубанской области* кобзаремъ Михаиломъ Кравченкомъ было исполнено нѣсколько малороссійскихъ пьесъ, а также г. Петлюрой былъ прочитанъ докладъ «Кобзари, ихъ положеніе и значеніе». Докладчикъ въ своемъ обстоятельномъ и интересно написанномъ рефератѣ нарисовалъ слушателямъ исторію развитія «кобзарничества» и современнаго его состоянія.

Причину упадка «кобзарнаго искусства» онъ видитъ, главнымъ образомъ, въ притѣсненіяхъ, чинимыхъ кобзарямъ полиціей, которая относится къ нимъ чрезвычайно строго. Въ заключеніе доклада авторъ его высказалъ пожеланіе, чтобы общество любителей изученія Кубанской области взяло на себя иниціативу собиранія думъ и сказаній, такъ или иначе относящихся къ прошлому Малороссіи и ея исторіи, еще можетъ быть сохранившихся въ Кубанской области, которая населена потомками бывшихъ запорожцевъ, что нашло сочувственное отношеніе среди членовъ общества.

Изъ числа исполненныхъ Михаломъ Кравченкомъ пьесъ особенно удачной по исполненію и содержанію была дума «Про Морозенка». («Кубанскія Обл. Вѣд.», № 55).

Удовлетворенное и отклоненное ходатайства. Предсѣдательница императорскаго московскаго археологическаго общества, графиня П. С. Уварова, сообщила Полтавской губернской земской управѣ копію полученнаго ею отношенія министра внутреннихъ дѣлъ, по поводу возбужденныхъ ею ходатайствъ объ оказаніи покровительства кобзарямъ и лирникамъ и объ утвержденіи устава общества любителей изученія полтавской губ. По отношенію къ первому изъ этихъ ходатайствъ г. министръ, признавая значеніе лирниковъ и кобзарей для русской литературы, изъявляетъ готовность итти на встрѣчу пожела-

нію, выраженному XII археологическимъ съѣздомъ, и сдѣлать распоряженіе объ оказаніи имъ возможной поддержки, для чего проситъ доставить данныя относительно этихъ лицъ и обычнаго раіона ихъ передвиженія. Что же касается ходатайства о скорѣйшемъ утвержденіи устава общества любителей изученія полтавской губ., то г. министръ сообщилъ, что бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Горемыкинымъ, ходатайство объ этомъ отклонено въ 1899 г. и что основаній къ пересмотру этого распоряженія не имѣется, тѣмъ болѣе, что на очередь выдвинутъ вопросъ объ открытіи въ Полтавѣ губернской ученой архивной коммиссіи, разрѣшенію которой будутъ подлежать большинство задачъ, намѣченныхъ уставомъ общества любителей изученія полтавской губерніи. («Полтавскій Вѣстникъ», № 80).

Лѣкарственныя растенія въ лубенскомъ уѣздѣ. Въ лубенскомъ уѣздѣ съ давнихъ поръ водятся лѣкарственныя растенія. Петръ I устроилъ тамъ казенную аптеку для собиранія и разведенія лѣкарственныхъ травъ. Съ теченіемъ времени все это уничтожилось. Но и нынѣшніе случайные и жалкіе сборы травы составляютъ предметъ значительной торговли въ Лубнахъ. Травы эти большими партіями отправляются заграницу, оттуда же возвращаются въ наши аптеки, въ видѣ дорогихъ эѳирныхъ маслъ и экстрактовъ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ было прислано въ Лубны для культивировки изъ Министерства нѣсколько образцовъ знаменитой англійской мяты, дающей мятное масло. Мѣстный помѣщикъ-любитель М. И. Исаевичъ раздобылъ нѣсколько корешковъ этой травы, развелъ ее у себя около десятины и началъ добывать изъ нея мятное масло, которое ничѣмъ не уступаетъ знаменитому англійскому миттамскому маслу. Интереснѣе всего, что, по нѣкоторымъ археологическимъ даннымъ [1])—англійская мята, несомнѣнно, произрастала когда-то въ Лубнахъ во времена гетманщины, и тутъ же добывалось мятное масло. Послѣ полтавской битвы, когда палъ Мазепа, зять его Войнаровскій, убѣгая въ Лондонъ, захватилъ, между прочимъ, съ собой и образчики тогда энциклопедически цѣлительной травки мяты. Въ Англіи эту траву культивировали и превратили въ драгоцѣнное эѳир-

---

[1]) Смотр. Очерки лубенской старины К. Бочкарева.

ное масло. А у насъ растеніе, предоставленное самому себѣ, постепенно вырождалось и превратилось почти въ сорную траву.

Понадобилось три столѣтія, чтобы это полезное растеніе подъ англійскимъ клеймомъ вновь водворилось на своей прежней почвѣ.

Что станется съ травкой—неизвѣстно. Можетъ понадобиться еще триста лѣтъ, чтобы она вновь попала въ отечество подъ иностраннымъ флагомъ («Южный Край», № 7651).

Предполагаемый даръ г. Кіева С.-Петербургу. Между кіевскою городской управой и ювелирно-граверныиъ ателье Л. В. Шифрина ведутся переговоры объ изготовленіи художественно-исторической группы, которую предполагается поднести отъ Кіева г. С.-Петербургу въ день его 200-лѣтняго юбилея. По идеѣ Л. В. Шифрина, группа эта изъ 4 фигуръ и барельефовъ должна будетъ связать въ себѣ важнѣйшія историческія событія постепеннаго перемѣщенія древнѣйшей столицы государства россійскаго изъ Кіева въ С.-Петербургъ, указывая, такимъ образомъ, на тѣсную связь между этими городами. («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 47).

Симпатичное пожеланіе. «Полтавскій Вѣстникъ» (№ 80) высказываетъ заслуживающее горячей поддержки пожеланіе, чтобы Полтавское городское общественное управленіе пригласило Н. В. Лисенка на торжество открытія памятника И. П. Котляревскому, и вошло въ соглашеніе съ мѣстнымъ отдѣленіемъ музыкальнаго Общества, дабы кантата «Бьють пороги» и «Слава нашымъ козаченькамъ» были исполнены подъ управленіемъ композитора Н. В. Лисенка, въ память заслугъ его народной музыкѣ, въ виду истекающаго осенью этого года 35-лѣтія дѣятельности его на поприщѣ народнаго композитора.

Лекціи по исторіи Украины въ Парижѣ. Свободный Русскій Университетъ въ Парижѣ прислалъ приглашеніе профессору украинской исторіи во Львовѣ Михаилу Грушевскому прочесть рядъ лекцій по исторіи Украины. («Літерат.-Науковий Вістник», кн. 3).

Интересная лекція. Марія Конопницкая въ первыхъ числахъ марта прочтетъ во Львовѣ двѣ публичныя лекціи, посвященныя памяти знаменитаго польскаго поэта „украинской школы“ Богдана Залѣскаго. («Волынь», 46).

Лекціи изъ украинской исторіи въ г. Полтавѣ. Въ непродолжительномъ времени, профессоромъ Московскаго университета Д. И. Эварницкимъ будутъ прочитаны въ г. Полтавѣ двѣ лекціи: 1) На тему по запорожскимъ урочищамъ, 2)—Гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. („Полтавскій Вѣстникъ“, № 79).

Премія за новыя малорусскія пьесы. Артисты украинскаго театра гг. Карпенко-Карый, Садовскій и Саксаганскій обращаются къ украинскимъ драматургамъ съ просьбой доставлять имъ новыя, еще не появлявшіяся на сценѣ, но дозволенныя къ представленію пьесы. За каждую изъ представленныхъ пьесъ, удовлетворяющую литературнымъ и сценическимъ требованіямъ и признанную годной къ постановкѣ лицами, объявляющими преміи, выдается при первомъ представленіи, сверхъ обыкновенной поспектакльной платы, премія въ 150 руб. Необходимыми условіями для присужденія преміи признаны слѣдующія: а) пьеса должна быть написана на украинскомъ языкѣ, б) имѣть не менѣе 4-хъ актовъ и в) разрабатывать содержаніе, взятое изъ современной жизни. Каждая удостоенная преміи пьеса предоставляется въ собственность и распоряженіе гг. Садовскаго и Саксаганскаго на одинъ годъ.

Рефератъ о Галичинѣ. 3 марта въ собраніи церковно-историческаго и археологическаго общества при Кіевск. духовн. академіи былъ предложенъ рефератъ о современномъ состояніи Галицкой Руси проф. академіи, священника Ѳ. И. Титова, по личнымъ его наблюденіямъ во время 4-мѣсячнаго пребыванія его во Львовѣ, Краковѣ и др. городахъ Галичины. Въ рефератѣ были, между прочимъ, отмѣчены цѣнныя архивныя сокровища въ городахъ Галичины (Львовѣ, Перемышлѣ, Станиславовѣ, Краковѣ), обиліе историческихъ памятниковъ и изображено современное состояніе галицко-руской уніатской церкви и народа.

Портретъ работы Т. Г. Шевченка. Недалеко отъ Седнева было мѣстечко Бѣгачъ, гдѣ жило семейство князя Кекуатова, у котораго Шевченко писалъ въ 1847 г. портретъ красавицы-жены князя. Писанъ портретъ вѣроятно въ февралѣ—мартѣ 1847 г.

Портретъ этотъ находится на выставкѣ кіевскаго музея, выставленъ г. Шлейферомъ, къ коллекціи картинъ котораго принадлежитъ.

Рисунки могилы Т. Г. Шевченка. На весенней выставкѣ картинъ въ Академіи художествъ находится интересное и хорошо исполненное произведеніе В. К. Развадовскаго „Могила Т. Г. Шевченка“. («Биржевыя вѣдомости»).

Украинскій театръ въ селѣ. Въ м. Ковалевкѣ, полт. г., по инициативѣ мѣстнаго помощника учителя основанъ кружокъ любителей драматическаго искусства изъ мѣстныхъ жителей, преимущественно селянъ; пока поставлено было двѣ пьесы. Для перваго раза было поставлено „Сватання на Гончаривци“. Хотя эта пьеса особеннаго успѣха въ смыслѣ денежномъ и не имѣла (сборъ былъ около 45 руб.), но за то была встрѣчена очень сочувственно и вызвала горячія симпатіи къ родному искусству. Когда для второго спектакля была поставлена «Бондаривна», то она прошла съ необыкновеннымъ успѣхомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сборъ былъ около 105 руб. Сумма для села очень солидная! Всѣ посѣтители остались весьма довольны спектаклями и съ нетерпѣніемъ ждутъ постановки новыхъ пьесъ.

Нельзя не пожалѣть, что у названнаго кружа крайне ограниченный запасъ пьесъ и что онъ стоитъ внѣ всякой связи съ подобными себѣ кружками въ другихъ мѣстахъ, не имѣя съ ними никакихъ сношеній. Сношенія эти были-бы полезны во-первыхъ потому, что можно было-бы мѣняться книгами пьесъ, а во-вторыхъ—наиболѣе способные любители могли гастролировать изъ одного мѣста въ другое и тѣмъ увеличивать интересъ къ родному искусству.

Фондъ для изданія обще-полезныхъ и дешевыхъ книгъ на малорус. языкѣ. Въ память сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости служащими въ Полтавскомъ губернскомъ земствѣ собранъ былъ капиталъ въ 335 рублей, который

предположено было употребить на просвѣтительныя цѣли, предоставивъ его въ распоряженіе Благотворительнаго «Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» на извѣстныхъ условіяхъ. Въ настоящее время отъ правленія этого общества, предсѣдателемъ котораго состоитъ извѣстный писатель Д. Мордовцевъ, получено извѣщеніе о присоединеніи капитала къ средствамъ общества и о принятіи имъ условій пользованія капиталомъ. Условія эти таковы: 1) деньги 335 р. составятъ особый фондъ для изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, по мѣрѣ расходованія пополняемый доходами отъ продажи изданій; 2) фондъ этотъ будетъ носить наименованіе «капитала, собраннаго служащими въ Полтавской губернской земской управѣ въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»; 3) на книжкахъ, издаваемыхъ на средства фонда, печатается его названіе и 4) въ случаѣ изданія книгъ по сельскому хозяйству, содержаніе ихъ должно быть приноровлено къ хозяйственнымъ условіямъ полтавской губ. и ея быту. Сообщая о принятіи этихъ условій Правленіе общества выражаетъ свою искреннюю признательность за предоставленіе этого капитала въ распоряженіе Общества.

Шевченковскій вечеръ въ Петербургѣ. 27-го февраля петербургскіе малороссы праздновали память своего родного поэта Т. Г. Шевченка. Красивый залъ «Новаго театра» г-жи Яворской былъ буквально переполненъ собравшейся публикой. Съ лѣвой стороны сцены на возвышеніи былъ поставленъ бюстъ покойнаго поэта, очень красиво задрапированный малорусскими «кылымами» и тропическими растеніями. Вѣнки украшали подножіе бюста, а надъ головой его возвышалась громадная цвѣточная лира. Поэтъ съ опущенной головой, казалось, прислушивался къ звукамъ родной рѣчи, внезапно огласившей большое помѣщеніе театра. Вечеръ начался рѣчью маститаго писателя Д. Л. Мордовцева. «Старый, сывый дидъ», подъ руки взведенный на сцену, трижды поклонился бюсту Тараса.—«Шановна громадо»! пронеслось по залу, и все сразу смолкло. Говорилъ старый ветеранъ, много видѣвшій и испытавшій на долгомъ пути своей рабочей жизни, и чутко внимала ему горячая молодость, и сосредоточенно молчала богатая воспоминаніями старость. Рѣчь его, печально начатая воспоминаньями прошлаго, постепенно, чѣмъ ближе ораторъ подходилъ къ нашему времени, становилась радостнѣе, и слова его, полныя надеждъ

и вѣры въ будущее, глубоко западали въ душу притаившихъ дыханіе слушателей. Не зачѣмъ плакать по исчезнушей козаччинѣ, говорилъ Д. Л.; она исчезла безвозвратно, но «стара маты»—Украйна живетъ. У нея есть еще дѣти, ея внуки, а у тѣхъ дѣтей и внуковъ—свои дѣти и внуки. «Я слипый, я ихъ не бачу», жаловался дидъ: «але я серцемъ чую, що воны ось тутъ»,—и дрожащей рукою онъ указывалъ на внимавшую ему залу. Перенесшись затѣмъ мыслью на далекую родину и указавши на Амуръ, Уссури и далекую Америку, гдѣ теперь тоже «лунае наша мова и письня», ораторъ перешелъ къ петербургскому обществу имени Т. Г. Шевченка, раздавшему въ минувшемъ году около 4000 рубл. нуждающимся студентамъ—малороссамъ.

Свою рѣчь «дидъ Мордовецъ» закончилъ «славой» Т. Г. Шевченку. Занавѣсъ опустился при долгихъ и шумныхъ апплодисментахъ. Когда онъ опять поднялся, зрителямъ представился цѣлый цвѣтникъ—смѣшанный хоръ, одѣтый въ малорусскіе народные костюмы. Дирижеръ, г. Томашевскій, взмахнулъ своей палочкой и залъ наполнился чудными звуками финальнаго хора изъ оп. «Чорноморци»—«Слава нашымъ козаченькамъ».

Было бы излишне перечислять всѣ номера удачно составленной программы. Ихъ всего предполагалось 15, но можно съ увѣренностью сказать, что исполнено было, по меньшей мѣрѣ, втрое больше. Публика, жадно внимавшая роднымъ звукамъ, послѣ каждаго номера приходила въ экстазъ, требуя повторенія, и ея желанья удовлетворялись. Изъ пѣсенъ, исполненныхъ хоромъ,—пѣвшимъ, надо сказать, очень стройно и воодушевленно, особенно понравились публикѣ граціозно-шутливыя «Кучерява Катерына» и «На бережку у ставка», а также начальный хоръ изъ оп. «Утоплена» Н. В. Лисенка «Туманъ хвылямы лягае». Мечтательная мелодія послѣдняго, полная невыразимой поэтической прелести лѣтняго малороссійскаго вечера, придала меланхолическій оттѣнокъ настроенію публики. Но задорные, блещущіе молодостью и весельемъ звуки «Добрый вечиръ, дивчаточка», быстро прогнали тѣнь грусти съ лицъ слушающихъ.

Изъ отдѣльныхъ исполнителей восторженнѣе другихъ были приняты г-жа Слатина, съ большимъ чувствомъ спѣвшая «Садокъ вышневый коло хаты» Н. Лисенка и на bis «Тамъ за тыхымъ за Дунаемъ» изъ оп. «Запорожецъ за Дунаемъ». Съ большимъ успѣхомъ выступила и г-жа Зарницкая, участвующая въ труппѣ г. Суслова, находящейся теперь въ Петербургѣ. Спѣтыя ею «Витре буйный», «Гандзя» и «Ой

гопъ гопака, полюбыла козака» привели публику въ полный восторгъ. Не менѣе горячо принимали и г-жу Орель, блеснувшую своимъ колоратурнымъ сопрано въ «Ой, у саду на вышенци соловейко щебетавъ» и затѣмъ съ замѣчательнымъ выраженіемъ спѣвшую извѣстную пѣсню: «Ой, казала мени маты». Много апплодисментовъ вызвалъ и г. Манько своей декламаціей.

Но гвоздемъ вечера былъ поставленный въ заключеніе 3-й актъ изъ драмы Кропивницкаго «Невольныкъ». Роль Ярыны была исполнена М. К. Заньковецкою. Вѣчно юный, могучій талантъ артистки сдѣлалъ чудо: въ нѣсколько минутъ онъ заставилъ развеселившуюся публику забыть все и пережить всю драму, происходящую въ душѣ бѣдной Ярыны. У многихъ на глазахъ, только что блестѣвшихъ весельемъ и смѣхомъ, теперь блестѣли слёзы. Послѣ литературно-музыкальной части вечера начались танцы. («Полтавскій Вѣстникъ»», № 73).

Въ 42-ую годовщину смерти Т. Г. Шевченка были отслужены панихиды: 3-го марта въ Кіевскомъ Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ, 26-го февраля въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ и въ г. Черниговѣ—при большомъ стеченіи почитателей поэта.

Литературно-музыкальные вечера въ память Т. Гр. Шевченка состоялись: *въ Кіевѣ*—27-го февраля въ Народной аудиторіи, и 26 марта въ залѣ купеческаго собранія; *въ С-Петербургѣ*—27 февраля въ новомъ театрѣ, 16-го марта—въ аудиторіи народныхъ чтеній.

Частвованіе памяти Т, Г. Шевченка въ Краковѣ. Краковская украинская интеллигенція торжественно чествовала годовщину смерти Тараса Шевченка. Въ чествованіи этомъ приняли также участіе и представители мѣстной польской интеллигенціи. («Волынь», № 60).

Юбилей В. Г. Короленка. 15 іюля н. года исполнится 50 лѣтъ со дня рожденія Влад. Галакт. Короленка. Въ думу г. Житомира—родины писателя—внесено предложеніе о чествованіи этого дня, между прочимъ, открытіемъ школы им. В. Г. Короленка и народными чтеніями.

Юбилей академика А. Н. Пыпина. Лѣтомъ истекаетъ 50 лѣтъ научной и литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина. Среди почитателей таланта историка русской литературы возникла мысль отмѣтить этотъ день жизни писателя. 25 марта въ день 70-лѣтней годовщины жизни А. Н. Пыпина, академія наукъ чествовала своего сочлена. («Русскія Вѣдом.», № 66).

Юбилей П. П. Пелехина. Бывшій ординарный профессоръ Императорской военно-медицинской академіи, нынѣ вице-предсѣдатель «благотворительнаго общества изданія полезныхъ и дешевыхъ книгъ», докторъ медицины и хирургіи, тайн. сов. П. П Пелехинъ закончилъ 10-го марта сорокалѣтіе своей врачебной и учебно-литературной дѣятельности. Профессоръ-юбиляръ состоитъ въ числѣ учредителей общества имени Т. Г. Шевченка въ С.-Петербургѣ. («С.-Петербургскія Вѣд.», № 62).

Юбилей проф. В. С. Иконникова. Главный редакторъ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій» и членъ-корресподентъ Императорской академіи наукъ по 3-му отдѣленію ея, заслуженный ординарный профессоръ кіевскаго университета, докторъ русской исторіи В. С. Иконниковъ закончилъ 23-го февраля тридцатипятилѣтіе своей профессорской службы въ кіевскомъ университетѣ, что совпадаетъ съ сорокалѣтіемъ его учено-литературной дѣятельности вообще. Въ наукѣ В. С. навсегда увѣковѣчилъ свое имя извѣстнымъ трудомъ «Очерки русской исторіографіи», въ двухъ томахъ, болѣе 2½ тысячъ страницъ; третій томъ «Очерковъ» уже составленъ профессоромъ и вскорѣ появится въ свѣтъ.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ нашу редакцію присланы отъ нѣкоторыхъ лицъ деньги на поднесеніе подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-тилѣтняго юбилея, а именно: отъ Е. Х. Чикаленка—1000 р.; отъ В. Н. Леонтовича—25 р.; отъ В. Б.—10 р.; отъ В. Н.—10 р.; отъ К. Солухи—10 р.; отъ П. Проспав—5 р.; отъ П. П.—5 р.; отъ А. Ч.—5 р.; а всего—1070 р.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ И БУКОВИНЫ.

Годовой отчетъ „Наукового Товариства імени Т. Г. Шевченка". – «Товариство ім. Шевченка» въ Львовѣ издало свой отчетъ за 1902 г. Оно израсходовало въ отчетномъ году на всѣ свои изданія 40,840 кр. Доходы общества состояли изъ пособія галицкаго сейма въ 10,000 кр., изъ пособія государства въ 8,000 кр. Остальные доходы давала типографія «Товариства», печатающая школьные учебники для народныхъ школъ и гимназій съ украинскимъ языкомъ преподаванія. Правленіе «Товариства» пыталось развить продажу своихъ научныхъ изданій, но успѣха не имѣло. Комиссіонеръ, занятый распространеніемъ по краю и польскихъ, и нѣмецкихъ книгъ, возвратилъ обществу его изданія, такъ какъ ихъ никто не покупаетъ. Въ виду этого общество вновь серьезно озабочено вопросомъ о сбытѣ своихъ изданій. Въ виду недостатка матеріальныхъ средствъ, библіотека общества пополнялась только обмѣномъ и пожертвованіями (наиболѣе значительныя пожертвованія сдѣланы проф. кіевскаго университета Антоновичемъ и Житецкимъ). Общество владѣетъ еще своимъ домомъ, пріобрѣтеннымъ на пожертвованіе изъ Россіи отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ; но домъ пока не приноситъ дохода, такъ какъ заложенъ. Общество въ истекшемъ году занято было обсужденіемъ вопроса объ открытіи частнаго украинскаго университета во Львовѣ; но эта мысль была оставлена: университетъ стоилъ бы непосильно дорого; кромѣ того, австрійское правительство не признало бы дипломовъ этого университета и т. о. лишило бы его слушателей. Изъ изданій общества слѣдуетъ отмѣтить: 1) Записки (вышло уже 50 томовъ), 2) сборники различныхъ секцій, 3) изданія этнографической комиссіи (очень цѣнныя) и юридической, 4) библіотеки историческую и украинско-рускую, наконецъ 5) Літературно Науковий Вістник. Въ 1902 году расходъ на эти изданія поглощалъ почти весь доходъ. Душой общества является его предсѣдатель проф. львовскаго университета по исторіи Руси-Украины (бывшій кіевскій доцентъ) Михайло Грушевскій. Помощниками проф. Грушевскаго являются извѣстные гг. Барвинській и Студинській. Мечта этихъ дѣятелей направлена къ созданію изъ общества «Украінско-рускоі академіі наук». («С.-Петербугск. Вѣд.» 71).

Къ вопросу объ украинско-рускомъ университетѣ во Львовѣ. На собраніи славянскихъ студентовъ въ Грацскомъ университетѣ между другими принята слѣдующая резолюція, предложенная Е. Косевичемъ: «Славянское студенчество, собранное на вѣче 11 марта 1903 г., требуетъ основанія украинскаго университета во Львовѣ и чешскаго въ Прагѣ». Участвовало въ вѣчѣ свыше 300 человѣкъ («Діло», 49).

Публичныя лекціи во Львовѣ. Стараніями т-ва «Кружок українських дівчат» въ мартѣ мѣс. устроенъ рядъ публичныхъ лекцій: 1) д-ръ Франко—«Данте Алігієрі і його Божественна Комедія»; 2) д-ръ Студинський—«Старинна руска повість»; 3) проф. Боберскій—«Ваймар тепер а передше»; 4) проф. Колесса «Українська література XIX в. до Шевченка». («Діло», № 41).

«Кружок українських дівчат в Чернівцях». 22 февр. состоялось общее собраніе «Кружка українських дівчат в Чернівцях» подъ предсѣдательствомъ г-жи Ольги Кобылянской Изъ отчета видно, что въ теченіе годичнаго своего существованія означенный «кружокъ» имѣлъ 8 собраній, на которыхъ читались рефераты, и новѣйшія беллетристическія и научныя произведенія. Членовъ всѣхъ кружокъ имѣетъ 27, въ томъ числѣ на провинціи 11. Библіотека состоитъ изъ 225 томовъ; большая часть ея куплена на средства «Кружка», часть получена въ даръ. На общемъ собраніи принято рѣшеніе всяческими способами подвинуть вопросъ объ основаніи «дівочоі бурси». а кромѣ того, по предложенію г-жи Кобылянской,—чтобы члены, живущіе на провинціи, собирали народныя сказки и пѣсни, которыя могутъ быть изданы на средства «Кружка». («Буковина», ч. 19)

Перемѣна президента Буковины. Бр. Бурбіньонъ палъ жертвой своей антирусинской политики. Пока онъ шелъ рука объ руку съ русинами, чувствовалъ себя сильнымъ на своемъ посту. Послѣднія его антирусинскія дѣйствія въ Буковинѣ убѣдили центральное правительство, что нельзя управлять Буковиной не только противъ, но и безъ русиновъ. На мѣсто Бурбіньона назначенъ кн. Гогенлое-Шиллингефирстъ («Діло», 37—38).

Къ колонизаціи мазуровъ въ восточной Галичинѣ. «Польскій парцелляціонный банкъ» въ Галичинѣ напечаталъ отчетъ о своей

дѣятельности, обратившій на себя вниманіе русинской печати Галичины («Діло»). Сначала банкъ занимался распродажей земельныхъ участковъ по порученію владѣльцевъ. Когда же разгорѣлась польско-русинская борьба въ вост. Галичинѣ, то банкъ сталъ на собственный рискъ покупать земли и распродавать ихъ. Съ основанія банка до конца 1902 года было предложено для распродажи *272* земельныхъ имуществъ, въ 63 повѣтахъ, площадью въ *200,000* морговъ. Банкъ же принялъ на парцелляцію 24 имущества площадью въ 9200 морговъ, изъ которыхъ распродалъ—8,368 морговъ за 3.458,375 кр, въ томъ числѣ въ послѣдній, 1902 годъ, за 2.112,519 кр., 12 имуществъ уже окончательно распроданы по частямъ, 12 же еще не совсѣмъ. «Діло» утверждаетъ, что польскія газеты намѣренно умалчиваютъ названія мѣстностей, гдѣ находятся распроданныя банкомъ земли, даже утверждаютъ, что дѣятельность банка, главнымъ образомъ, распространялась не на восточную, русинскую, а на западную, польскую Галицію. Въ вост. Галичинѣ распроданы участки мазурамъ (полякамъ) только-де въ 2 повѣтахъ—львовскомъ и ярославскомъ; остальное будто бы продано мѣстному, русинскому населенію. «Діло» называетъ это неправдой, утверждая, что цѣль банка—колонизовать вост. Галичину мазурами, а русиновъ побудить къ переселенію въ Америку. («С.-Петербургск. Вѣд.», 67).

Ограниченіе ухода на заработки въ Галичинѣ. Отсутствіе заработка и невозможно низкая заработная плата—вынуждаютъ русиновъ уходить на работы «за Бескид», въ Сѣверную Америку, и въ послѣднія 10 лѣтъ—въ Германію, даже оч. далеко на сѣверъ ея. Казалось бы ничто въ Австріи не должно препятствовать этимъ поискамъ работы и лучшей платы. 4-я статья основного закона (21/XII—1867) обезпечиваетъ каждому австрійскому гражданину не только неограниченную свободу переселенія въ предѣлахъ государства, но и свободу выселенія (ограниченную, только обязанностью воинской службы). И все-таки въ восточной Галиціи всевозможныя препятствія въ этомъ отношеніи, какъ затрудненія въ выдачѣ паспортовъ и т. п.—обычное явленіе. Особенно теперь, послѣ прошлогоднихъ «страйків», Галицкіе верховоды рѣшили показать русинскому рабочему народу свою силу и наказать его непокорность; русинскій народъ, по ихъ планамъ, долженъ гибнуть отъ голода или работать на панскихъ ланахъ

за плату, какую ему великодушно дадутъ изъ милости. Вотъ послѣднія извѣстія. 18 февр. на «війтівскій» сессіи въ бережанскомъ старостве секретарь старостава запретилъ эмиграцію и выходъ на заработки въ Пруссію, заявилъ, что никому не дастъ паспорта и приказалъ, чтобы війты немедленно доносили старостру, если кто будетъ записывать людей на работы въ Пруссію. Или вотъ оффиціальная бумага рады Перемышлянской волостному начальству въ Барычахъ запрещаетъ эмиграцію въ Америку безъ предъявленія 2.000 кор. наличными и безъ предварительнаго увольненія отъ Австрійскаго подданства. («Діло» 33). Или вотъ фактъ изъ Брідщини. Въ с. Топорові нѣмецкая фирма наняла 50 человѣкъ русиновъ на лѣсныя работы въ Баваріи. Секретарь старостава въ Бродахъ—отказалъ выдать имъ паспорты. Отправившіеся съ служебными книжками рабочіе были задержаны на Львовскомъ вокзалѣ и возвращены. Фирма имѣетъ обжаловать это беззаконіе передъ вѣнскимъ правительствомъ. («Діло», 37—38).

Воззваніе къ галицкому духовенству. Въ № 35 «Діло» свящ. О. Д. Танячкевичъ обращается съ просьбой ко всему Галицкому русинскому духовенству—присылать извѣстія о фактахъ безправія, обидъ и оскорбленій, какія причиняетъ латинскій клиръ, латинская церковь въ Галичинѣ «руско-католицькой» православной церкви. Эти факты, какъ иллюстрація положенія «руско-католицькоі» церкви, должны быть занесены въ церковно-историческій актъ—меморіалъ, который будетъ преподнесенъ Апостольскому Престолу (согласно постановленія народнаго собранія во Львовѣ 8 сент. 1902). Гакатистическое направленіе польской политики и ея слуги—латинской церкви дѣлаетъ особенно необходимымъ такое собираніе фактовъ притѣсненій. Цѣли этой политики—не допустить исполненія самостоятельной миссіи «руско-католицькоі» церкви, унизить ея обрядъ, подорвать авторитетъ и вліяніе ея духовенства. («Діло», 35).

Откуда берутся „латинники“ въ Галичинѣ? Д-ръ Голомбинскій насчиталъ въ восточной Галичинѣ $1^1/_2$ милліона поляковъ; д-ръ Козловскій, созвавшій уже тридцать слишкомъ «повітових з'їздів», всюду провозгласилъ, что Галицкая Русь—отъ созданія міра—польская земля, что поляки здѣсь—автохтоны, что «обрушённые» латин-

ники—это остатки прежняго польскаго населенія, а русины—чуждые пришельцы. Многіе въ западной Галиціи дѣйствительно вѣрятъ, что латинники восточной Галичины—это обрушенные польскіе колонисты. Въ дѣйствительности эти поляки—только перетянутые въ латинство, въ этомъ поколѣніи или два-три поколѣнія назадъ, коренные русины «З діда-прадіда», русины по крови и расѣ, по языку, по вѣрѣ и обычаямъ. Польскіе колонисты составляютъ между ними едва десятую часть, и до нынѣ остаются поляками.—Подъ предлогомъ «одпольщеня зрущоних влосцян на Русі»—идетъ усиленная латинизацiйно-полонизаторская работа, ежедневное перетягиванье «греко-католиків» русиновъ въ латинскій обрядъ, на «польске». Глубоко интересныя данныя о такихъ массовыхъ перетягиваньяхъ находимъ въ брошюрѣ о. Прислопского (изъ Дубецка) «Примір латинизаторськоі гакати». Въ 1874—1876 гг. приведена въ латинство большая половина русиновъ въ Дубецкѣ и захвачены приходскія земли. А было тамъ нѣсколько «руских» церквей. Въ 1875 г. олатинено цѣлое село Сільниця надъ Сяномъ. Въ 1878—80 гг. перешла въ латинство большая часть прихожанъ с. Динова. Въ 1880 г. олатинено почти все село Кремінка надъ Сяномъ. Въ 1892—цѣлое село Умяниця надъ Сяномъ. Въ послѣднее 10-лѣтіе олатинена большая половина села Бахорця. Всѣ эти села были прежде—самостоятельными «рускими» приходами. А теперь въ нихъ говорятъ по-польски и считаютъ себя поляками. Остатки русиновъ-православныхъ тоже ополячиваются: вѣдь въ школахъ не преподается украинскій языкъ, даже не празднуются «руски» праздники. О. Прислопский даетъ также много мелкихъ фактовъ систематическаго обращенія въ латинство единицъ. Такъ польскіе ксёндзы (напр., въ Бахори, Бахорци, Делягови) систематично вѣнчаютъ тайно русиновъ съ польками и особенно русинокъ съ поляками, иногда близкихъ родственниковъ (вопреки каноническимъ правиламъ), не увѣдомляя русинскихъ священниковъ, и даже не дѣлая оглашеній въ церкви. Такія смѣшанныя семьи дѣлаются, конечно, цѣликомъ польскими. Не щадятъ ксёндзы и дѣтей. Въ школахъ они высмѣиваютъ «руски» молитвы и богослуженіе (какимъ способомъ, о. Прислопскій не рѣшается пересказать, ожидая конфискаціи за униженіе вѣры). Даже не рожденныя, только ожидаемыя дѣти заблаговременно приводятся въ латинство; на исповѣди отцы-поляки обязываются крестить новорожденныхъ въ костелѣ. Не останавливаются, конечно, ксёндзы и передъ разрушеніемъ семейной жизни, давая инструкціи мужьямъ-полякамъ обра-

щать въ латинство своихъ женъ-русинокъ, и разстраивая иногда еще не заключенные смѣшанные браки.—При постройкѣ новой руской церкви ксёндзы всевозможными доносами властямъ и агитаціей въ приходѣ стараются помѣшать, прекратить возку матеріаловъ для церкви. Надъ всѣми жалобами и протестами русиновъ ксёндзы только посмѣиваются: латинская консисторія всегда ихъ оправдываетъ. (Такъ за богохульство въ школѣ кс. Дучка получилъ отъ консисторіи аттестацію «vir gravis et probus»).—Брошюра о. Прислопского касается лишь нѣсколькихъ селъ; въ скоромъ времени онъ обѣщаетъ издать другую о всемъ руско-польскомъ пограничьѣ. («Діло» 37—38).

Русины въ западной Галиціи. По статистическому изданію «Szematyzm królewstva Galicyi i Lodomeryi na rok 1903», въ 33 селахъ и мѣстечкахъ западной Галиціи насчитывается русиновъ «грекокатоликовъ» 1165. Эта цифра гораздо ниже дѣйствительной, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ. Въ 9 мѣстечкахъ совсѣмъ не указано грекокатоликів, не упоминается и о солдатахъ-русинахъ, отбывающихъ службу въ зап. Галиціи. Большую часть этихъ заброшенныхъ на чужбину русиновъ составляетъ интеллигенція и полуинтеллигенція, во всякомъ случаѣ, люди болѣе состоятельные. На родинѣ они поддерживали бы свои институціи, свои общества, свою промышленность а въ мазурскомъ морѣ—волей-не-волей—свои средства и трудъ отдаютъ на чужое дѣло. Для восточной Галичины, столь бѣдной интеллигентными и матеріальными силами, такая массовая потеря слишкомъ вредна. опрямо страшна. «Заточники на мазурахъ» силой обстоятельствъ ополячиваются: женятся на полькахъ, дѣтей крестятъ въ католичество. На требованія выслать метрики русскому священнику ксёндзы отвѣчаютъ: «Tu ziemia polska, znamy tylko cerzest polski»! Дѣти изъ этихъ гаополяченныхъ семействъ зачастую становятся въ ряды польскхъ гакатистовъ и командируются въ восточную Галичину для „odbudowania Polski“. А въ самой западной Галиціи жандармерія состоитъ почти исключительно изъ русиновъ (въ статистикѣ, они показаны, конечно, рим.-католиками).—По оч. значительному числу русиновъ западная Галиція является фактически смѣшаннымъ краемъ, а не Польшею. Слѣдовательно, русины имѣютъ право добиваться признанія правъ своего языка въ управленіи и школѣ. А пока необходимо принять мѣры, чтобы вывести этихъ заточниковъ изъ національной дремоты и

омертвѣнія, и, прежде всего,—дать имъ возможность слушать православное богослуженіе и принимать таинства у православныхъ священниковъ. («Діло», 46).

Русинско-польское дѣло въ австрійскомъ парламентѣ. Во время бюджетныхъ преній въ австрійскомъ рейхсратѣ, русинскій депутатъ Романчукъ произнесъ рѣчь, посвященную національнымъ антагонизмамъ въ Австріи. Нѣмцы, по его словамъ, желаютъ играть въ государствѣ первенствующую роль, и на это имъ даетъ право ихъ численность, высокая культура, разселеніе по всему государству, матеріальная сила и, наконецъ, историческое развитіе государства. Имъ не слѣдуетъ, однако, заходить въ своихъ притязаніяхъ слишкомъ далеко, напр., требовать признанія нѣмецкаго языка исключительнымъ оффиціальнымъ языкомъ государства и парламента. Но введеніе общаго языка для сношеній между общественными учрежденіями разныхъ націй не только желательно, но и необходимо. Такимъ языкомъ можетъ быть лишь нѣмецкій. Въ до-конституціонной Галиціи нѣмецкій языкъ неограниченно господствовалъ въ судахъ, правительственныхъ установленіяхъ и школѣ. Неожиданно произошла перемѣна, и поляки получили всѣ права, а у русиновъ осталось лишь то, что у нихъ было въ эпоху централизма, но и эти остатки свободы пытаются отнять у нихъ поляки. Въ то время какъ нѣмцы относились къ полякамъ и русинамъ одинаково, теперешніе хозяева страны стремятся лишить русинъ всяческихъ правъ. Результатомъ такого положенія дѣлъ является совершенный матеріальный и политическій упадокъ русинскаго народа. Въ рейхсратѣ у русинъ лишь 8 представителей, а у поляковъ—70. Въ Галиціи строятъ сильныя крѣпости, но о сооруженіи могущественнѣйшей крѣпости—въ сердцахъ народа, о пробужденіи чувствъ вѣрности и привязанности не заботится никто. Заправилы австрійскаго правительства идутъ по стопамъ руководителей б. польскаго государства. Во главѣ государства часто стоятъ потомки тѣхъ людей, которые не умѣли устроить собственныхъ дѣлъ.

„Я просилъ бы—отвѣтилъ Керберъ—представителей вост. Галиціи нѣсколько измѣнить свою тактику. Краснорѣчивыя жалобы, которыя мы слышали и сегодня, успѣли составить особую литературу. Намъ очень хорошо извѣстно положеніе дѣлъ на востокѣ Галиціи, и потому-то *я совѣтовалъ бы русинскому населенію заявить,* наконецъ,

свои требованія открыто, смѣло и лойяльно, но освободившись отъ чувства ненависти, *галиційскому сейму.* Вѣроятно, мѣстныя власти удовлетворятъ всѣ справедливыя требованія. Такъ какъ національный антагонизмъ въ вашей провинціи носитъ яркую соціальную окраску, то я рѣшительно рекомендую вамъ бросить опасную агитацію и начать болѣе осмотрительную работу. Правительство имѣетъ въ виду возможное возобновленіе аграрной стачки. Политическая агитація, сопровождающая забастовку, заставляетъ насъ внимательно слѣдить за нею и готовиться къ самой энергичной защитѣ, если агитація прибѣгнетъ къ недозволеннымъ средствамъ. Мы не нуждаемся въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ и удовлетворимся тѣми, которыя предоставляетъ намъ конституція, но порядокъ долженъ быть сохраненъ—во что бы то ни стало".

„Діло" справедливо замѣчаетъ. „Пусть знаетъ д-ръ Керберъ, что руководящая польская партія не хочетъ вообще дѣлать никакихъ уступокъ, а вліянія и напора г. Кербера, какъ и всего центральнаго правительства, она совсѣмъ не боится. Русины не откажутся отъ соціальной борьбы, ибо, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, политическое и экономическое освобожденіе крестьянства является единственнымъ путемъ къ пріобрѣтенію въ краѣ силы и національно политическихъ правъ (№ 43).

Надо быть послѣдовательными!.. Съѣздъ довѣренныхъ мужей старорусской партіи въ Галичинѣ, состоявшійся во Львовѣ 2 февраля, принялъ слѣдующее рѣшеніе: „съѣздъ взываетъ всѣхъ дѣятелей и членовъ русско-народной партіи къ всестороннему распространенію во всѣхъ слояхъ русскаго населенія Галичины знанія русскаго литературнаго языка, русской исторіи и словесности, единственно способныхъ (sic!) обезпечить культурное развитіе и успѣваніе русскаго народа въ Австро-Угорщинѣ и къ *всеобщему употребленію русскаго литературнаго языка въ сношеніхъ съ властями*". Казалось бы, постановленія съѣзда, не мѣшало бы исполнять по крайней мѣрѣ самимъ иниціаторамъ „новой эры", но оказывается, (см. № 6 худосочнаго и малокровнаго журнальца „Живая Мысль", стр. 185), что даже „секретаріатъ съѣзда напечаталъ оффиціальный отчетъ о съѣздѣ *язычіемъ,* а не по русски; какъ рѣшено употреблять русскій языкъ „всеобще" и „всесторонне". Собственныя рѣшенія слѣдуетъ исполнять. „Это первое

и непремѣнное условіе разумной и цѣлесообразной политики",—замѣчаетъ редакція „Живой Мысли".

Не можемъ не присоединиться къ вполнѣ здравому дезидерату редакціи „Живой Мысли" или, что то же, создателей и благотворителей „новой эры" въ Галичинѣ. Польза отъ сего можетъ быть двоякая: во-первыхъ, писанія стороруссовъ дѣйствительно будутъ (если будутъ!) на настоящемъ русскомъ литературномъ языкѣ, а не на томъ „языческомъ" quasi-языкѣ, на которомъ напр. слѣдующимъ образомъ изображается ранній приходъ весны: „Весною пахнетъ уже отъ нѣсколькихъ дней" (какая благодать имѣть пахучіе дни!). Хорошій полъ (не комнатный, а „прекрасный полъ"!), тѣ, *раньшіи чѣмъ ласточки* (sic!) предвѣстники весны, гуляютъ по улицамъ въ весняныхъ (!) нарядахъ; на *плянтахъ добывается изъ земли* травица (вѣроятно, какъ у насъ каменный уголь!)... Не рано ли еще? Вѣдь мѣс. мартъ рѣдко когда *резигнуетъ* (!) *изъ своихъ каприсовъ*... („Галичанинъ", № 40). Упраздненіе этой тарабарщины, осужденной, какъ видимъ и самими ея творцами въ лицѣ молодого поколѣнія (или новаго направленія?), только лишь крайне желательно. Во-вторыхъ, употребляя въ своихъ изданіяхъ чистый литературный русскій языкъ представители русской партіи откроютъ глаза какъ читателямъ изъ народа, такъ и правящимъ сферамъ, которыя уже во-очію убѣдятся, что имѣютъ дѣло съ волками даже не въ овечьей шкурѣ. Если еще въ средѣ первыхъ они могли бы встрѣтить нѣкоторую поддержку, то въ лицѣ послѣднихъ, мы увѣрены, не найдутъ ни малѣйшаго сочувствія, которое не можетъ быть компенсировано даже матеріальнымъ и идеальнымъ сочувствіемъ извнѣ.

Дѣятельность Историческаго Общества въ Черновцахъ. „Історичне Товариство" въ Черновцахъ въ началѣ марта открыло двѣ серіи популярно-научныхъ лекцій: I. *Про славянську старину*—читаетъ проф. университета д-ръ См. Смаль-Єтоцкій. II. *Про фільозофію*—преподаватель гимназіи Юліянъ Кобылянскій. Въ каждой серіи предположено по нѣсколько лекцій. Лекціи читаются въ „Народнім домі". („Буковина", № 15).

Українсько-Руске драматичне Товариство імени Івана Котляревського. 22 февраля происходило общее собраніе членовъ «Укра-

інсько-руского драматичного Товариства імени Котляревского» во Львовѣ. Предсѣдатель (Іл. Огоновский) въ своей рѣчи отмѣтилъ, что въ минувшемъ году Общество не могло развить своей дѣятельности такъ, какъ этого можно было требовать, причиной чему послужила сецессія студенченской молодежи изъ Львовскаго уииверситета и затѣмъ сельско-хозяйственная стачка. Вслѣдствіе этихъ причинъ драматическая напр. секція, лишенная наиболѣе энергичныхъ членовъ, должна была прекратить свою дѣятельность болѣе чѣмъ на полгода. Въ теченіе года Общество имѣло десять засѣданій, предметомъ обсужденія на которыхъ были: изданіе драматической библіотеки, устройство лекцій, проектъ основанія театра и т. п. Въ качествѣ перваго выпуска драматической библіотеки Общество пріобрѣло право на изданіе и представленіе драмы Цеплинскаго «Ворожбит»; а также отъ «Рускоі Бесіди» все изданіе «Наталки-Полтавки» съ партитурой. Лекціи были прочитаны др-омъ Студинскимъ (три) о началѣ драматургіи на Руси «Щуратомъ—о 3 національныхъ гимнахъ на Руси. Членовъ общество имѣетъ 411, имущества на 4912 коронъ. («Діло», ч. 44).

Общество «для розвою рускоі штуки». 14 февраля состоялось общее собраніе «Товариства для розвою рускоі штуки». Изъ прочитаннаго на собраніи отчета видно, что въ минувшемъ (4-мъ отъ основанія) году Общество насчитывало 131 члена. Общество имѣло въ теченіе 1902 года 19 заказовъ (преимущественно отъ церквей), на сумму 18013 кор. Въ концѣ прошлаго года устроена была выставка изъ области нецерковной живописи, которая прошла весьма удачно и большинство картинъ было куплено. Въ настоящемъ году Общество также предполагаетъ устроить обширную выставку работъ украинскихъ художниковъ («Діло», ч. 39).

Грандіозная церковь. Огромныхъ размѣровъ церковь въ непродолжительномъ времени начинаетъ строить г. Богородчаны (въ Галичинѣ) по плану архитектора В. Нагирного. За образецъ взятъ Владимірскій соборъ въ Кіевѣ, церковь будетъ украшена прекраснымъ иконостасомъ изъ скита Манявскаго, весьма цѣннымъ и художественнымъ памятникомъ искусства XVII вѣка. Безъ сомнѣнія, Богородчанская церковь будетъ единственная въ своемъ родѣ во всей Галичинѣ.

Какъ сообщаютъ, художественный оттискъ плана В. Нагирного заказанъ для выставки въ Петербургѣ. («Діло», ч. 20).

Какъ пишутъ иногда рецензіи. Въ настоящее время во Львовѣ играетъ извѣстная читателямъ «Кіевской Старины» украинская труппа подъ управленіемъ М. Губчака. По поводу водевиля М. Старицкаго «Якъ ковбаса та чарка, то мынется й сварка» газета «Руслан»(№ 36) помѣстила слѣдующую любопытную рецензію, заслуживающую того, чтобы значительную часть ея передать въ оригиналѣ. Замѣтимъ, между прочимъ (для дальнѣйшаго изложенія), что «Руслан»—органъ посла Барвинскаго. «Як ковбаса та чарка»—се дуже сьмішна заковика (!). Підстаркуватий п. Рубчак (рецензентъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы замѣняетъ исполнителями) зі своім наймитом п. Захарчуком ідять дуже сьмішно борщ, випивши по пів чарочки горівчаних зливків, відтак позалицявшись до гарноі пані Рубчаковоі, ніби то шинкарки, відіздять, а до шинку заіздить п. Гембицький. Сего розперізуе дуже сьмішно п. Юрчак та урвавши пояс, дуже сьмішно перевертався на землю, відтак страшно комічно стягае бацькори, суваючи пана з лавою по цілій хаті. У високих шкарпитках по коліна бигае п. Гембицький по шинку, та нарікае, що посварився з п. Барвінським (не послом, а актором!) і не мае що випити, бо на спільне полюване звикли они були брати до складкового снідання один ковбасу з чосником, а другий горівку з вишняком. Шукае по полиці, чи нема де горівки, виливае всі фляшки, чи нема де хоть каплинки, але —годі! На те надіздить п. Барвінський (але не той з Відня, а з Украіни) завязаний дуже сьмішно в хустці, яку знов розвязуе ему его наймит і роздягае з кожуха. Але щоби не повторятися, се роздягане виходить меньше сьмішно, тілько знов п. Барвінський (як звісно, посол не курить зовсім) витягае забитий цибух і так дуе в него, що мало не лопне. Тепер зачинаеся чудасія. П. Барвінський (як звісно, посол належить до елевтериків[1]) витягае фляшку і чарку..... Нараз оба незгідні сусіди п. Гембицький і п. Барвінський (пригадуемо ще раз, що се не посол), починають дальшу сварку .. П. Барвінський (чей же не треба повторяти, котрий се), вертае, а ту чарка порожня»... и т. д...

---

[1]) Общество трезвости во Львовѣ.

Быть можетъ, извѣстной части публики подобныя «дуже сьмішні» рецензіи и по вкусу, но во всякомъ случаѣ редакціи «Руслана» не пристало выставлять себя же въ смѣшномъ видѣ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Галицкія газеты (какъ украинскія, такъ и польскія, не стѣсняются и прибѣгаютъ къ такого рода литературнымъ пріемамъ, которые кажутся по меньшей мѣрѣ странными для нашего, привыкшаго къ извѣстной корректности въ прессѣ глаза. Въ Галицкихъ газетахъ, напримѣръ, не трудно встрѣтить такія милыя выраженія: «два наші півправительственні цуцики: «Руслан» і черновецька «Буковина», «отсі стрічки, що іх пишу, най будуть довбнею на кацапску недотепну макітру «наблюватели» (статья «Наблюдателя» въ «Галичинѣ»)...

Народная школа въ Буковинѣ. «Шематизм буковиньских народних шкіл і учителів», изд. учителемъ Фурманомъ, показываетъ значительные успѣхи школьнаго дѣла послѣ 1894 года. Число школъ увеличилось на 19% (вм. 381—401), число учительскихъ силъ на 93.55% (вм. 653—1264), процентъ учащихся на 24.31% (въ 1894 г. 57.4%, въ 1902 г. 71.71%). («Діло», 36).

Народный домъ въ Черниівцяхъ является самой важной культурной институціей въ Буковинѣ; задача его—нести матеріальную и нравственную помощь русинскому народу. Къ сожалѣнію, число членовъ и финансовыя средства его весьма незначительны. Въ прошломъ году всѣхъ членовъ-основателей было 245, полную вкладку дали лишь 124 изъ нихъ. На содержаніе бурсы для русиновъ учениковъ (55 человѣкъ, преимущественно гимназистовъ) и на пособія ученикамъ Товар-о «Народнаго Дома» израсходовало 10.639 кор. (На этотъ предметъ Тов-о получило отъ «релігійного фонду» 5.000 к.) «Народный Домъ» имѣетъ читальню (изъ 3-хъ комнатъ), гдѣ происходятъ также засѣданія разныхъ обществъ, и библіотеку. Для вечеринокъ и любительскихъ спектаклей онъ уступаетъ русинскимъ обществамъ большую залу за пониженную плату. Всѣмъ этимъ «Нар. Домъ» содѣйствуетъ пробужденію общественной жизни въ самыхъ широкихъ кругахъ Буковинскаго народа. Тов-о «Нар. Дома» имѣетъ также собственную типографію.—Къ началу 1903 г. у Тов-а—7.330 кор. дефицита. «Діло»

призываетъ русинское общество—поступленіемъ въ члены и вкладками поддерживать «Нар. Домъ».

Конкурсъ. Львовское товариство «Просьвіта» опубликовало еще 27 сент. 1902 года конкурсъ *Михайловыхъ премій* за драматическое или повѣствовательное произведеніе изъ историческаго прошлаго Украины-Руси. Напоминаемъ авторамъ нашей Украины, что, согласно условіямъ конкурса, которыя приводимъ ниже, срокъ представленія сочиненій истекаетъ 27 сентября 1903 года.

§ 1. а) *Премія 1100 (тысяча и сто) коронъ*, зложена на руки Товариства «Просьвіта» у Львови, прызначена за орыгинальну драму або трагедію зъ историчного житя Украины-Руси;

б) *Премія 700 (симсотъ) коронъ, прызначена за оригинальну повисть* зъ историчного жытя Украины-Руси.

§ 2. Конкурсомъ правыть товарыство «Просьвита»; оно оголосыть отси правыла по усихъ народно-руськыхъ часопысяхъ и у двохъ польськыхъ: одній у Львови, другій у Варшави або Петербурзи.

§ 3. Речынець конкурсу *одноричный* зъ того дня, якъ буде оголошена перша оповистка. Колы бъ въ часи одного року не прислане видповидныхъ творивъ, тогди оголосыть ся новый конкурсъ на дальшый одынъ рикъ и такъ дальше, докы не наспіють творы достойни преміи.

§ 4. За для суду надъ прысланымы на конкурсъ творамы и для прысуду премій товариство «Просьвита» зложыть Раду, до якои поклыче: голову товариства «Просьвита» зглядно его заступника, фондатора преміи, двохъ професоривъ руськои мовы и пысьменьства на львивскому университети, професора руськои мовы на черновецькому университети и двохъ членивъ товариства «Просьвита». Въ рази, колы-бъ котрый небудь зъ членивъ, запрошеныхъ до суду, выбору не прыйнявъ або зрикъ ся, товариству «Просьвита» прыслугуе право, поклыкаты на ёго мисце кого иншого. Судъ обовязаный оголосыты выслидъ конкурсу *найпизнійше въ пивъ року* по речинци, призначенимъ для прысылкы творивъ.

§ 5. До конкурсу належыть прыйматы орыгинальни, ще недруковани и не давани на сцени твори Русинивъ зъ цилого обширу украинсько-руськыхъ земель.

§ 6. Авторъ не пидпысуе на твори имени и призвыща, лыше подае девизу. Свое имя и призвыще прысылае авторъ въ замкненій коверти, яку конкурсовый судъ витворыть лыше тогди, колы творови буде прысуждена премія.

§ 7. Змистъ драмы чы трагедіи чы повисти повыненъ буты исторычный, взятый зъ епохы дружынно-вичевои, руськo-литовськои, або козацькои; подія мусыть буты дійсно-историчною. Характеръ и кольоритъ драмы, трагедіи чы повисты повыненъ видповидаты историчнымъ и етнографичнымъ умовамъ свого часу. Тенденція мае переходыты черезъ весь твиръ выразно, мусыть буты патріотычною, але не образлывою для сусиднихъ народивъ.

§ 8. Мова діячивъ драмы, чы трагедіи, чы повісты повынна буты чыстою украинсько-руською; вона мусыть видповидаты часовы, змистовы, обставынамъ діи и вдачи діячивъ. Въ твори не вильно ужываты жадного трывіялизму. Треба уважаты, щобъ мова видповидала формамы народному сынтаксысу. За взирци мовы треба взяты: а) Історычни писни, выдани въ Кыеви Антоновычемъ и Драгомановымъ, б) Украинськи прыказкы, выдани Номисомъ, в) судови и иньши исторични документы и д) Шевченкови творы.

§ 9. Письмо творивъ, прысланыхъ на конкурсъ, мусыть буты *выразне и чьтке*, пысане по змози *не власною* рукою автора. Змистъ и оцинка творивъ можуть буты оголошени друкомъ доперва по ришеню конкурсу.

§ 10. Творы членивъ конкурсового суду не будуть преміовани

§ 11. Преміована драма чы трагедія хоть и буде авторовою власностью, але авторъ не матыме права забороныты даваты іи на сцени руського театру.

§ 12. Авторъ обовязаный преміовану драму чы трагедію чы повисть выдруковаты въ протягу року, писля прысудженя преміи. Въ противнимъ рази право першого накладу прыслугуе товариству «Просьвита». Въ друку не вильно авторови робыты ніякыхъ зминъ такъ пидъ оглядомъ змисту, якъ и тенденціи.

Вси творы належыть прысылаты пидъ адресою: Товарыство «Просьвита» у Львови, Рынокъ, ч. 10.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIX. Акты о евреяхъ. *Вильна, 1902 г. in 4, стр. I—L+1—539.*

По своему содержанію настоящій томъ является продолженіемъ XXVIII тома Актовъ Виленской Коммиссіи и заключаетъ въ себѣ 245 документовъ, съ 1561 по 1795 гг., относящихся къ исторіи евреевъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Въ виду однородности историческихъ условій существованія и дѣятельности евреевъ на всемъ пространствѣ бывшаго польско-литовскаго государства, вновь изданные акты могутъ представлять интересъ и для исторіи нашего края.

При всемъ разнообразіи содержанія этихъ актовъ, ихъ можно распредѣлить по слѣдующимъ рубрикамъ:

I. Жалованныя королевскія грамоты евреямъ на разныя права и привилегіи. Гонимые и преслѣдуемые во всей западной Европѣ, евреи, какъ извѣстно, нашли въ Польшѣ и Литвѣ какъ-бы новое отечество, что и послужило причиною массового ихъ переселенія сюда. Дѣйствительно, польскіе короли и литовскіе великіе князья оказались самыми вѣротерпимыми государями: они не только благосклонно приняли новыхъ поселенцевъ, но и сдѣлали ихъ предметомъ своей особенной заботливости, оградивъ неприкосновенность ихъ бытового, религіознаго и общественнаго строя и наградивъ ихъ такими правами и привилегіями, которыя нерѣдко шли въ разрѣзъ съ интересами коренного населенія. Отсюда—ненависть этого населенія къ пришель-

цамъ, доходившая до взведенія на нихъ самыхъ ужасныхъ противообщественныхъ преступленій. Но польско-литовскіе государи постоянно являлись вѣрными покровителями и защитниками гонимаго Израиля. Особенно замѣчательна грамота Сигизмунда-Августа, выданная въ 1564 г. по слѣдующему поводу: жаловались литовскіе евреи, что велико-княжескіе урядники судятъ, рядятъ, даже осуждаютъ ихъ «на горло», грабятъ имущество и чинятъ другія насилія вопреки дарованнымъ имъ правамъ, поэтому евреи просили уравнять ихъ въ правахъ съ евреями «коронными», т. е. польскими, и въ особенности оказать имъ защиту въ случаѣ несправедливыхъ, но весьма частыхъ въ то время обвиненій ихъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей (для ритуальныхъ цѣлей) и поруганіи «сакрамента» (т. е. даровъ св. причастія). Королю неоднократно приходилось разсматривать дѣла по такимъ обвиненіямъ, и онъ убѣдился «зъ доводовъ святого письма», что евреи, по ихъ закону, «крови христіянской никóли не потребуютъ» (т. е. не имѣютъ въ ней надобности для своихъ религіозныхъ обрядовъ) и что самъ папа римскій удостовѣрилъ, «ижъ жидове тому не винни и того не требуютъ»; поэтому Сигизмундъ-Августъ издалъ слѣдующій знаменательный для половины XVI в. законъ: а) всѣ дѣла по обвиненію евреевъ «о мордованье дѣтей христіанскихъ або о сакраментъ» навсегда изъемлются изъ компетенціи обыкновѐнныхъ судовъ и поступаютъ исключительно на судъ королевскій, и то не единоличный, а сеймовый; б) обвинитель долженъ доказать справедливость обвиненія свидѣтельствомъ не менѣе, какъ четырехъ благонадежныхъ свидѣтелей изъ христіанъ и трехъ изъ евреевъ, и в) не доказавшій этого преступленія «маетъ быти каранъ горломъ и маетностью». Разумѣется, при данныхъ условіяхъ судебные процессы о ритуальныхъ убійствахъ евреями христіанскихъ дѣтей становились невозможными; тѣмъ неменѣе попытки къ ихъ возбужденію никогда не прекращались, и еще въ 1766—1767 гг. евреи находили нужнымъ вносить въ актовыя книги эту старинную грамоту Сигизмунда-Августа, очевидно въ видахъ огражденія себя отъ возможности подобныхъ фанатическихъ обвиненій.

II. Ко второй категоріи могутъ быть отнесены разнаго рода документы, рисующіе взаимныя отношенія христіанскаго населенія къ еврейскому и обратно. Документы эти безспорно свидѣтельствуютъ о крайней враждебности этихъ отношеній. Рѣзче всего она проявлялась въ городахъ, гдѣ было больше евреевъ. Мѣщане, ремесленники, іезуитскіе студенты учиняютъ надъ евреями постоянныя насилія, грабятъ

ихъ имущество и устраиваютъ съ ними частыя побоища. Рѣдкій годъ обходился безъ того, чтобы въ томъ или другомъ городѣ поспольство не пыталось учинить форменный еврейскій погромъ. Въ 1682 г. одинъ виленскій шляхтичъ передъ огромною толпою народа держалъ такую рѣчь: «Панове! Знайте, что пока мы не проявимъ отваги, не обращая вниманія ни на какія ихъ (евреевъ) права и дарованныя имъ королевскія привилегіи, до тѣхъ поръ не будетъ съ ними конца; поэтому намъ нужно пораскинуть умомъ, чтобы такъ или иначе ихъ отсюда выкурить: однихъ перетопить, а другихъ перебить; пусть они тогда ищутъ на насъ суда»! Больше всего раздражали мѣщанъ привилегіи евреевъ, освобождавшія ихъ отъ исполненія нѣкоторыхъ общегородскихъ повинностей; поэтому магистраты сплошь и рядомъ знать не хотѣли еврейскихъ привилегій, а цеховые то и дѣло нападали на евреевъ-ремесленниковъ, дѣлавшихъ имъ подрывъ.

Въ свою очередь и евреи не оставались въ долгу передъ христіанами. Въ тѣ времена они, повидимому, вовсе не были робкимъ, запуганнымъ народомъ; имѣя въ лицѣ королей могущественныхъ покровителей, они, напротивъ, высоко держали голову передъ туземнымъ населеніемъ страны и при всякихъ враждебныхъ съ нимъ столкновеніяхъ смѣло давали отпоръ, переходя нерѣдко въ наступательныя дѣйствія. Смѣлость евреевъ простиралась до того, что они оказывали нерѣдко вооруженное сопротивленіе исполненію трибунальскихъ декретовъ. Часто они отказывались платить подымное и другіе налоги, отчего увеличивалась податная тяжесть мѣщанъ, укрывали и переводили краденое, сами обворовывали костелы и даже учиняли по дорогамъ, изъ-засады, разбои и убійства.

Но всего чаще евреи привлекались къ суду за неплатежъ по займамъ. По роду своихъ торгово-промышленныхъ занятій, они больше другихъ классовъ населенія нуждались въ кредитѣ и, за отсутствіемъ въ тѣ времена банковъ, искали его у частныхъ лицъ, соблазняя ихъ высокимъ процентомъ: въ то время, какъ христіане-заемщики платили 5, 6 и 7 процентовъ, евреи предлагали 8, 9 и 10%. Въ тѣ вѣка самые крупные капиталы скоплялись въ различныхъ духовныхъ учрежденіяхъ—монастыряхъ и коллегіяхъ, преимущественно іезуитскихъ; они-то и были главными заимодавцами, а ихъ заемщиками являлись евреи, и притомъ не отдѣльныя лица, а цѣлые кагалы. Заемъ обезпечивался такими многочисленными и необыкновенными гарантіями, что, казалось, заимодавецъ могъ оставаться совершенно спокойнымъ

за цѣлость своего капитала и исправное поступленіе процентовъ. Вотъ, для образчика, содержаніе заемной или облигаціонной записи, выданной въ 1678 г. пинскимъ кагаломъ пинскому іезуитскому коллегіуму: въ случаѣ неуплаты въ одинъ изъ условленныхъ сроковъ процента, ректоръ коллегіума «имѣетъ право запечатать въ г. Пинскѣ обѣ наши школы и скотобойню, а также всѣ школы и скотобойни во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, принадлежащихъ къ пинскому кагалу, и равно всѣ лавки и дома наши, насъ же самихъ, нашихъ женъ и дѣтей сажать въ тюрьмы, отбирать отъ насъ товары, дома, усадьбы, денежныя суммы, и держать все это въ своихъ рукахъ, а насъ самихъ въ тюрьмахъ, до тѣхъ поръ, пока не заплатимъ ему сполна реальной суммы, процентовъ, тройныхъ зарукъ (штрафа), совитости (удвоенной суммы, въ видѣ неустойки) и убытковъ,—и все это онъ имѣетъ право сдѣлать безъ суда и формальныхъ доказательствъ, мы же не имѣемъ защищаться нашими еврейскими правами, привилегіями и вообще никакими юридическими способами». Такъ всегда составлялись евреями долговыя записи,—и тѣмъ не менѣе долги рѣдко когда уплачивались аккуратно, а если заимодавецъ пытался осуществить какую-либо изъ гарантій, наприм. опечатать школу или лавку, то встрѣчалъ вооруженный отпоръ и, за отсутствіемъ въ Польшѣ исполнительной полицейской силы, вынужденъ былъ смириться и вести съ должниками мирные переговоры, или начинать дорого стоившій процессъ въ высшемъ судебномъ учрежденіи—въ трибуналѣ. Не диво, что трибуналъ, безпрестанно заваливаемый дѣлами о неплатежѣ евреями долговъ, склоненъ былъ разсматривать эти обычныя правонарушенія какъ тяжкіе уголовные проступки и сплошь и рядомъ присуждалъ и отдѣльныхъ неплательщиковъ, и старшинъ кагаловъ къ «выволанью» (изгнанію изъ предѣловъ государства), къ «инфаміи» (лишенію покровительства законовъ) и даже къ смертной казни. Не видно только, приводились ли въ исполненіе эти суровые декреты; по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемомъ томѣ актовъ мы не встрѣтили ни одного положительного на это указанія.

III. Намъ остается отмѣтить еще третью категорію документовъ, рисующихъ внутреннюю жизнь еврейскихъ общинъ въ XVII—XVIII вв. Здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторыя любопытныя черты, изображающія пресловутую еврейскую солидарность далеко не въ симпатичномъ видѣ. Такъ оказывается, что еврейскія общины нѣкоторыхъ городовъ по временамъ находились между собою въ крайне враждебныхъ отноше-

нiяхъ. Въ 1680 г. Брестскiй кагалъ заявилъ право какого-то старшинства надъ сосѣдними кагалами и потребовалъ, чтобы они подчинились его юрисдикцiи. Изъ-за этого возникли такiя распри и «тумульты», что вмѣшавшiйся въ это дѣло король далъ предписанiе, чтобы на ближайшемъ еврейскомъ сеймѣ[1]) эти кагальныя распри непремѣнно были такъ или иначе умиротворены. Слуцкая и другiя синагоги какъ-то примирились съ Брестскимъ кагаломъ, но Минская община ни за что не хотѣла ему подчиниться. Тогда брестскiе евреи, подущаемые своими кагальными старшими, объявили минскимъ евреямъ настоящую войну: хватали ихъ на дорогахъ и въ домахъ, не позволяли имъ даже показываться вблизи Бреста, открыто грабили на ярмаркахъ ихъ лавки и товары и производили другiя насилiя. Цѣлыхъ пять лѣтъ длилось это израильское междуусобiе, и самъ король былъ безсиленъ усмирить его.

Не въ лучшемъ видѣ рисуется и внутренняя жизнь еврейскихъ кагаловъ; въ этомъ отношенiи особенный интересъ представляютъ документы 1786—1788 гг., заключающiе въ себѣ жалобы самихъ же евреевъ на разнаго рода злоупотребленiя и насилiя, чинимыя кагальными старшинами. Оказывается, что группа влiятельныхъ евреевъ. захвативъ въ свои руки кагальныя должности, до такой степени закабалила остальное еврейское населенiе г. Вильны и обложила его такими тяжкими, произвольными поборами и налогами, что бѣдному люду рѣшительно не стало житья. Кто былъ непрiятенъ старшинамъ или оказывалъ имъ сопротивленiе, того они записывали въ какiя-то «черныя книги», и это такъ устрашало непокорныхъ, что они поневолѣ смирялись.

—

Мы не могли исчерпать содержанiя всѣхъ сколько-нибудь интересныхъ документовъ вновь изданнаго тома и старались отмѣтить въ нихъ лишь наиболѣе важное. Остается сказать нѣсколько словъ о самомъ изданiи.

Документамъ предпослано «Предисловiе», составленное редакторомъ настоящаго тома г. Спрогисомъ. Общiй недостатокъ всѣхъ изданiй Виленской Коммиссiи тотъ, что въ подобныхъ «предисловiяхъ» лишь кратко излагается содержанiе издаваемыхъ документовъ по из-

---

[1]) Еврейскiе сеймы въ Литвѣ собирались одинъ разъ въ каждые три года.

вѣстнымъ категоріямъ, безъ указанія и оцѣнки того, какую же научную цѣнность имѣетъ этотъ матеріалъ въ связи съ другими однородными данными, уже добытыми историческою наукою и вошедшими въ ея оборотъ. Безъ такого широкаго освѣщенія предмета, при передачѣ лишь содержанія новыхъ матеріаловъ, легко впасть въ извѣстную односторонность и незамѣтно перейти черту, отдѣляющую научное разсмотрѣніе вопроса отъ публицистическаго. Намъ кажется, что нѣчто подобное случилось и съ г. Спрогисомъ. Если сравнить его «Предисловіе» съ вступительною статьей проф. В. Б. Антоновича къ 1 тому V части «Архива юго-зап. Россіи», тоже посвященному актамъ и о евреяхъ, то легко сразу увидѣть разницу между научнымъ и публицистическимъ трактованіемъ одного и того же вопроса. Проф. Антоновичъ тоже не скрываетъ и не умаляетъ антиобщественныхъ чертъ еврейскаго населенія въ бывшемъ Польско-Литовскомъ государствѣ и того вреда, какой оно причинило мѣстному, коренному населенію въ нашемъ краѣ; но онъ объективно оцѣниваетъ условія, въ какія были поставлены тогда евреи, и даетъ понять, что эти-то ненормальныя условія и породили тотъ вредъ, какой возникъ для мѣстнаго населенія отъ сожительства съ евреями. У г. Спрогиса нѣтъ этой широты взгляда и справедливаго отношенія къ чужой народности. Онъ явно обнаруживаетъ свою нерасположенность къ еврейскому племени и откровенно выражаетъ недовольство тѣмъ, что оно не было въ свое время «поглощено и ассимилировано великимъ, могучимъ, извѣчнымъ организмомъ Русско-Литовскаго государства», «къ великой скорби исторіи». Безпристрастный читатель сразу видитъ, что это языкъ публицистики, а не науки...

Отмѣтимъ въ заключеніе одинъ редакціонный недосмотръ. На стр. 453 находимъ документъ, озаглавленный такъ: «1766 г., іюня 30. Привилегія короля Сигизмунда-Августа, снимающая съ евреевъ подозрѣніе въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей»; на стр. 455 тоже: «1767 г. іюня 30. Привилегія кор. Сигизмунда-Августа...» Читателя поражаетъ странная хронологія: какой это Сигизмундъ-Августъ, дающій привилегіи въ 1766—67 годахъ? Оказывается, что обѣ эти привилегіи даны въ 1564 и 1566 гг. и лишь внесены (конечно, не въ первый разъ) въ актовыя книги Лит. трибунала и Виленскаго земскаго суда въ 1766—67 гг.; но въ такомъ случаѣ ихъ и помѣстить слѣдовало между документами XVI, а не XVIII ст.

О. Л.

С. А. Енохинъ. На вику, якъ на довгій ныви. *Елисаветградъ. 1903 г. 1—31 стр. Цѣна 20 коп.*

«На вику,—якъ на довгій ныви»... Какое громкое, эффектное, заманчивое и многообѣщающее заглавіе!.. За тридцать одну страницу маленькаго формата книжечки—двадцать копеекъ. Вѣроятно, малъ золотникъ, да дорогъ...

Однако, много ли на самомъ дѣлѣ скрывается за этимъ громкимъ названіемъ книжечки г. Енохина, и такъ ли и на самомъ дѣлѣ дорогъ его золотникъ?

Судя по громкому заглавію, можно было думать, что г. Енохинъ очень много видѣлъ, наблюдалъ и самъ лично испыталъ,—можно было ожидать, что въ своей книжечкѣ онъ дастъ интересный итогъ всего имъ видѣннаго, слышаннаго, передуманнаго и перечувствованнаго. Къ сожалѣнію, вмѣсто всего этого въ книжечкѣ нашего автора мы находимъ только нѣсколько довольно грубыхъ, подчасъ совсѣмъ не остроумныхъ, плоскихъ анекдотовъ, рисующихъ передъ нами крестьянина и его бытъ въ духѣ г.г. Раевскаго, Лучицкаго et cet... Чтобы не быть голословными, передадимъ вкратцѣ содержаніе первыхъ трехъ разсказовъ. Вотъ передъ нами крестьянинъ, который хочетъ увидѣть вѣдьму и для этого употребляетъ всякія освященныя народнымъ суевѣріемъ средства, а подъ конецъ напивается до безчувствія, во снѣ борется съ вѣдьмами и потомъ вѣритъ, что онъ, дѣйствительно, видѣлъ вѣдьму («Видьма»). Вотъ крестьянка, которой страстно хочется разбогатѣть. Для этого она продаетъ корову, покупаетъ много муки, напекаетъ «паляныцъ», передѣлываетъ «паляныци» (т. ч. ихъ никто не покупалъ) въ калачи, а эти послѣдніе въ квашу и, такимъ образомъ, теряетъ всѣ свои деньги («Кваша»). Вотъ парень, который поѣхалъ вѣнчаться въ церковь и по какой-то, одному только автору понятной причинѣ не замѣтилъ, какъ съ его невѣстою обвѣнчался другой «парубокъ» («Посунься»). Остальные два разсказа («Прыстроивъ гроши» и «Пошлы, Боже, сылкы (!)» по своему содержанію нисколько не лучше только что разсмотрѣнныхъ нами. Очевидно г. Енохинъ очень посредственный наблюдатель, если изъ всего видѣннаго имъ «на вику, якъ на довгій ныви» онъ только и смогъ отмѣтить пять совсѣмъ не характерныхъ анекдотовъ. Неужели же, на самомъ дѣлѣ, въ деревенской жизни нѣтъ ничего болѣе интереснаго, болѣе важнаго и болѣе заслуживающаго подробнаго описанія?..

Неважные по своему содержанію, разсказы г. Енохина не блещутъ и красотою формы. Разсказываетъ г. Енохинъ довольно скучно, однообразно, безъ всякой живости. Нѣкоторые изъ его разсказовъ положительно напоминаютъ собою газетную корреспонденцію или какой-то протоколъ («Пошлы, Боже, сылкы !»). Съ современной техникой разсказа нашъ авторъ, очевидно, совершенно не знакомъ. Всѣ его разсказы представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ этнографической, довольно сухой при томъ, записи. Единственнымъ достоинствомъ этихъ разсказовъ является ихъ довольно правильный и чистый въ общемъ украинскій языкъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи г. Енохинъ не вполнѣ безупреченъ («поприкать», «отказавъ» «одмовывъ» «не довольна», «удобнище»...), а странное правописаніе, принятое имъ въ своей книгѣ, часто ставитъ читателя положительно втупикъ («у ранци» «утромъ»...).

Такимъ образомъ, ближайшее знакомство съ книжечкой Енохина показало, что его золотникъ и малъ и не очень то дорогъ. Впрочемъ, мы ничуть не въ претензіи на автора за то, что онъ поставилъ на своей книжкѣ очень дорогую цѣну,—мы даже рады этому, потому что вслѣдствіе дороговизны книжка его не такъ скоро разойдется и не найдетъ такъ много читателей, какъ если бы она была подешевле...

В. Мировець

Творы О. Я Конисскаго-Перебенди, т. IV. *Одесса 1903, ц. 80 к.*

Если мы обратимъ вниманіе на даты, поставленныя почти подъ всѣми 13 «оповіданнями» IV тома «творівъ» покойнаго О. Я. Конисскаго, то увидимъ что половина помѣщенныхъ здѣсь „оповідань" написана въ 80-хъ г.г. нѣсколько „оповідань" относится къ 70-мъ и 90-мъ гг., одно написано въ 1862 и одно въ 1900 году. Отсутствіе хронологической системы въ группировкѣ литературнаго матеріала—недостатокъ, замѣтный во всѣхъ, вышедшихъ уже, четырехъ томахъ произведеній О. Я. Конисскаго. Вообще, безсистемность и случайная группировка произведеній упомянутаго автора должна быть поставлена въ упрекъ его издателямъ. Правда, у Конисскаго близкое сосѣдство произведеній 60-хъ и напр. 90-хъ годовъ не звучитъ диссонансомъ въ виду того, что всѣ его литературныя произведенія проникнуты однимъ духомъ любви къ меньшему брату и въ основѣ ихъ лежитъ одна идея—представить картину соціальнаго и экономическаго

строя и очертить при этомъ духовно-нравственный обликъ украинскаго общества, преимущественно его низшихъ слоевъ. Но тѣмъ не менѣе хронологическая безпорядочность въ группировкѣ произведеній О. Я. Кониосскаго лишаетъ читателя возможности наглядно видѣть картину постепеннаго развитія литературнаго дарованія этого автора.— Лучшими изъ повѣстей, вошедшихъ въ 4-ый томъ, по своей художественной обработкѣ нужно признать слѣдующія: „Чернычка", „Драма въ тюрми", „Судья Гарбузъ", „Сичовыкъ", „Наввыпередкы", „Доля одного пысьменныка".—Съ внѣшней стороны книга издана удовлетворительно и заключаетъ въ себѣ 284 стр. средняго формата. Корректорскихъ ошибокъ мало. Желательно было бы въ послѣдующихъ томахъ изданія „творів" Конисскаго видѣть болѣе прочную бумагу.

В. С.

А. Андріевскій. Объ отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни. *Одесса, 1903 г. 1—16 стр.*

Прошло уже сорокъ слишкомъ лѣтъ со дня смерти Т. Г. Шевченка. За это время успѣла накопиться цѣлая громадная литература, посвященная его личности и поэтической дѣятельности. Трудно разобраться во всѣхъ этихъ, разбросанныхъ по всевозможнымъ журналамъ и написанныхъ на различныхъ языкахъ, матеріалахъ. Однако, даже при чисто внѣшнемъ только знакомствѣ съ ними нельзя не отмѣтить одного литературнаго явленія. До сихъ поръ большинство изслѣдователей, писавшихъ о Шевченкѣ, останавливались главнымъ образомъ на его многострадальной біографіи. Благодаря этому (особенно трудамъ покойнаго А. Я. Конисскаго), внѣшняя, такъ сказать, біографія нашего геніальнаго кобзаря болѣе или менѣе удовлетворительно разработана. Къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать того же самаго относительно историко-литературнаго и критическаго разбора произведеній Шевченка. Правда, мы имѣемъ цѣлый рядъ небольшихъ изслѣдованій и статей, посвященныхъ разбору или отдѣльныхъ произведеній или основныхъ идей и мотивовъ произведеній нашего славнаго поэта (особенно ст. О. Партицкаго, проф. О. Огоновскаго, д-ра Франка, проф. Колессы, Зѣнковскаго и друг.), но не было у насъ еще такого человѣка, который бы собралъ всѣ эти матеріалы для внутренней біографіи Шевченка, который бы на основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ

и статей представилъ намъ болѣе или менѣе основательное, обстоятельное и подробное изслѣдованіе относительно собственно произведеній его. Между тѣмъ потребность въ подобномъ изслѣдованіи внѣ всякаго сомнѣнія. Безъ подробнаго и обстоятельнаго критико-литературнаго разбора никогда не будетъ для насъ вполнѣ ясна личность нашего геніальнаго Кобзаря, а также главныя мотивы и основныя идеи его безсмертныхъ произведеній. Въ настоящее время, въ виду приближающагося пятидесятилѣтняго юбилея со дня смерти Т. Г. Шевченка, положительно необходимо озаботиться не только составленіемъ его подробной біографіи, но и основательнымъ, критическимъ, строго-научнымъ разборомъ его произведеній. Это послѣднее не такъ то уже и трудно сдѣлать,—нужно, главнымъ образомъ, собрать, объединить и систематизировать многочисленныя, разбросанныя въ различныхъ повременныхъ періодическихъ изданіяхъ статьи и изслѣдованія.

Послѣ этого нѣсколько длиннаго вступленія, намъ кажется, понятно то вниманіе, съ какимъ приходится относиться ко всякой попыткѣ освѣтить жизнь Шевченка на основаніи его произведеній, ко всякой попыткѣ подвести итогъ взглядамъ его на то или другое выдающееся жизненное явленія. Не удивительно поэтому, что мы съ большимъ интересамъ и вниманіемъ перечитали брошюру покойнаго А. Андріевскаго—„Объ отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни". Правда, незначительный объемъ книжечки (16 стр.) нѣсколько смутилъ насъ,—намъ казалось страннымъ и почти невозможнымъ затрогивать въ такой маленькой брошюркѣ такую глубокую и серьезную тему... Однако, обратимся уже къ самой книжкѣ г. Андріевскаго.

Отмѣтивши въ началѣ брошюры общее бодрое отношеніе къ жизни, которое характеризуетъ всю вообще лирику Шевченка, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи почтенный авторъ старается найти отвѣтъ на вполнѣ естественный для всякаго знакомаго съ тяжелыми условіями жизни генія нашего слова вопросъ: чѣмъ же объяснить этотъ бодрый тонъ произведеній и цѣнность жизни въ глазахъ „геніальнаго горемыки". На основаніи анализа произведеній Шевченка и критическихъ замѣчаній къ нимъ другихъ изслѣдователей (Франко) г. Андріевскій показываетъ намъ, что общее бодрое настроеніе и цѣнность жизни у нашего поэта зависѣли отъ его любви къ природѣ, къ родинѣ и человѣчеству,—что эта любовь спасала поэта отъ отчаянія въ самыя тяжелыя минуты его жизни и помогала ему сохранить въ себѣ бодрость и силу духа.

Таково вкратцѣ содержаніе брошюрки г. Андріевскаго. Конечно, кто возьмется читать брошюру Андріевскаго съ мыслью найти въ ней полный и обстоятельный отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи Шевченка къ жизни, тотъ жестоко ошибется. Благодаря своимъ слишкомъ незначительнымъ размѣрамъ, брошюра эта, собственно говоря, не даетъ ничего новаго и оригинальнаго. Впрочемъ, несмотря на это, она заслуживаетъ быть отмѣченною, какъ и всякая вообще попытка охарактеризовать ту или иную сторону многострадальной внутренней жизни нашего Кобзаря. Большимъ плюсомъ книжечки г. Андріевскаго является также та любовь и благоговѣніе передъ Шевченкомъ, которыя какъ бы проникаютъ всю ее, которыя проглядываютъ въ каждомъ словѣ ея.

В. Мировець.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1902 г., кн. 3 и 4. *С.-Петербургъ, 1902.*

Изъ статей и замѣтокъ, имѣющихъ отношеніе къ области нашего изслѣдованія, отмѣтимъ слѣдующія. Въ кн. 3-й *Д. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ*, (стр. 34—76, 43—65). Болѣе интересенъ анализъ этого памятника со стороны культурно-бытовой исторіи (въ послѣдней части); *Н. П. Некрасовъ. Замѣтка о двухъ статьяхъ въ договорѣ Игоря съ греками 945 г.* (стр. 77—78). Цѣнное объясненіе къ пониманію того мѣста договора, гдѣ идетъ рѣчь о побѣгѣ рабовъ («аще оускочитъ челядинъ отъ Руси»); *М. П—ій. Слово на Рождество Богородицы* (по рукописи музея чешскаго королевства, относимой къ XVI вѣку (стр. 115—126). Текстъ слова повидимому очень древній, судя по упоминанію въ немъ о «Роуси—новомъ твоемъ стадѣ», *В. Н. Щепкинъ.* II-й отчетъ отдѣленію русскаго языка и словесности (стр. 156—218). Для насъ интересны цѣнныя свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о византійской миніатюрѣ и древней русской иконописи, почерпнутыя изъ разсмотрѣнныхъ имъ древнихъ рукописей (XI—XIV в.) въ Римѣ, Болоньи и Венеціи; *Е. Н. Карскій. Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени* (стр. 221—234). Очень важно для насъ опредѣленіе южной границы бѣлорусскаго племени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣверной малорусской (стр. 224—227); *Н. И.*

Коробка. Къ изученію малорусскихъ колядокъ (тр. 235—276). Авторъ пытается разобраться въ достоинствахъ и недостаткахъ методовъ изученія малорусскихъ колядокъ, созданныхъ А. Веселовскимъ и Потебней. Выступая противъ туманности въ изслѣдованіяхъ, объясняемой въ извѣстной степени «отторженностью отъ соціологической почвы, которой страдаютъ въ большей или меньшей степени труды изслѣдователей школы заимствованій», почтенный авторъ, однако, не проясняетъ затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, затемняя ихъ, какъ намъ кажется, еще болѣе новыми гипотезами. Тѣмъ не менѣе изслѣдованіе автора содержитъ много цѣнныхъ указаній, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе изслѣдователямъ народной поэзіи. Въ отдѣлѣ библіографіи—*И. А. Лось. Народный элементъ въ польской поэзіи* (рецензія на книгу Stanisław Zdziarski: «Pierwiastek ladowy w poezji polskiej XIX wieku. Warszawa, 1901)—указанія на то, въ какой степени малорусская народная словесность отразилась въ польской литературѣ, и общія упоминанія о польско-украинской школѣ; рецензія К. О. Тіандера на работу St. Rożnieck'аго Perun und Tor (Arch. für slav. Filologie, т. XXIII.

Въ кн. 4-ой. О. Ашботъ. Нѣсколько замѣчаній на сочиненія В. И. Ягича объ исторіи происхожденія церковно-славянскаго языка. I. Болгарское шт и славянскія, заимствованныя, слова венгерскаго языка. II. Мадьярское angyal „Engel“ (стр. 246—320). Цѣнное филологическое изслѣдованіе, имѣющее немалое значеніе для нашей филологіи. *А. Погодинъ. Къ вопросу о геродотовскихъ Неврахъ* (стр. 346—353). Авторъ приходитъ къ выводу о тождественности Невровъ со славянами, основываясь, между прочимъ, на данныхъ географической номенклатуры, а именно, допуская, что тырь или тыръ (Τύρης, Τύρις, Τύρας)=Стырь (какъ Вислочь=Свислочь), отсюда и Днѣстръ= Dona—stris (или ster), значитъ „въ *stris* кроется память о прежнемъ названіи Днѣстра Стырью“. Въ отдѣлѣ библіографіи—*Г. Улашинъ.* Польскія библіографическія изданія за послѣдніе годы (1898—1901) (стр. 366—402). Въ обзорѣ этихъ изданій встрѣчаемъ указанія на давнія печатныя и рукописныя (напр. въ покуцкомъ музеѣ въ Коломыѣ) произведенія, небезынтересныя для насъ.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Русскій Архивъ, № 3; 2) Русская Старина, № 3; 3) Историческій Вѣстникъ, № 3; 4) Русское богатство, № 1; 5) Міръ Божій, № 3; 6) Русскій Вѣстникъ, № 3; 7) Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія, № 3; 8) Университ. (Кіевскія) Извѣстія, № 2; 9) Варшавскія Университ. Извѣстія, № 1; 10) Ученыя записки Казанскаго Университета № 2; 11) Труды Кіев. Духовн. Акад. № 2; 12) Книжки Восхода, № 2; 13) Земск. Сборн. Черниг. губ. № 2; 14) Литер.-Наук. Вистн. № 2 и 3.

Русскій Архивъ, № 3.

Письмо І. Ф. Квитки (Основьяненка) къ С. Т. Аксакову (стр. 445—447). Письмо это относится къ 1829 году и касается комедіи «Дворянскіе выборы» и ея постановки на Московской сценѣ.

Русская Старина, № 3.

Изъ письма Н. М. Языкова къ брату его Александру Михайловичу. Сообщилъ В. И. Шенрокъ (стр. 529—539). Въ этихъ отрывкахъ изъ писемъ встрѣчаются краткіе отзывы о М. А. Максимовичѣ, Гоголѣ и О. М. Бодянскомъ. Больше всего отзывовъ, и при томъ самыхъ неблагопріятныхъ, о Максимовичѣ, котораго Н. М. Языковъ считаетъ ничего не понимающимъ въ дѣлѣ литературы. Напр., говоря объ изданіи «Денницы», авторъ писемъ сообщаетъ: «Обозрѣніе русской словесности до 1830 года пишетъ самъ Максимовичъ. Уже мѣсяцъ, какъ носится онъ съ нимъ по знакомымъ домамъ, собирая коекакія мнѣнія и изреченія о предметахъ, которыхъ самъ ничуть не понимаетъ, и изъ этого выходитъ такая сумятица, такая гиль, что не дай Богъ злому татарину быть ея авторомъ!»

Историческій Вѣстникъ, № 3.

Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія“ находится отзывъ о книгѣ П. Ф. Павловскаго. Полтава въ началѣ XIX вѣка. Вып. І. Генералъ-Губернаторство Куракина (1802—1808 г.)

Русское Богатство, № 1.

Въ отдѣлѣ «Новыя книги» помѣшенъ отзывъ о книгѣ *Т. Лубенца* «Педагогическія бесѣды», гдѣ между прочимъ идетъ рѣчь о преподаваніи въ школѣ на мѣстномъ языкѣ, при чемъ ставится автору бесѣдъ въ упрекъ его сбивчивая точка зрѣнія на постановку вопроса о преподаваніи на малорусскомъ языкѣ (стр. 35—37).

Міръ Божій, № 3.

Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія (продолженіе: глава 2-ая, стр. 123—150). Здѣсь авторъ трактуетъ о народномъ хозяйствѣ Кіевской Руси (съ VI до к. XII в.). Господствующей отраслью хозяйства была добывающая промышленность (звѣроловство и пчеловодство). Въ менѣе развитомъ сельскомъ хозяйствѣ скотоводство преобладало надъ земледѣліемъ. Обрабатывающая промышленность и торговля (преимущественно внѣшняя) были весьма незначительны. Затѣмъ идетъ разслѣдованіе—о формахъ землевладѣнія:—о семьѣ и верви, какъ хозяйственныхъ единцахъ, о землевладѣніи высшихъ классовъ и смердовъ; о техникѣ или системѣ хозяйства (экстенсивной, хищнической); о распредѣленіи хозяйственныхъ благъ.

Русскій Вѣстникъ, № 3.

Въ отдѣлѣ «Современная лѣтопись» (на стр. 436—439) находимъ двѣ замѣтки. Первая—«Галицко-русское братство»—привѣтствуетъ открытіе этого общества, ожидая отъ него великихъ и богатыхъ милостей для нашихъ закордонныхъ братьевъ. Наше мнѣніе высказано уже во II-ой и III-ей книжкѣ. Въ другой замѣткѣ «Маленькій пунктъ зарубежной программы» журналъ высказываетъ свое сужденіе о задачахъ украинофильской партіи. Украинофильство называется здѣсь поверхностной и ничтожной затѣей нѣсколькихъ пустыхъ интеллигентовъ и т. п. Старая, неумная и непорядочная выходка.

Журналъ Минист. Нар. Просв., № 3.

М. К. Любавскій. Новые труды по исторіи Литовско-русскаго сейма (окончаніе, стр. 121—167).

Въ этой обширной и детальной рецензіи подвергнуты разбору изслѣдованія М. В. Довнаръ-Запольскаго «Спорные вопросы по исторіи литовско-русскаго сейма» и Н. А. Максимейко „Сеймы литовско-русскаго государства до 1569 г.“ Въ послѣднемъ трактатѣ, по мнѣнію рецензента, благодаря неправильному методу раціоналистическаго объясненія историческихъявленій, собственно отрицается исторія сейма, отрицается всякое движеніе, всякія перемѣны въ составѣ и компетенціи этого учрежденія въ зависимости отъ внутреннихъ условій государственной жизни.

Въ этомъ же отдѣлѣ „критики и библіографіи“ помѣщенъ отзывъ *А. И. Соболевскаго* (стр. 182—185) объ изслѣдованіи *Д. Совицкаго.* Русскій гомилетъ XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій; и *С. Н. Браиловскимъ* сообщенъ новый документъ къ біографіи св. Димитрія Ростовскаго. *См.* „*Замѣтки по литературѣ* переходного времени“ (стр. 185—188).

Университетскія Кіевскія Извѣстія, № 2.

М. А. Стельмашенко. Политическая дѣятельность Петра Скарги (продолженіе отд. VIII, IX, стр. 81—149).

Въ этой части изслѣдованія идетъ рѣчь о Скаргѣ, какъ иниціаторѣ и руководителѣ уніатскаго движенія въ королевствованіе Баторія; о трудахъ и вліяніи Скарги, какъ писателя (автора произв. «O jedności kościola»), проповѣдника, организатора и агитатора, вдохновеннаго поборника польскихъ національныхъ и римскихъ религіозныхъ идеаловъ; затѣмъ трактуется о дѣятельности Скарги при Сигизмундѣ III, при чемъ дается общая картина положенія православной церкви въ Польшѣ, изображается почва, на которой выросла религіозная унія 1596 года.

А. С. Грушевскій. Пинскіе акты XV—XVI вв. (стр. I—16). Приложеніе къ сочиненію «Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества».

Предположенные къ печатанію здѣсь акты распадаются на 2 группы: 1) акты, относящіеся къ исторіи Пинскаго Полѣсья, за 1471—1566 гг.; 2) акты, обрисовывающіе различныя стороны мѣстнаго быта и жизни, выбранные изъ книги Пинск. Гор. Суда за 1561—1563 гг. Первыхъ 75 №№, вторыхъ 35 №№. Въ настоящей книгѣ напечатаны только 11-ть первыхъ №№.

Вавшавскія Университетскія Извѣстія, № 1.

Проф И. П. Филевичъ. Къ исторіи Карпатской Руси (продолженіе, стр. 41—64).

Здѣсь авторъ останавливается на самомъ свѣтломъ событіи Галицкой весны 1848 г.—на октябрьскомъ (съ 19-го по 26-е) собраніи русиновъ, на которомъ они вырабатывали этнографическое опредѣленіе своей народности и рѣшили вопросъ о своемъ литературномъ языкѣ. Галицкая Русь была объявлена частью 15-милліоннаго народа, т. е. Украинской Руси и умолчано объ остальной Руси. Языкомъ общенароднаго просвѣщенія былъ признанъ малорусскій. Эти факты блестяще опровергаютъ слова и иллюзіи профессора, какими онъ хочетъ перетолковать ихъ въ пользу своей позиціи.

Земскій Сборникъ Черниговъ. губ, № 2,

«Музей украинскихъ древностей, пожертвованный Черниг. губ. земству В. В. Тарновскимъ» (стр. 50—65).—Здѣсь разсказана исторія перехода музея въ собственность земства и дано описаніе отдѣловъ музея.

Въ *приложеніяхъ* продолжается печатаніемъ «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка «1729—30 гг.» подъ редакціей Н. П. Василенка (стр. 289—320).

Літературно-Науковий Вістник, № 2 и 3.

Зміст: Із поезий *М. Вороного*: І. І кар; II. До моря і III.—Із поезий. *Над. Кибальчич:* І. Уривок; II. Переспів; III. З давнини і IV.—*М. П. Старицький.* Заклятий скарб (подільська легенда).—Целебс, *М-а.*—*Волод. Винниченко*—Народний діяч.—Із поезий *Некрасова*—переклад Франка.—*Волод. Короленко*—Оповідання про Фльора-Римлянина і Агріппу-царя.

— Ненастанна деградація енергіі, *Юл. Гірняка.*—Новини нашоі літератури: 1) Нове укр. оповіданя М. Вовчка, оцінка Франка; 2) Талан чи випадковість. Ів. Личка; 3) М. Чернявський, Зорі, рец. Франка; 4) Народний декляматор, рец. Франка; 5) Про календар «Просьвіти на рік 1903», В. Левицького; 6) Б. Лепкий, Осінь, рец. М. Грушевськоі.—Руські памятники в Кракові, О. Макарушки.—Мик. Некрасов, М. Грушевського.—Дискусиі: 1) В погоні за новою красою:

а) Прінціпи і безпрінціпність, Ів. Франка; б) Для прояснення неясности, В. Коцовського.—Народня осьвіта в Росії по цифрам, Р. Петлюри.—Надъ сьвіжими могилами: І. Павлові Грабовському—Б. Грінченка, Г. Ков.-Кол. і Ів. Франка; II. Кость Горбаль, Ів. Франка.—Хроніка і бібліографія.

Із поезій *В. Сивенького:* І. Заспивав би я; II. Божий приклад.—Із поезий Вол. Темницького і Осипа Фаціевича.—*М Вороний*, Іванові Франкові —*М. П. Старицький,* Заклятий Скарб.—*М. Яцків*, Поема долин.—*П. Барвінський*, Титарь.—*М. Степовенко*, З життя гімназіястів.—*Н. Дойль,* За кулисами діпльоматичноі сцени.—Із німецьких народних пісень. 1) Пісня про кравців, перекл. Фр.

Д. Мордовець, Про незабутне.—*Д-р. І. Копач.* На старім шляху.—*Д-р. М. Кордуба,* Біблія в осьвітленю найновійших вавилонських розкопів.—Гн. Хоткевич, Дрібні Листи з Украіни.—Дискусиі. II. Чи повинні ми просьвічати наші діти про полові справи, М. П.—Історичне товариство в Чернівцях.—Хроніка і библіографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

14 февраля н. г. и. д. доцента С.-Петербургской духовной академіи Д. И. Абрамовичъ защищалъ диссертацію. «Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ». Ислѣдуемый авторомъ Патерикъ является,—богатымъ и цѣннымъ источникомъ: здѣсь много данныхъ, касающихся церковной жизни вообще и монашества, въ частности. Въ немъ немало указаній также на политическія, общественныя и бытовыя отношенія того времени. Диссертантъ считаетъ Кіево-Печерскій Патерикъ—однимъ изъ источниковъ для изученія «Несторовой Лѣтописи»: вопросъ же объ этой послѣдней онъ отдѣляетъ отъ вопроса о «Повѣсти временныхъ лѣтъ», въ томъ именно смыслѣ, что «Лѣтопись» есть лишь составная часть «Повѣсти». Въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, мы находимъ указаніе на составъ «Несторовой Лѣтописи, изъ котораго видно, что въ эту послѣднюю входило лишь нѣсколько сказаній: «Слово о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ», „Слово объ открытіи и перенесеніи мощей пр. Ѳеодосія Печерскаго“ и нѣсколько мелкихъ церковно-историческихъ извѣстій и замѣтокъ. Остальная часть диссертаціи посвящена литературной

исторіи Патерика, и анализу цѣлаго ряда памятниковъ, частью входящихъ въ составъ послѣдняго, частью связанныхъ съ нимъ. Д. И. Абрамовичъ—сынъ священника Волынской епархіи, состоя членомъ-корреспондентомъ общества любителей древней письменности, онъ принималъ дѣятельное участіе въ послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ.

Въ засѣданіи харьковскаго историко-филологическаго Общества 7 марта, было доложено о предложеніи московскаго археологическаго Общества озаботиться составленіемъ указателей статей по исторіи, археологіи и этнографіи, напечатанныхъ въ мѣстныхъ Харьковскихъ изданіяхъ. Проф. Н. Ө. Сумцовъ по этому поводу замѣтилъ, что *Библіографическій указатель И. А. Устинова* (1887) обнимаетъ собой литературу о харьковской губерніи до *1880* г., въ частности представляетъ полный указатель къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ съ 1838 г. по 1880 г. включительно. Устиновъ воспользовался многими библіографическими статьями и указателями, и трудъ его представляется въ настоящее время цѣннымъ пособіемъ. Но съ 1880 г. остается непочатое поле для библіографіи, при чемъ наиболѣе матеріала представляютъ „*Южный Край*“ и „*Харьк. Губ. Вѣд.*“, преимущественно въ отдѣлѣ корреспонденцій, и затѣмъ изданія харьк. губ. статистическаго комитета, въ частности „Статистическій Листокъ“ покойнаго проф. И. П. Сокальскаго. Постановлено просить редакціи мѣстныхъ газетъ озаботиться составленіемъ библіографическихъ указателей по исторіи, археологіи и этнографіи съ 1880 года. Прекратившіяся изданія разобраны для пересмотра членами Общества. („Южный Край“, 667).

Харьковскимъ университетомъ предпринимается изданіе «Исторической записки объ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ за 100 лѣтъ его существованія». Трудъ этотъ долженъ вкратцѣ дать понятіе о заслугахъ харьковскаго университета, какъ учебнаго заведенія и учрежденія ученаго и просвѣтительнаго. Планъ «исторической записки» составленъ профессоромъ Д. И. Багалѣемъ. Сообразно съ дѣйствовавшими 4 уставами, въ запискѣ будетъ четыре отдѣла. («Южный Край», 7638).

Въ «Новомъ Времени» проф. П. А. Висковатовъ сообщилъ свои воспоминанія о смерти и похоронахъ Т. Г. Шевченка.

Въ 73 № «Полтавскаго Вѣстника», въ 56 № «Волыни» и въ 105 № «Биржевыхъ Вѣд.» находимъ обстоятельныя и восторженныя описанія Шевченковскаго вечера въ Петербургѣ (27 февр. н. г.).

Памяти Т. Гр. Шевченка—въ 42-ую годовщину его смерти посвящены статьи въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: 1) «С.-Петербургск. Вѣд.», № 55, ст. А. Л—каго; 2) «Кіевская газета», № 57, ст. В. Мировця; 3) „Южный Край", № 7649, ст. Ан. Молдавскаго; 4) Астраханскій листокъ, № 44, В. С—аго; 5) «Кубанскія областн. вѣдом.», № 46.

Черниговской ученой архивной коммиссіей составлена и разсылается обширная программа для собиранія археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ данныхъ по черниговской губерніи. Программа распадается на 12 отдѣловъ: древности археологическія и историческія, древности юридическія (семейный бытъ, имущественныя отношенія, поземельно-экономическія отношенія, уголовное право), народная словесность, бандуристы (кобзари) и лирники, повѣрія и суевѣрія, училище и дворъ, одежда, пища и напитки, украшенія, народная музыка, занятія, ремесла и промыслы (земледѣліе, скотоводство, овцеводство, птицеводство, рыболовство, охота, сапожничество, пчеловодство, мирошничество, плотничество, токарство, колесничество, бондарство, выдѣлка деревянной посуды, портняжество, торговля, нищенство и проч.). Детально и умѣло составленная программа обѣщаетъ дать богатый матеріалъ по описанію губерніи. Эта программа небезынтересная и для архивныхъ коммиссій другихъ губерній напечатана въ январскомъ № «Сборника черниговской губерніи» за 1903 годъ. („Вѣстникъ Юга", 367).

Въ 369 № «Вѣстника Юга», находимъ горячо прочувствованную замѣтку «Памяти героя труженика», посвященную А. А. Андріевскому, какъ учителю и писателю.

Въ 7669 № „Южнаго Края“ г. Евг. Альбовскій помѣстилъ оч интересную статью «Когда основанъ г. Харьковъ? (По новымъ архивнымъ документамъ»). Устанавливая годъ основанія города (1654) и личность основателя (Ив. Корчакъ), авторъ даетъ общую картину колонизаціи и существованія Харькова въ первые его годы.

Въ 11 № „Вѣстника Самообразованія“ за 1902 г. находимъ довольно обстоятельную статью „Историческій музей имени В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ“.

Въ 54 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» появилась полемическая статья г. Котовича «О племенномъ составѣ гродненской губ. Основное положеніе автора,—что народная масса гродненск. губ. (главн. обр., юго-западной части ея) принадлежитъ къ малорусскому племени, доказывается изслѣдованіемъ Е. О. Карскаго «Къ вопросу объ этнографическ. картѣ бѣлорусскаго племени». Другое положеніе, что мѣстное православное духовенство развитѣе великорусскаго, доказывается историческими судьбами края, давшаго и дающаго многихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей и ученыхъ

Въ № 11 Словинскаго журнала „Ljubljanski Zvon“ помѣщена рецензія Ант. Ашкерца (выдающагося современнаго словинскаго поэта) на книжку С. Яричевскаго «Франц Прешерн, найбільший сьовінский поет. Його жите і твори. Перемишль 1902». Рецензія весьма сочувственна, и свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ нашей литературой.

Въ 1753 № «Приднѣпровскаго Края» находимъ глубоко интересную и поучительную статью «Къ исторіи музея им. А. Н. Поля». Екатеринославское Общество проявило выдающуюся заботливость и энергію при созданіи своего музея. Между пожертвованіями особенно интересна коллекція запорожскихъ древностей Д. И. Эварницкаго. Всего въ музеѣ свыше 3650 №№.

Въ 1433 № „Юга“ находимъ оцѣнку новой книжки «На вику,—якъ на довгій ныви“, С. Енохина.

Въ № 49 „Кубанскихъ обл. вѣдомостей“ помѣщена обстоятельная статья «Кобзарь Мыхайло Кравченко».

Въ 2094 «Южнаго Обозрѣнія» г. Кыслыкъ далъ оч. сочувственную рецензію на важнѣйшія украинскія изданія преимущественно Кіевскія, за 1902 годъ.

Въ Энциклепедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона (71 полутомъ, стр. 473—476), напечатана статья А. Крымскаго объ Ів. Франко.

Въ 7649 № (19 февр.) „Южнаго Края“ находимъ оч. цѣнную статью проф. Н. Ѳ. Сумцова «Изъ мрака къ свѣту»,—посвященную характеристикѣ крѣпостничества на основаніи печатныхъ данныхъ и устныхъ преданій изъ харьковской старины.

Въ 54 № „Русскихъ Вѣдомостей“ дана сочувственная рецензія на брошюру *Е. Чикаленка.* „Розмова про сельске хазяйство 5-та кныжка. Садъ“.

Въ 45 № „Волыни“ помѣщена самостоятельная и подробная характеристика статьи англійскаго журнала The Athenaum (№ 3924, янв. 10, 1903 г.) объ украинской литературѣ. (см. о ней нашъ журналъ кн. II, стр. 79).

Годичнымъ подписчикамъ «Юга» обѣщана интересная премія—2-я часть книги «Клады и древности Херсонской губерніи».

Въ Библіографическомъ листкѣ № 7 Волыни находимъ сочувственную рецензію на «Литературный Збирныкъ, зложенный на спомынъ Ол. Коныського. (1836—1900). Кыивъ, 1903). Авторъ г. К. прихо-

дитъ къ выводу, что молодая украинская литература замѣтно развивается, что литературный языкъ уже значительно выработался и окрѣпъ; подчеркиваетъ также «почвенность» современныхъ украинскихъ писателей, т. е. тѣсную связь ихъ съ своимъ народомъ.

Въ 5391 № «Кіевскаго Слова» г. Лисовыкъ далъ оч. обстоятельную оцѣнку того же «Литературнаго Збирныка». Рецензентъ отмѣчаетъ идею и художественныя достоинства каждаго произведенія, вошедшаго въ «Збирныкъ», находитъ что новая, свѣжая струя проходитъ черезъ весь сборникъ и придаетъ ему особый интересъ.

Въ № 2085 «Южнаго Обозрѣнія» находимъ оч. цѣнную, оригинальную статью покойнаго А. А. Андріевскаго «Степь и море въ произведеніяхъ Т. Гр. Шевченка».—Авторъ исчерпалъ всѣ стихотворенія поэта, въ которыхъ является на сцену степь и море, какъ обстановка дѣйствія, какъ самостоятельный образъ, какъ поэтическое сравненіе; онъ приводитъ массу отрывковъ изъ разнообразныхъ по содержанію и формѣ произведеній Шевченка. И въ личной жизни поэта, и въ настоящемъ и прошломъ Украины оч. часто вспоминаются степь и море. Слово степь встрѣчается въ «Кобзарѣ» 79 разъ.

Въ № 7656 «Южнаго края» проф. Н. Ѳ. Сумцовъ помѣстилъ прекрасную статью «О рисункахъ и картинахъ Т. Г. Шевченка (преимущественно харьковскихъ). Шевченко едва-ли не первый русскій офортистъ; въ его рисункахъ чувствуется художественное настроеніе. Какъ живописецъ, онъ является типичнымъ, лучшимъ ученикомъ Брюлова и Рембрандта. Рисунки его имѣютъ важное авто-біографическое, историческое и этнографическое значеніе. Сумцовъ подробно описываетъ двѣ харьковскія картины Шевченка, написанныя масляными красками; это—«Спаситель»—въ духѣ Брюлова, хранящійся въ коллекціи Б. Г. Филонова, и «Бурлакъ» въ стилѣ Рембрандта изъ музея харьковск. университета. Въ заключеніе, профессоръ высказываетъ пожеланіе, чтобы всѣ рисунки и картины Шевченка были воспроизведены и изданы.

Въ „Сб. Вѣдом.“. (№ 19 и 20) помѣщены были двѣ статейки по вопросу о томъ, кто была мать Н. А. Некрасова. Первая изъ нихъ представляетъ краткое извленіе изъ замѣтки, напечатанной г. Оберучевымъ въ нашемъ журналѣ (см. № 1-й), а вторая, принадлежащая перу М. Филиппова, высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы можно было утверждать не польское происхожденіе матери Некрасова. Свои доводы авторъ основываетъ, главнымъ образомъ, на поэмѣ Некрасова «Мать», имѣющей автобіографическій характеръ.

Въ «Вѣстникѣ Юга› (№ 333) напечатана статья *Г. Ков.-Кол.*, посвященная памяти недавно почившаго украинскаго поэта П. А. Грабовскаго.

Въ Вѣнскомъ Zeitschrift für oesterreichische Volkskunde (въ посл. кн. 1902 г.) напечатана рецензія на кн. В. Тухевича „Гуцульщина“. Къ статьѣ приложено много рисунковъ.

Въ 3 и 4 кн. Slovanský Přehled помѣщена интересная статья д. В. Гнатюка о положеніи украинской литературы въ Россіи.

Новое изданіе. Во Львовѣ недавно появилось новое періодическое изданіе «Іскра», подъ редакціей Павла Волосенка, спеціально предназначенная для украинской молодежи. Изъ вступительной статьи видно, что журналъ издается студентами старшихъ курсовъ для учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведеній, которые, по мнѣнію редакціи,—должны «вчитись, як на сьвіті жити»; т. е. пріобрѣсть тѣ познанія, какихъ не даютъ школьные учебники, т. е. слѣдить за всевозможными проявленіями жизни и духа человѣческаго и выработать цѣльное міросозерцаніе, которое дало бы возможность оріентироваться среди различныхъ явленій общественной жизни. Всѣмъ этимъ потребностямъ молодежи будетъ удовлетворять «Іскра», при чемъ редакція заявляетъ, что она вовсе не желаетъ ставить китайскую стѣну между воспитанниками среднихъ заведеній и студентами, которые имѣютъ свой отдѣльный органъ «Молода Украіна». Оба эти журнала должны установить болѣе тѣсную связь между старшими и младшими членами

украинской молодежи, чтобы соотвѣтственно подготовить ихъ къ полезной работѣ на пользу родного народа.

Вѣнская газета *Die Zeit* начала печатать въ своихъ фельетонахъ разсказъ д-ра Івана Франка «На Дні» (Der Bodensatz).

Еженедѣлный журналъ «Slovanský Obzor», начавшій выходить съ начала сего года въ Прагѣ подъ редакціей Ярослава Розводы, содержитъ въ № 3 переводъ новеллы Васыля Стефаныка «Кленові листки».

Въ № 24 газ. «Руслан» др. Ярослав Окуневскій помѣстилъ интересныя воспоминанія о М. П. Драгомановѣ, относящіяся къ 1891—1893 гг. Въ №№ 45, 46 той же газеты начато печатаніемъ письмо въ редакцію М. Павлика „М. Драгоманов, „високій рівень українства та «нова ера»,—являющееся возраженіемъ на «Замітку до згадки д-ра Я. Окуневскаго про Драгоманова», помѣщенную въ №№ 26 и 27 «Руслана».

Въ № 46 газ. «Руслан» помѣщено стихотвореніе Богдана Лепкого „*В XLII* річницю смерти Тараса Шевченка“ и небольшая статья отъ редакціи «*Тарас Шевченко*»,—о значеніи поэта въ пробужденіи національнаго самосознанія украинскаго народа. Номеръ украшенъ двумя иллюстраціями: «Тарас Шевченко в домовині» і „Шевченкова могила“.

Въ №№ 29, 30, 33—35 «Руслана» помѣщена интересная статья Степана Томашівського «Враження з побуту на Україні». Авторъ, извѣстный украинскій историкъ, дѣлится своими наблюденіями, въ большинствѣ случаевъ весьма цѣнными, такъ какъ это не простое изложеніе субъективныхъ впечатлѣній путешественника, а научно, съ исторической точки зрѣнія, обоснованные выводы.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Андріевскій А. Объ отношеніи Т. Г. Шевченко къ жизни. Одесса. 1903 г.

Бодяньский Осип. Наські укрінські казки запорожця Іська Матиринки. Видав і пояснив Франко (Літ-Наук. Бібл. Ч. 49—50). У Львові, 1903. Наклад. укр-руськ. Видавн. Спілки. Ст. 88 ц. 50 сот.

Будзиновский Вячеслав. Руский страйк в 1902 році. Львів, накладом «Свободи». ст. 104.

Вахевичъ Б. А. Западно-русская лѣтопись по списку Румянцевскаго музея. Одесса, 1903 г., ц. 75 к.

Нутпе. Український гимн, видання Сидорацькаго. Paris. Українська тискарня у Паріжі. ціна 50 с. ст. 20.

Гостинець чемним діточкам. Видання черновецькоі філіі тов-а „Руска Школа“ Ч. 1. Черніівці, 1903 ст. 16, ціна 6 ст.

Гумористичний—ілюстрований каляндар «Комара» на 1903 р. З друкані Уділовоі. стр. 68, ціна 50 сот.

Дубове лысте. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. Упорядкувалы: М. Черпявськый, М. Коцюбинськый, Б. Грінченко. Зъ 4 потретамы та зъ малюнкамы: У Кыиви, 1903, ц. 1 р. 50 к. стр. 278.

Енохинъ С. А. На вику,—якъ на довгій ныви. Елисаветградъ 1903 г. ц. 20 к.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. т. L., кн. II., Львів. ст. 192, ц. 3 кор.

Збірник математично-природописно-лікарскоі секциі Наукового тов. ім. Шевченка. т. VIII. Випуск II. Часть математично-природописна під редакциею Ів. Верхратского і Volод. Левицкого. Львів. 1902, стор. 190, ціна 3 к.

Золя Еміль. Смерть Олівія Бекайля. Перекл. М. Грушевська (Літ-Наук. Бібл. Ч. 51). У Львові; 1903. Накл. укр-руськ. Вид. Спілки. ст. 56, ц. 50 ст.

Конощенко Андрій. Украинськи писни зъ нотами. Друга сотня. Одесса стр. 141+III.

Крушельницкий Антін. Герої, драма. Коломия. ціна 70 сот. Стор. 48.

Лебедів Віра. Мами. Нариси із нашоі домашноі педагогіі. У Львові, 1902. З друк. Н. Т. ім. Шев. ст. 26, 8⁰. (Виданне Руского Товариства Педагогічного, ч. 105). Ц. 20 сх.

Марченко Ярослав. Власна хата. Прольог. написаний на відчинене Народного Дому в Бережанах, I—III 1903 р. Коломия, 1903. Накладом редакціі «Поступу».

На коляду Руси-Украіні оден сніп з гайдамацькоі ниви. Львів, 1903. Накладом ред. „Гайдамака". Ст. 80, ц. 20 сот.

Народний декляматор. Коломия, 1903. Ст. XVI+306. Ціна 120 кор.

Народно-церковні пісні. Уложив текст і ноти о. В. Стех. Ч. С. В. В. Ціна 12 сот. Львів, 1903.

Правнича Библіотека, т. II. Про австрийске право облігацийне. Львів, 1903. Накладом Наук. Т. ім. Шевч.

Пропамятне письмо, предложене Его Святости Льву XII. Папі Римскому в імени руского народа провінциі Галицькоі в Австриі в справі руско-католицкоі церкви в Америці. Львів, 1902 г. ц. 10 сот.

Руська Історична Бібліотека. Т. XXII. Розвідки про селянство на Украіні-Руси в XV—XVIII в. Ч. 2. У Львові. Ст. VIII+272. Ц. 3 кор.

Зміст: 1) Вступне слово від редакциі, 2) Владимірскій-Будановъ. Форма селянського володіння землею в Литовсько-руській державі XVI в; 3) Його жъ: Селянське володіння землею в Західній Руси до 1/2 XVI в; 4) Олександер Лазаревський. Украінські посполиті (1648—1783), історико-правничий начерк; 5) Додатки; 6) Показчик імен.

«*Свѣтъ*» Календарь на годъ 1903. Цѣна 35 цент. Изданіе американской газеты «Свѣтъ». Бриджпорт.

Слюсарчук. Алексій парох. Псалтира розширена въ дусѣ христіяньскои молитвы и церковного богослуженя, на основѣ выкладôвъ д-ра Вольтера, Р. Белярмина и д-ра В. Райшля. Печатня о.о. Василиян. Жовква, 1903.

Тесяковъ И. Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на Югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачебно-продовольственные пункты. I. Врачебно-продовольственные пункты для пришлыхъ рабочихъ въ херсонской, екатеринославской, самарской, симбирской и другихъ губерніяхъ. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Тобилевичъ Иванъ (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи. Томы III и IV. Одесса. 1903 г. цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Зміст III-го т: 1) По-надъ Днипромъ, 2) Хазяинъ, 3) Лыха искра поле спалыть и сама счезне. Зміст IV-го т: 1) Чумакы, 2) Сава Чалый, 3) Пидпанкы.

Труды V сельско-хозяйственнаго съѣзда юго-западнаго края о нуждахъ с.-хоз. промысла. Подъ ред. Т. Локтя. 250 стр. Ц. 1 р. 50 к. Кіевъ, ред. «Земледѣліе».

Хлопска політика. Серия I, т. II. Ціна 53 сот. Накладом В. Будзиновского. Львів, 1903.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. Р. 1902. Вип. IV. ч. 12 (вересень-грудень). Ст. 26. Ц. 30 сот.

Чи є тепер панщина? Оповідане. (Наука і Розвага. Народня Бібліотека. Додаток до «Приятеля», ч. I, 1903). Чернівці, 1903. Стр. 32. Ц. 10 сот.

Шекспір Уілліям. Міра за міру. Переклад М. А. Куліша. Видав і пояснив др. Ів. Франко. (Белетристична бібліотека. Ч. 48). Львів. Накладом укр.-руськоі Видавничоі Спілки. Ст. XXVI+128, 8⁰. Ціна 140 кор.

Шематизмъ всего клира греко-католицкои митрополичои архіепархіи Львôвскои на рôкъ 1903. Жовква. Печатня о.о. Василиянъ.

Schematismus der Bukowinaer Volksschulen u. Lehrer. Redigiert von Moses Fuhrman, lehrer in Sadagóra. Preis 1 k. 20 h.

Яричевскій Сильвестр. Франц. Прешерен, найбільший сльовинський поет. Його житє і твори. Перемишль. 1902.

Фототрафическій портретъ Т. Г. Шевченка (по портрету Здолбнова), размѣромъ 18×24. Цѣна 1 р. 20 к. Новое изданіе.

